Воронежский государственный университет

А.П. Медведев

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГЕОГРАФИИ ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ

Воронеж 2004

ББК 63.4.
М 42

Печатается по решению Ученого Совета исторического факультета ВГУ от 30 сентября 2004 г.

М 42 Медведев. А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 144 с.

Издание посвящено исследованию фундаментальных проблем археологии и истории Лесостепной Скифии VII - IV вв. до н. э. Системному анализу подвергаются большие курганные некрополи скифского времени в комплексе с ближайшими городищами и поселениями. Широко используются современные методы социального и пространственного анализа археологических памятников, устанавливается их культурная специфика в сравнении со степными древностями. Рассматриваются ключевые методические и источниковедческие аспекты этногеографии Скифии. Дается авторская оценка возможностей цивилизационного подхода к Скифии и соседним потестарным образованиям, впервые предлагается их историческая оценка в рамках широкого диахронного анализа.

Для историков, археологов, студентов, всех интересующихся древней историей нашей страны.

Medvedev A.P. Studies on Archaeology and History of the Forest Steppe Scythia. – Voronezh: Voronezh State University, 2004. – 144 p.

The book is dedicated to research of fundamental problems of archaeology and history of the Forest Steppe Scythia in the 7^{th} - 4^{th} centuries BC. There you can find the system analysis of large kurgan necropolises of Scythian time along with nearer settlements and wide usage of modern methods of space and social analysis of archaeological data, which are studied from the point of view of their cultural specificity comparing to Steppe antiquities. The key methodic and source-studying aspects of Scythian ethnogeography are also considered. The author presents his own estimation of possibilities of civilization approach to Scythia and neighbouring potestarian formations, which for the first time are examined in the context of wide diachronic analysis.

For historians, archaeologists, students and anyone who is fond of ancient history of Russia.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации по проекту № Г02 - 1.2 - 510

ISBN

© Медведев А.П., 2004
© Воронежский государственный университет, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы наступила новая эпоха - ранний железный век. Использование этого металла, на первых порах вынужденное, со временем привело к весьма радикальным переменам в жизни людей, их материальной и духовной культуре. С наступлением железного века производительные силы древних обществ поднимаются на качественно новую ступень развития. В восточноевропейской лесостепи, как никогда ранее, получает развитие пашенное земледелие, о чем прямо свидетельствуют античные источники (Herod.: IV. 17), археологические находки деревянных плугов и их глиняные модели. В степной полосе исторические перемены, вызванные наступлением железного века, проявились, прежде всего, в форме распространения кочевничества. Его основу составляло экстенсивное скотоводство в условиях постоянных сезонных перекочевок. В I тыс. до н. э. кочевое скотоводство оказалось весьма прогрессивным типом хозяйства, оптимально приспособленным к природно-климатическим условиям степной зоны Северного Причерноморья. С VII - VI вв. до н. э. в силу ряда причин номады оказывались доминирующими этносами не только в военно-политической, но и культурной жизни этого обширного региона, что проявилось и в традиционой археологической периодизации его истории (*скифская эпоха, сарматский период* и т.п.). Сейчас становится все более очевидным, что их политическое и культурное влияние распространялось далеко за пределы собственно степной зоны, в том числе, на всю лесостепь.

В отличие от племен, населявших европейские степи и лесостепи в бронзовом веке и известных только по условным названиям археологических культур, античные авторы сохранили подлинные этнонимы скифо-сарматской эпохи. Это далеко не случайно, так как именно тогда народы нашей страны впервые выходят, а точнее буквально врываются, на арену Всемирной истории и вступают в прямые контакты с ассирийцами и вавилонянами, греками и римлянами. Благодаря их хронистам и историкам до нас дошли имена *киммерийцев, скифов, савроматов, сарматов* и многих других степных этносов. К северу от них, в восточноевропейской лесостепи обитали земледельцы и скотоводы, такие как *будины, гелоны, меланхлены, невры*. В отличие от ираноязычных скифов и сарматов этническая и языковая принадлежность их северных соседей далеко не всегда может быть надежно установлена из-за скудности исторических свидетельств, имеющихся в распоряжении исследователей.

Широкое распространение строгой конской упряжи, железного меча и другого оружия ознаменовало в истории Юго-Восточной Европы начало новой *«героической эпохи»*. И античная традиция, и археология свидетельствуют, что война и организация населения для войны теперь становятся почти повседневным атрибутом жизни не только номадов, но и значительной части лесостепного населения. *«У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ или добычи... »* - так оценивал повседневную жизнь номадов их современник - скифский мудрец Токсарис (Luc., Tox: 36). В археологии ранних кочевников «героическая эпоха» нашла отражение в целом ряде принципиально новых явлений. Сразу бросается в глаза резкая военизация многих сторон жизни и быта, особенно при сравнении с археологическими памятниками предшествующего периода поздней бронзы. С наступлением раннего железного века в курганные погребения попадает очень много оружия, причем не только наступательного, но и оборонительного. Впервые появляется полная паноплия, защищавшая воина с головы до ног. Вместе с оружием часто встречаются детали снаряжения коня – бронзовые, а затем же-

лезные удила, псалии и пр., свидетельствующие о том, что в раннем железном веке лошадь стала доступна практически каждому, в том числе, и рядовому номаду, а не одной лишь знати, как это было в эпоху бронзы. Последнее нововведение не только позволило скотоводам совершать со стадами далекие сезонные перекочевки, но и явилось одной из объективных технических предпосылок военного превосходства номадов над соседним оседло-земледельческим населением.

Эпохальные перемены наблюдаются и в лесостепи. Постоянная угроза с юга, со стороны воинственных кочевников порождает в VII - VI вв. до н.э. массовое строительство городищ. До наступления железного века этого типа археологических памятников Восточная Европа практически не знала. К середине I тыс. до н.э. за стенами хорошо укрепленных городищ, да и вокруг них наблюдается несравненно большая концентрация населения, нежели на самых крупных поселениях предшествующей эпохи бронзы. В лесостепи большие и малые городища, связанные с ними открытые поселения и курганные могильники со временем составляли локальные микрорайоны памятников, обычно занимающие долину и присклоновые местности той или иной реки. Новые явления наблюдаются в селитебных планировочных структурах, которые приобретают двух- , а то и трехуровневый характер. Как известно, последние уже больше свойственны эпохе цивилизации.

Как бы мы сейчас не оценивали все эти памятники скифского времени с позиций формационного или цивилизационного подхода, следует признать, что объективно они свидетельствуют о каком-то качественно ином состоянии общества по сравнению с эпохой бронзы. Не вызывает сомнений наличие в лесостепных обществах раннего железного века сильных властных структур, способных подвигнуть их к выполнению титанических по объему строительных работ по сооружению больших, а то и просто гигантских городищ, таких как, как Матронинское (200 га), Трахтемировское (630 га), Немировское (1000 га), Большое Ходосовское (2000 га), не говоря уж о знаменитом Бельском городище площадью 4400 га. По-видимому, прямым археологическим отражением новых потестарных структур являются расположенные поблизости от лесостепных, а с V в. до н.э. - и степных городищ большие аристократические могильники, содержащие курганы «царского» ранга. Они служат наглядным показателем концентрации власти и богатства в руках «царей» и их «номархов», которые по размерам погребальных сооружений и роскоши сопровождающего инвентаря не имеют аналогов даже в памятниках более поздних «кочевых империй» Средневековья.

Комплексный анализ массовых археологических источников в последнее время позволяет выявить еще одно принципиально новое явление в жизни населения юга Восточной Европы в раннем железном веке. Оно проявляется в характере разделения труда между подвижными скотоводами и оседлым земледельческо-пастушеским населением. В эпоху бронзы между ними еще не ощущалось сколь-нибудь существенной обособленности этнокультурного и социального плана. Видимо, тогда разделение труда осуществлялось *внутри общины*, проживавшей на одном поселении: одна ее часть жила оседло, другая, сопровождая стада, вела подвижный образ жизни. Иная ситуация сложилась на юге Восточной Европы в раннем железном веке с появлением номадов. Специализированное кочевое хозяйство уже по самой его природе не могло обеспечить их всем необходимым и, прежде всего, продуктами земледелия и ремесла. Поэтому кочевники стремились подчинить себе оседлое, как правило, иноэтничное население, а затем насильственно включали его в свою хозяйственную систему. Со временем на Юге Восточной Европы сложилось межзональное разделение труда. Видимо, на этой основе возник феномен ранней скифской государственности, где доминировали даннические и

так называемые дистанционные (война, грабеж, вымогательство «подарков») формы эксплуатации воинственными кочевниками оседлоземледельческого населения не только в степи, но и в лесостепи. Привыкший выпасать свой скот кочевник легко становился, по выражению А.Тойнби, «пастырем» местного «человеческого стада». На мой взгляд, наглядным археологическим свидетельством существования в раннем железном веке именно такого *экзополитарного* (то есть направленного «вовне») или, по новой терминологии Н.Н.Крадина, *ксенократического* способа производства могут служить уже упоминавшиеся большие курганные могильники номадов (или бывших номадов) в лесостепи типа посульских или среднедонских, сооружавшиеся по соседству с городищами, где проживало оседлое земледельческо-скотоводческое население.

Вся совокупность имеющихся в распоряжении современных исследователей данных указывает на то, что в начале железного века на юге Восточноевропейской равнины появляются первые раннеклассовые общества и государства. Древнейшим из них было Скифское царство, надежно засвидетельствованное как письменными, так и археологическими источниками. В отличие от синхронных ему греческих полисов Причерноморья, куда классовое общество и государство были принесены эллинами в форме полисного строя в готовом виде, скифская государственность возникает самостоятельно, на местной основе в результате сложного, скорее всего,вынужденного симбиоза номадов и оседлоземледельческого населения. Именно наличие относительно устойчивой потестарной организации объясняет ту значительную роль, которую скифы играли в экономической, политической и культурной жизни региона и соседних народов и государств. Скифы оказали сильнейшее влияние на историю, культуру и судьбы не только степного, но и лесостепного населения Восточной Европы, в том числе, и на племена Среднего и Верхнего Дона. Последние составляли отдаленную, но отнюдь не глухую периферию Скифского мира. Об этом прямо свидетельствуют яркие находки из среднедонских курганов типа Частых, получившие всемирную известность и вошедшие практически во все издания шедевров скифской культуры.

Настоящий сборник включает десять работ по археологии и истории Лесостепной Скифии и смежной проблематике, написанных мною в последние годы. Каждая из них вполне самостоятельна, хотя в той или иной степени тематически связана с другими. Отсюда и некоторые повторы в изложении материала и взглядов автора, особенно в тех частях, которые были опубликованы ранее как самостоятельные статьи. В силу моих давних научных интересов большинство затронутых здесь проблем освещаются через призму среднедонских древностей, как бы из самого дальнего северо-восточного угла «Скифского квадрата». При всем сюжетном разнообразии их объединяет одна тема – стремление понять социальную и этническую природу того историко-культурного феномена, за которых закрепилось условное название «Лесостепная Скифия». По моему глубокому убеждению, ее успешное изучение на современном научном уровне может обеспечить только комплексный подход, базирующийся на привлечении результатов анализа всех доступных исследователю видов источников. Поэтому из настоящего издания я намеренно убрал археологические работы публикационного характера, отдав приоритет исследованиям итоговым и дискуссионным. Автор уверен, что познание любого явления возможно лишь на широком сравнительно-историческом фоне. Отсюда диахронный подход к скотоводческим обществам степной и лесостепной зон Восточной Европы, который освещается в двух последних статьях. Ряд исследований подготовлен в последние годы при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 03 - 01 - 00044а) и Министерства образования Российской федерации (проект № Г02 - 1.2 - 510).

ЛЕСОСТЕПНАЯ СКИФИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИЙ И ЭВОЛЮЦИЯ ИХ СОДЕРЖАНИЯ*

В современной скифологии все более заметным становится интерес исследователей к проблематике не только Степной, но и Лесостепной Скифии. Представляется, что его возрастание обусловлено рядом причин, как объективного, так и субъективного порядка. После распада СССР российским археологам оказались доступны для непосредственного полевого изучения по преимуществу лишь археологические памятники скифского времени, сохранившиеся на территории лесостепных Воронежской, Курской и Белгородской областей. С другой стороны, после сворачивания полевых работ большинства новостроечных экспедиций в Степном Причерноморье наши киевские коллеги стали проявлять повышенный интерес к лесостепным городищам и курганам. Эта «смена курса» уже нашла отражение в целом ряде публикаций как украинских, так и российских скифологов, среди которых в последние годы заметно преобладают издания по лесостепной тематике[1].

Сразу нужно сделать оговорку, что как таковое понятие «Лесостепная Скифия» напрямую не восходит к древним источникам, а является ученым конструктом XX в. Однако оно отражает некоторые существенные особенности истории и культуры населения восточноевропейской лесостепи в скифскую эпоху, ставшие известными в первую очередь благодаря успехам археологии. В статье я попытаюсь проследить историю формирования концепций Лесостепной Скифии, а также эволюцию взглядов исследователей на ее социальную и этническую природу.

Для античных авторов Скифия – это, прежде всего, далекая степная страна между Истром-Дунаем на западе и Танаисом-Доном на востоке (Herod.: IV. 47). Свое название она получила по праву завоевания от этникона «скифы», которым она была подвластна и которые составляли основную массу ее населения (Herod.: IV. 11, 81). Картографирование собственно скифских памятников V - IV вв. до н.э. в целом подтверждает ее пределы, очерченные «отцом истории» – от Дона на востоке до Тираса-Днестра на западе[2]. По его рассказу, Скифская страна представляла плодородную равнину, богатую травой и изобилующую водой. Геродот, как, впрочем, и некоторые другие авторы, иногда именуют ее ’έρημος – буквально «пустыня». Разумеется, здесь речь идет не о подлинной пустыне, а лишь о неосвоенной, с точки зрения эллинов, необработанной земле, то есть о покрытых травой степях[3]. Главная, сразу же бросающаяся в глаза особенность Скифии - она совершенно безлесна: ψιλη δε δενδρέον (Herod.: IV. 19); αξυλος (IV. 61). Уже античные авторы понимали, что сама природа Скифской земли обусловила занятие ее населения подвижным кочевым скотоводством. Оно вело непривычный для греков образ жизни, который постоянно привлекал внимание античных писателей: *«Здесь живут скифы-кочевники, которые ничего не сеют и не пашут»* (Herod.: IV.19). И далее - *«ведь они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота; жилища у них на повозках...»* (IV. 46, 3)**. Также описывали скиф-

---

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Министерства образования Российской Федерации по проекту № Г02 - 1.2 - 510.

** Здесь и ниже текст «Истории» Геродота приводится в переводе И.А.Шишовой по изданию: *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

ский уклад жизни Псевдо-Гиппократ(De aere.: 25) и многие более поздние греческие и римские авторы. Поэтому этноним «скифы» в античной традиции зачастую выступает как прямой синоним понятию «номады». Именно с этим народом в сознании эллина ассоциировались типичные черты кочевого уклада[4].

Современные исследователи обнаруживают следы автопсии «отца истории» не только в окрестностях Ольвии, но и гораздо севернее вдоль берегов Гипаниса - Буга вплоть до священной для скифов земли Экзампей[5]. И это вполне понятно – греки имели некоторые, весьма близкие к реальности представления о природе южной части Скифии, примыкавшей к ольвийской хоре, для которой были типичны степные ландшафты. Единственное исключение Гилея – лесистая область в низовьях Борисфена, которой «отец истории» уделил особое внимание (IV. 19, 76). Но, судя по «Письму жреца» из Ольвии, она принадлежала грекам-ольвиополитам, хотя иногда и подвергалась опустошительным набегам варваров, разорявших эллинские святыни[6].

Геродот специально замечает, что *«никто не знает, что находится выше страны* (то есть Скифии – *А.М.*), *о которой начато это повествование»* (IV. 16). Реальные знания о географии Восточной Европы к северу от Скифии «отцу истории» заменяли теоретические умозаключения типа того, что *«выше меланхленов - болота и земля, безлюдная на всем известном нам протяжении»* (IV. 20) Лишь в известном геродотовом рассказе о земле будинов мы встречаем описание ландшафта, отличающееся географической конкретностью: *«вся их страна поросла разнообразными лесами. А в самом густом лесу есть большое и широкое озеро и вокруг него болото и тростник. В этом озере ловят выдр, бобров и других животных с квадратной мордой…»* (IV. 109)[***]. Здесь природа «земли будинов» описана в явном контрасте с расположенной ниже степной страной савроматов, которая, как и Скифия была лишена *«и диких, и культурных деревьев»* (IV. 21). Для других глубинных областей к северу от Скифии мы имеем лишь отрывочные и косвенные свидетельства о существовании каких-то иных ландшафтов: в земле скифов-пахарей можно заниматься пашенным земледелием, которое и определило их греческий этникон Σκύθαι αροτήρες (IV. 17), в земле будинов был построен из дерева гигантский город, известный грекам как Гелон; его жители занимались не только земледелием, но и садоводством (IV. 108 - 109). Геродоту было известно, что за страной будинов и семидневной пустыней начинались владения охотников-тиссагетов и иирков, где *«деревья… в изобилии растут по всей стране»* (IV. 22). Его описание способа «охоты иирков», скорее всего, указывает на южнолесную зону, в лучшем случае - на северное пограничье лесостепи и леса, где дубравы чередовались с открытыми полянами. Но ни Геродот, ни тем более другие античные авторы не знали лесостепной зоны как таковой. Во всяком случае, «отец истории» (или точнее – его информаторы) не обратил на ее ландшафты особого внимания даже при рассказе о знаменитом торговом пути из Гавани борисфенитов на далекий северо-восток, к аргиппеям и исседонам Южного Приуралья (IV. 17 - 25). А путь этот проходил по степным, лесостепным и лесным областям.

В тоже время, вполне очевидно, что в очерченый Геродотом «Скифский тетрагон» (IV.101) попадала не только степная полоса, но и часть незамеченой им восточноевропейской лесостепи. По его представлениям Скифия простиралась в глубину на 4000

[***] Лишь у позднеантичного поэта Дионисия Периэгета в «Описании ойкумены» имеется упоминание какого-то необозримого леса, через который катит свои воды Танаис (652-720). Но, скорее всего, это упоминание носит мифо-поэтический характер – из контекста видно, что оно связано с популярной легендой о происхождении савроматов от амазонок и скифов.

стадий, то есть чуть более чем на 700 км к северу от побережья Понта. Но по рассчетам современных ученых Степная Скифия имела протяженность по направлению с юга на север не более чем на 500 км [7], а, если учесть вероятный сдвиг природных зон к середине I тыс. до н. э. к югу, то и того меньше. При наложении на современную карту северная сторона «Скифского квадрата» окажется примерно на 53 - 54 параллели, что соответствует линии несколько севернее городов Киев - Курск - Воронеж. По надежным и многочисленным данным археологии эта область была заселена не столько скотоводческими племенами, сколько оседлыми обитателями многочисленных поселений и городищ. Верхняя граница распространения лесостепных скифоидных культур VII - IV вв. до н. э., давно установленная путем картографирования их археологических памятников, довольно точно совпадает с северной стороной «Скифского четырехугольника», удаленной от моря более чем на 700 км. Существенно то, что сюда еще доходил античный импорт, который уже практически не поступал к отдаленным лесным племенам.

Это противоречие между геродотовым описанием Скифии как чисто степной страны и, в тоже время, вполне определенным его указанием о протяженности «Скифского тетрагона» на 4000 стадиев вглубь материка, то есть фактически уже в лесостепную зону, где по данным археологии получил распространие во многом иной уклад жизни, нежели у скифов-кочевников, подтолкнуло исследователей к идее о существовании «Лесостепной Скифии» (рис.1).

Выделение и введение в научный оборот историко-географического понятия «Лесостепная Скифия» явилось результатом археологических исследований на территории восточноевропейской лесостепи, где были открыты памятники, близкие скифским. Их своеобразие уже хорошо ощущал А.А.Спицын. Он фактически подошел к осознанию необходимости выделения своеобразной культуры в лесостепи скифского времени, дав ей условное название «курганы скифов-пахарей»[8]. Он же первым попытался выделить в ней отдельные локальные варианты, исходя из современного ему административного деления по губернскому принципу. Так появились три большие группы «скифов-пахарей» – киевская, полтавская и кубанская. Однако следует напомнить, что ни одну из них А.А.Спицын не связывал с конкретными племенами, упомянутыми Геродотом при перечислении этносов по северной стороне «Скифского квадрата». На всем обширном пространстве украинской лесостепи у него оказались «скифы-пахари» (они же и «скифы земледельцы»), а на Среднем Дону – «воронежские скифы»[9]. С ними он предложил связать не только курганы, но лесостепные поселения и городища (Бельское, Басовское, Немировское, Пастырское и др.), открытые по всей лесостепной полосе и уже отчасти подвергнутые изучению[10].

Практически одновременно с А.А.Спицыным более продуманную и целостную концепцию скифской культуры предложил М.И.Ростовцев. Он выделил в ней уже шесть локальных групп памятников (по его терминологии – «округов»), примыкавших к бассейнам великих русских рек, в том числе, три - на территории лесостепи[11]. Характер имевшихся в распоряжении ученого археологических источников, а это почти исключительно инвентари из раскопок наиболее заметных и богатых курганов, во многом предопределил его понимание скифской культуры, прежде всего, как однородной культуры верхних, господствующих слоев общества, «*царей и высшей феодальной аристократии*»[12]. В своей оригинальной концепции Скифии М.И.Ростовцев исходил из идеи трехэлементности скифской культуры, сложившейся из греческих, иранских (по его представлениям, собственно персидских) и местных доисторических элементов. Среди последних он особо выделял самобытную культуру населения лесостепи, в которой проявилась очень сложная и древняя культурно-историческая традиция. О ней акаде-

мик упоминал неоднократно, но в силу своих профессиональных научных интересов не раскрыл, да и не мог раскрыть ее конкретного археологического и этнического содержания. Выдающийся русский ученый яркими, но широкими мазками нарисовал впечатляющую картину скифской государственности. Если в ранней работе он писал о *ряде скифо-сарматских государств*, раскинувшихся по Дону, Кубани, Бугу, Днепру далеко на север[13], то позже - *о единой Скифской державе*. В ее политические границы входило *«все северное побережье Черного моря, включая Керченский полуостров, а также все Прикубанье»*[14]. С одной стороны, М.И. Ростовцев считал затруднительным выяснить, как далеко заходила власть скифов на север и восток, но, с другой, несколькими строками ниже писал, что течение Днепра вплоть Киевщины и Полтавщины, а Дона – до Воронежа находилось под их властью, ссылаясь на погребения этих местностей, в которых чрезвычайно силен восточный скифский элемент. В Среднем Поднепровье и Побужье он помещал автохтонное земледельческое население, покоренное пришлыми кочевниками-иранцами. Но тут же исследователь делал важную оговорку: *«Поднепровье и Побужье, хоть и было под властью скифов, скифским не сделалось. Они жили, как и раньше, своей самобытной и чуждой скифскому укладу жизнью»*[15]. Работам М.И. Ростовцева, особенно его идее о двухкомпонентности скифской культуры в лесостепи будет суждена долгая жизнь. Забегая вперед, отмечу, что к ней восходят истоки весьма популярной сейчас концепции Лесостепной Скифии, как, впрочем, и «даннической» теории скифской государственности, получившей распространение в отечественной науке в последней четверти XX в. Следует заметить, что уровень исторических обобщений выдающегося русского ученого явно опережал археологическую базу скифологии, которая тогда только начала формироваться и осмысливаться.

Отталкиваясь от работ А.А. Спицына, М.И. Ростовцева и других старых русских археологов, но, в первую очередь, от огромного по объему нового археологического материала, полученного при раскопках городищ, советские археологи к середине XX в. постепенно пришли к заключению о существенных этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время.

В 1952 г. в Институте истории материальной культуры состоялась первая научная конференция, посвященная ключевым вопросам скифо-сарматской археологии. Следует признать, что по существу она подвела итог практически всему, что ранее было сделано в скифологии. В основном докладе Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой была изложена новая концепция понимания скифской культуры и этногеографии Скифии[16]. Они предложили сузить само понятие «скифы» до границ той Степной Скифии, которую описал Геродот. *«Скифы – группа западнопричерноморских и приазовских степных племен, связанных происхождением, обычаями и языком в единое этническое целое»*[17]. Они создали в Северном Причерноморье политическое объединение, во главе которого стояли «скифы царские», кочевые по образу жизни. Исходя из такого, более соответствующего геродотовой этногеографической традиции (но не размерами его «Скифского квадрата»!) понимания Скифии, Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова предложили выделять на юге Восточной Европы не одну скифскую, а по существу две археологические культуры: собственно скифскую степную, оставленную ираноязычными кочевниками-скифами, и лесостепную (скифообразную). *«Теперь в племенах лесостепи следует видеть не собственно скифов, а какие-то нескифские, но сходные с ними по культуре племена.* В свою очередь внутри лесостепной скифообразной культуры выделялось шесть локальных вариантов. Крайним восточным вариантом этой культуры признавалась воронежская группа памятников, сосредоточенных по среднему течению Дона.

Изложенная в докладе Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой концепция ориентировала ученых на более конкретный историко-археологический подход в исследовании ло-

кальных вариантов памятников скифского времени. Она нацеливала археологов на углубленное изучение не только комплекса «скифской триады», но и погребального обряда, типов поселений, керамики и других элементов культуры, в которых лучше проявляется локальное своеобразие. Однако доклад Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой был принят далеко не всеми скифологами. Против их понимания Скифии и скифской культуры активно выступил А.И. Тереножкин. Его поддержали В.А. Ильинская, П.Д. Либеров и некоторые другие ученые. Они продолжали отстаивать идею единства Скифии и единой скифской культуры. Тем не менее, на практике новый подход к культуре лесостепи скифского времени был принят большинством скифологов и стал активно реализовываться российскими и украинскими археологами в 50 - 70-х годы.

В эти годы на лесостепных городищах Восточной Европы были проведены самые большие по площади раскопки: на Трахтемировском в Днепровском Правобережье, Басовском в Посулье, Люботинском на Северском Донце и многих других[18]. Особенно впечатляющие результаты получены в ходе многолетних раскопок на Бельском городище в Поворсклье[19]. Они дали первоклассные археологические материалы, во многом подкрепившие концепцию двух культур скифского времени в степи и лесостепи. В 50 - 70-е годы были целенаправленно исследованы укрепленные и неукрепленные поселения на Среднем Дону, среди которых особо выделялся комплекс из шести Волошинских городищ[20]. В Посеймье также были раскопаны городища с типичной скифоидной керамикой и другими находками[21]. С этого времени можно было уверенно говорить об открытии еще одного локального варианта лесостепной культуры скифского времени. В результате к настоящему времени число ее локальных вариантов достигло восьми.

В 50-60-е гг. среди большинства советских археологов окончательно утвердилось представление о культуре населения восточноевропейской лесостепи как особой историко-этнографической области. Тогда же вводится в оборот ее другое название - «Лесостепная Скифия». Выдающийся вклад в разработку этой новой концепции внес Б.А. Шрамко. На основании анализа нового большого материала он пришел к выводу о близости материальной культуры Днепровского Левобережья с другими синхронными культурами лесостепной полосы Восточной Европы. Эту близость он объяснял постепенным проникновением старого земледельческого населения из западных районов, начиная, по крайней мере, с архаической эпохи. Трудно оценить вклад этого исследователя в изучении хозяйственного уклада Лесостепной Скифии[22]. Ему убедительно удалось показать земледельческую основу ее экономики, развитие ряда технологий до ступени специализированного ремесла, наличие на городищах крупных производственных центров черной и цветной металлообработки, костерезного, кожевенного и других производств. В результате работ Б.А. Шрамко и его школы стало очевидно, что основная масса продукции из железа и других металлов, включая изделия «скифской триады», изготавливалась не скифами, а лесостепными ремесленниками[23]. Многочисленные исследования по технологии древних производств, выполненные с применением современных естественно-научных методов, убедили Б.А. Шрамко в том, что подлинными создателями той культуры,которую мы называем скифской, являлись экономически более высокоразвитые, чем скифы-кочевники лесостепные племена. Специализированное ремесло и домашние промыслы способствовали широкому распространению в Восточной Европе изделий «скифского типа», изготовленных руками лесостепных мастеров. Исследователю удалось доказать, что и с появлением скифов в степях Северного Причерноморья в лесостепи сохранилась местная этническая основа и продолжали развиваться местные традиции[24]. Б.А. Шрамко полагал, что многочисленным обитателям лесостепных городищ удалось сохранить независимость, несмотря на неоднократные попытки кочевников-скифов подчинить лесостепь[25]. Эти и многие другие заключения

харьковского исследователя ежегодно проходили всестороннюю апробацию на материалах раскопок самого крупного поселения скифского времени Восточной Европы - Бельского городища, которое для скифологов уже давно и прочно связано с именем Б.А. Шрамко[26].

Идеи Б.А. Шрамко получили дальнейшее развитие в докторской диссертации А.А. Моруженко, целиком посвященной изучению историко-этнографической области лесостепного Днепро-Донского междуречья[27], а также в работах других исследователей[28]. Явное сходство скифоидных памятников разных районов они объясняли не только единством происхождения оставившего их населения, но и развитием однотипного земледельческо-скотоводческого уклада в благоприятных лесостепных условиях, а также тесными экономическими, культурными и историческими связями между отдельными лесостепными районами. Такой подход к лесостепной скифообразной культуре во многом нашел воплощение в скифо-сарматском томе академического издания «Археология СССР»[29].

Однако в 50-60-е гг. идет процесс формирования еще одной концепции истории и культуры восточноевропейской лесостепи в скифское время, восходящей к работам М.И. Ростовцева. Как уже говорилось ранее,на московской конференции ИИМК 1952 г. А.И. Тереножкин вполне определенно высказался против основной идеи Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой о сосуществовании на Юге Восточной Европы двух самостоятельных археологических культур скифского времени – степной, собственно скифской и лесостепной,оседло-земледельческой, оставленной северными соседями скифов. По его мнению, здесь получила развитие единая скифская культура, в своей основе принесенная скифами-иранцами из глубин Азии не только в степь, но и на территорию восточноевропейской лесостепи. В концентрированном виде эта концепция была изложена им на Второй московской конференции по проблемам скифской археологии в 1967 г.[30]. Ее суть сводилась к идее существования в степи и лесостепи Северного Причерноморья VII-III вв. до н.э. не двух культур, а двух различных хозяйственных укладов (кочевого и земледельческого) одного населения – скифов (соответственно кочевников в степи и земледельцев в лесостепи). Наличие локальных вариантов в культуре лесостепи скифского периода А.И. Тереножкин объяснял сохранением пережитков традиций предшествующего предскифского периода. Но он допускал, что политически и культурно единая Скифия все же, очевидно, имела разноэтничное население.

Идея А.И. Тереножкина о единстве скифской культуры в степи и лесостепи нашла конкретное воплощение в исследованиях В.А. Ильинской. Детально изучив материалы раскопок знаменитых посульских курганов, она пришла к заключению о их скифской принадлежности [31]. По ее мнению, здесь мог находиться архаический скифский Геррос или дружинные кладбища группы родственных племен, живших по Суле, Пслу, Сейму. В любом случае, посульские курганы рассматривались ею как памятники, оставленные ираноязычным населением, входившим с начала VI в. до н.э. в состав Скифии. Тот же подход продемонстрирован В.А. Ильинской в монографии о раннескифских курганах в бассейне р. Тясмин[32]. Взгляды А.И. Тереножкина и В.А. Ильинской получили развитие в концепции культуры украинской лесостепи, изложенной в итоговой монографии[33], а также в написанных ими главах в академических изданиях по истории и археологии Украины[34]. В последних исследованиях в соответствии с идеей существования в степи и лесостепи единой скифской культуры нескифские племена (невры, андрофаги, меланхлены, будины) отодвигались к северу и северо-востоку, за пределы украинской лесостепи. В лесостепи же оставались только скифы-пахари (в Правобережье Днепра) и скифы-земледельцы (в Левобережье) [35]. Но размещение последних столь далеко на се-

вер явно противоречило геродотовой традиции, хотя и было принято некоторыми учеными (Б.А. Рыбаков и др.).

В 80-е годы XX в. в украинской, а затем и в российской археологии начинает возрождаться и модифицироваться первая (по времени возникновения) концепция Лесостепной Скифии. Еще М.И.Ростовцев попытался объяснить наличие в лесостепи ярких курганных погребений с воинским и всадническим инвентарем фактом завоевания пришлыми скифами-иранцами автохтонного земледельческого населения. В середине XX в. П.Д. Либеров впервые профессионально пранализировал курганы скифского времени Днепровского Правобережья и пришел к хорошо обоснованному заключению о резкой смене погребального обряда и появлении принципиально нового инвентаря в начале VI в. до н.э.[36]. Эти перемены он также связал с проникновением скифов в лесостепь в самом начале скифской эпохи. К сожалению, эта ценная работа на время выпала из поля зрения скифологов, не в последнюю очередь в силу популярности концепции Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой.

Но постепенно и в российской, и в украинской скифологии все сильнее начинает ощущаться «реверсное» движение в сторону старой концепции скифского завоевания лесостепи. В 1980 г. раннескифские курганы Посулья получили оригинальную интерпретацию в статье группы молодых ленинградских археологов[37]. Они акцентировали внимание на сходстве их обряда и инвентаря с большими кубанскими курганами и на этом основании предложили реконструкцию далеких сезоных перекочевок скифов-номадов с Кубани через Боспор Киммерийский в Левобережную украинскую лесостепь и обратно. С еще более оригинальной модификацией этой гипотезы выступил В.Ю. Мурзин[38]. Он предположил, что Посульские курганы оставлены ранними скифами («скифами царскими») на начальном этапе их продвижения из степей Северного Кавказа в Причерноморье. Археолог рассматривал эти памятники как доказательство концентрации скифского населения на территории Днепровского лесостепного Левобережья в VI в. до н.э. Тем самым, казалось бы, найдено объясненение крайней малочисленности раннескифских погребений в Причерноморской степи, т.е. в собственно Скифии.

Однако окончательно второе рождение названой концепции произошло, прежде всего, благодаря исследованиям С.А. Скорого в Правобережье Среднего Поднепровья. Он детально проанализировал многочисленные курганные погребения эпохи архаики и пришел к заключению об их тождестве с раннескифскими не только по инвентарю, но и по обряду[39]. По весьма аргументированному мнению киевского ученого, они были оставлены так называемыми «старыми скифами» - первыми иранцами-номадами и их потомками, проникшими в лесостепь в VII-VI вв. до н.э. и создавшими в Правобережье скотоводческо-земледельческое объединение под эгидой военно-кочевой знати[40]. Позже исследователь попытался выделить скифский этнокультурный компонент на поселениях Днепровского лесостепного Правобережья. По его мнению, номады могли оставить следы своего пребывания на городищах в виде жилищ с округлыми основаниями типа юрт и шалашей[41].

Возрожденная С.А. Скорым концепция Лесостепной Скифии хорошо объясняла весьма парадоксальный факт наличия многочисленных курганных некрополей с классическим раннескифским комплексом в украинской лесостепи при их полном отсутствии в это время в степи на территории будущей Причерноморской Скифии. Она открывала новые перспективы в понимании причин и сущности образования отдельных локальных вариантов скифообразной(скифоидной) культуры, прежде всего, как результатов возникновения на территории восточноевропейской лесостепи отдельных ското-

водческо-земледельческих объединений, возникших после подчинения ранними скифами-номадами групп лесостепного оседло-земледельческого населения.

С рубежа 80-90-х годов идея о длительном присутствии ираноязычных скифов в лесостепи, где они проживали вместе с автохтонным населением, становится все более популярной. Ее признают многие скифологи, в том числе, старшего поколения. Даже А.И. Мелюкова под давлением новых фактов, сначала в осторожной форме, а затем вполне откровенно стала писать о проникновении скифов в лесостепь. Пусть и с оговорками, она признала плодотворность отстаиваемой С.А. Скорым новой концепции Лесостепной Скифии, где с VII в. до н.э. доминировали пришлые скифы-номады[42].

Исследования С.А. Скорого получили не только поддержку, но и дополнительную аргументацию в очень интересной статье выдающегося российского скифолога Д.С. Раевского[43]. По его предположению, начиная с архаической эпохи, отряды воинов-номадов периодически внедрялись в иноэтничные оседлоземледельческие общества в качестве скифского воинского контингента, составлявшего специализированный социальный слой. Очень плодотворным представляется и другое соображение московского исследователя о довольно жесткой сопряженности погребальных памятников с раннескифским комплексом, с одной стороны, и районами оседлости, с другой, где проживало значительное некочевое население. Там, где его в то время не было (например, на Среднем Дону – *А.М.*), нет и курганных могильников раннескифского времени. Результатом сложного процесса взаимодействия и взаимовлияния автохтонных и пришлых групп населения со временем могли стать те локальные варианты скифообразной культуры, которые надежно фиксируются в лесостепи с конца VI в. до н.э., и которые позднее нашли отражение в геродотовой номенклатуре этносов, обитавших по северной периферии «Скифского квадрата».

Недавно С.С.Бессонова высказала продуктивную гипотезу о том, что количество скифских курганов в лесостепных могильниках и степень их концентрации соответствует размерам равнинных лугово-степных пространств, а также удобным для выпаса скота поймам[44]. Она подтверждается новейшими палеопочвенными данными по Посулью и Среднему Подонью. Исследование А.Л. Александровским погребенной почвы под одним из курганов раннескифского времени в правобережье Сулы показало, что он перекрывал древнюю степную почву при том, что к нашему времени его насыпь, как и многие посульские курганы, уже поросла дубом. Аналогичную картину выявили наши совместные с палеопочвоведом Ю.Г. Чендевым исследования стратиграфии насыпей в Староживотинном могильнике V - IV вв. до н. э. на водоразделе Дона и Воронежа, ныне целиком покрытом лесом[45].

Яркие свидетельства появления кочевников-скифов в правобережной украинской лесостепи недавно были получены Ю.В. Болтриком при исследовании укреплений одного из самых крупных городищ – Трахтемировского[46]. У южного въезда на городище во рву и в валу были найдены десятки застрявших бронзовых наконечников стрел, железные панцирные пластини и железный скифский акинак. Ю.В. Болтрик видит в этих находках археологические свидетельства вооруженного нападения скифов на городище в начале VI в. до н. э. С ним он связал и ранее открытое на акрополе («Малых Валках») Трахтемировского городища коллективное захоронение, где обнаружено девять скелетов взрослых и детей, положенных без соблюдения норм традиционного обряда захоронения. В этом погребении Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко склонны видеть жертвы скифского набега[47].

Новый взгляд на проблему Лесостепной Скифии открывают последние исследования А.Ю.Алексеева. Он предложил весьма смелую концепцию «двух Скифий»: Скифии Древней VII - VI вв. до н.э. и Скифии Геродотовой (Новой) V - IV вв. до н.э.[48]. Первую

представляют памятники скифской архаики, концентрирующиеся главным образом в лесостепи, вторую – классические скифские древности Степного Причерноморья. Петербургский исследователь обратил внимание на существенные культурные различиях между раннескифским (по существу лесостепным) и классическим степным комплексами. Хронологическим рубежом, разделяющим Древнюю и Классическую Скифию, стал конец VI-начало V в. до н.э. Этническое содержание двух Скифий, видимо, не было совершенно тождественным[49]. А.Ю. Алексеев напомнил о несовпадении этнической номенклатуры Гекатея, чье фрагментарное описание, видимо, относится еще к Архаической Скифии, с этнической картой Геродота, запечатленной около середины V в. до н.э. По его оценке весь комплекс культуры Древней Скифии являлся скорее киммерийско-скифскими, тогда как скифы времени Геродота (да и после него) уже сами называли себя сколотами.

Я остановился на анализе взглядов тех исследователей, которые, как кажется, уже в наше время внесли нечто принципиально новое в понимание этнокультурной и социальной природы Лесостепной Скифии. Даже из краткого обзора литературы двух последних десятилетий видна объективная трудность вопроса о конкретном этническом и социальном ее содержании. Тем не менее, следует признать в основном решенным положительно вопрос о физическом присутствии «ранних скифов» в украинской лесостепи с VII в. до н.э. В археологическом аспекте Лесостепная Скифия VII-VI вв. до н.э. стала все чаще рассматриваться не как область распространения раннескифского культурного комплекса на фоне местного оседлоземледельческого субстрата, а как результат сложного взаимодействия этих двух начал. У многих скифологов больше нет сомнений в том, что археологическую культуру раннескифской лесостепи изначально представляло как автохтонное, так и пришлое население[50]. При этом становится все более очевидным не только политическое, но и культурной доминирование последнего, что в конечном итоге привело к определенной «скифизации» культуры лесостепи, даже если типичные для ираноязычных номадов вещи, изготавливались местными мастерами.

Яркие и многочисленные раннескифские курганные комплексы Правобережья и Левобережья Среднего Поднепровья свидетельствуют о том, что по существу именно украинская лесостепь была той Старой Скифией (в археологическом смысле этого понятия), которая стадиально предшествовала Степной Скифии Геродота V - IV вв. до н.э. Гипотеза А.Ю. Алексеева о двух Скифиях имеет право на существование, причем не только в хронологическом аспекте. Я уже обращал внимание на то обстоятельство, что многие культурные традиции первой продолжали сохраняться и развиваться в лесостепи и в V, и даже в IV в. до н. э., когда в Степном Причерноморье всецело владычествовали «скифы царские» с несколько иным культурным комплексом[51]. Но, как свидетельствует весь накопленный к концу XX в. материал, и в это время потомки «ранних скифов», в той или иной степени смешавшиеся с автохтонным населением, продолжали существовать и сохранять свою власть в большинстве районов лесостепи. На это прямо указывают факты продолжения использования старых некрополей в классическую эпоху (Посулье) и появление новых могильников (Средний Дон), где сохранялись многие традицией старой лесостепной обрядности. Вплоть до финала скифской культуры как таковой в лесостепных курганах продолжали совершать захоронения по обряду и в погребальных сооружениях тех типов, которые появились здесь вместе с первыми поколениями ираноязычных номадов еще в VII в. до н.э. Сосуществование на протяжении двух веков степной и лесостепной культур, отличающейся от первой не только наличием памятников оседлости, но и сохранением многих архаических традиций, служит до-

полнительным основанием их дальнейшего изучения в рамках концепции Лесостепной Скифии.

Но однозначное решение затронутой здесь проблемы осложняется тем, что мы достоверено не знаем, были ли носители археологического «раннескифского комплекса» действительно этническими скифами. Античная традиция в лице Геродота дает нам целый перечень племен на северной периферии Скифии, которые вели скифский образ жизни, но, с его точки зрения, скифами не назывались. Да и для более раннего периода VII-VI вв. до н.э. у нас нет никаких прямых свидетельств, что носителями «раннескифского культурного комплекса» на Юге Восточной Европы были именно (или только) скифы. Ряд исследователей, в частности, А.Ю.Алексеев, полагают, что среди них могли быть и киммерийцы. Могли быть и рано отделившиеся от скифов гелоны второй этногонической скифской легенды (Herod. IV. 9-10). Однако дело даже не в расхождении мнений ученых по этому вопросу. Гораздо существеннее то, что ни один античный автор ранее V в. до н. э. не называет скифов среди обитателей Северного Причерноморья. Скифию знают Гесиод (судя по схолиям), Алкей и Гекатей. Но даже у Гекатея в его описании Европы мы не найдем ни одного упоминания *собственно скифов*, но есть только племена *(«меланхлены», «миргеты»* и др.), которые всегда сопровождаются пояснением - *«народ скифский* (’έθνος Σκυθικόν). Но, как известно, точно такие же пояснения сопровождают у Гекатея названия не этнического, а географического характера, например *«Каркинитида – город скифский»* (Jacoby, fr.184). Впервые скифы как вполне конкретный и многочисленный этнос упоминается вокруг Меотийского озера лишь у Эсхила (Prometh.: 417), а вскоре после него появляется знаменитый «Скифский логос» Геродота. Что стоит за молчанием древнейших источников о «ранних скифах» - реальное их отсутствие в степном Северном Причерноморье до конца архаической эпохи, что вроде бы подтверждают и данные археологии, или же неполнота и фрагментарность дошедшего до нас «Землеописания» Гекатея и других ионийских источников - сказать трудно. В пользу первого свидетельствуют весьма ранние представления греков о причерноморском регионе как изначально пустынной, ненаселенной людьми стране (Herod.: IV. 5, 8) или земле, опустевшей после бегства киммерийцев (Herod.: IV. 11). Впрочем, это уже тема другого исследования.

Подведем итоги. В археологии раннего железного века восточноевропейской лесостепи к началу XXI в. не только накоплен огромный фактический материал, но и сформулированы две основные концепции, по-разному объясняющие скифообразный (скифоидный) облик лесостепных культур: 1.«автохтонная» – подчеркивает определяющую роль местного этнокультурного компонента, лишь испытавшего воздействие скифской культуры и сумевшего сохранить независимость и самобытность до конца скифской эпохи (Б.Н. Граков, Б.А. Шрамко); 2.«скифская» - объясняет явную близость субкультуры больших курганных некрополей собственно скифской культуре прямым присутствием скифов в лесостепи и включением ее частично (В.А. Ильинская) или полностью (М.И. Ростовцев, в наше время особенно В.И. Гуляев) в политическую систему Скифии. Но ни та, ни другая концепция удовлетворительно не объясняет всей суммы накопленного эмпирического материала и, тем более, не раскрывает механизма формирования скифоидной культуры в глубинных лесостепных районах. В настоящее время идет активная работа по выработке третьей, «компромиссной» концепции истории и культуры Лесостепной Скифии, направленной на преодоление крайностей первой и второй. Для ее надежного обоснования должен быть проведен последовательный сопоставительный анализ массовых материалов городищ и ближайших курганных могильников внутри отдельных археологических микрорайонов. Он дает возможность определить степень близости культур оседлого и подвижного скотоводческого населения восточ-

ноевропейской лесостепи, а, значит, установить меру участия автохтонного оседлоземледельческого компонента в субкультуре населения, оставившего большие курганные некрополи от Днестра до Дона, и наоборот. Сейчас же можно констатировать, что введенное в науку почти полвека назад понятие «Лесостепная Скифия» весьма точно отражает и географическую, и культурную специфику последней, обусловившую развитие здесь двух хозяйственных укладов, появление в ее глубинных районах больших курганных могильников скифского облика и прямую причастность населения, их оставившего, к исторической Скифии и скифам, причем, с самого начала скифской эпохи. Но для выяснения действительной роли последних в судьбах лесостепных племен необходим конкретно-исторический подход по этапам и регионам.

Если в начале скифской поры роль «ранних скифов» в сложении скифообразных лесостепных культур особых сомнений сейчас не вызывает, то, как это ни парадоксально, для времени расцвета Скифии V-IV вв. до н.э. мы имеем данные о присутствии скифов лишь в южных пограничных со степью районах и Приднепровской террасовой лесостепи[52]. Судя по сохранению многих, в том числе, погребальных традиций остальная лесостепь, во всяком случае, Днепровская Левобережная и Донская, в V в. и IV вв. до н.э. продолжала оставаться в руках потомков «ранних скифов», давно смешавшихся с местным автохтонным населением. В результате распада некогда единой культуры ираноязычных номадов - носителей «раннескифского комплекса», их адаптации к местным региональным условиям к середине I тыс. до н.э. сложилась та свита локальных скифообразных групп памятников, за которыми, скорее всего, скрываются имена народов, упомянутых «отцом истории» при описании северной стороны «Скифского квадрата»(Herod.: IV. 105-109). Для этого периода можно говорить о сосуществовании двух Скифий – Лесостепной и Степной, столь ярко описанной Геродотом.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево - Черкасский регион). Киев, 1989; *Моруженко А.А.* История населения лесостепного междуречья Днепра и Дона в скифское время: Автореф. дис… докт. ист. наук. Киев, 1989; *Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи.* Полтава, 1996; *Пузикова А.И.* Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь. М., 1997; *Она же.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. М., 2001; *Люботинское городище.* Харьков, 1998; *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.). М.,1999; *Гавриш П. Я.* Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалам Припсілляі). Полтава, 2000; *Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В.* Курганы скифского времени(северскодонецкий вариант). Киев, 2000; *Бойко Ю.Н., Берестнев С.И.* Погребения VII - IV вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001; *Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001; *Бессонова С.С., Скорый С.А.* Мотронинское городище скифской эпохи. Киев - Краков, 2001; *Скорый С.А.* Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. Киев, 2003; *Фиалко О., Болтрик Ю.* Напад скіфів на Трахтемирівське городище. Київ, 2003.

[2] *Гаврилюк Н.А.* История экономики Степной Скифии VI - III вв. до н. э. Киев, 1999. С.88.

[3] *Kothe H.* Der Skythenbegriff bei Herodot// Klio.1969. № 51. S.35; *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С.207.

[4] *Раевский Д.С.* Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип // ВДИ. 1995. № 4. С. 88 - 89.

[5] *Щеглов Д.А.* Вопрос об автопсии Геродота в Северном Причерноморье // 2-ые Жебелевские чтения. Тез. докл. науч. конф. СПб., 1999. С. 46 - 50.

[6] *Rusjaeva A.S., Vinogradov Ju.G.* Der "Brief des Priesters" aus Hylaia // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991. S.201-202.

[7] *Гаврилюк Н.А.* Указ. соч. С.89.

[8] *Спицын А.А.* Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып. 65. С.87.

[9] *Там же.* С.123.

[10] *Там же.* С.141. Следует напомнить, что до революции полевые исследования городищ скифского времени обычно ограничивались сборами подъемного материала и визуальными обследованиями укреплений, в лучшем случае шурфовкой или закладыванием траншей. По существу лишь В.А. Городцов своими раскопками на Бельском городище в 1906 г. первым на деле доказал всю ценность археологических раскопок собственно варварских глубинных городищ скифского времени. По его примеру лесостепные бытовые памятники стали раскапывать и другие археологи.

[11] *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг.,1918. С.39; *Он же.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 308-309, 463-538.

[12] *Ростовцев М.И.* Воронежский серебряный сосуд // МАР. Вып.34. СПб.,1914. С.88; *Он же.* Скифия и Боспор. С.307-308.

[13] *Ростовцев М И.* Воронежский серебряный сосуд. С.80.

[14] *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. С.35.

[15] Там же. С. 76.

[16] *Граков Б.Н., Мелюкова А.И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С.39-92.

[17] *Там же.* С.51.

[18] *Ковпаненко Г.Т.* Трахтемірівське городище на Канівщине // Материалы XIII конференции ІА АН УРСР. Киев, 1972. С.187 - 189; *Іллінська В.А.* Басівське городище // Археологія. Т. XVIII; *Шрамко Б.А.* Люботинское городище // Люботинское городище. Харьков, 1998.

[19] *Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

[20] *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31. М., 1965; *Пузикова А.И.* Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. № 151.

[21] *Пузикова А.И.* Городище у дер. Нартово под Курском // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978; *Она же.* Марицкое городище в Посеймье. М.,1981; *Она же.* Раскопки городища Переверзево I в 1979 г. // КСИА . 1982. №.170.

[22] *Шрамко Б.А.* Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху: Автореф. дис… докт. ист наук. Киев,1965; *Он же.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии // Проблемы скифской археологи. МИА. 1971. №. 177. С.92 - 102; *Он же.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема // СА. 1975. № 1. С. 120.

[23] *Шрамко Б.А.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей. С.95.

[24] *Там же.* С.100; *Он же.* Похождення племен раннього залізного віку на территорії Лісостепового Лівобережжя України// Питання з історії народів СРСР. Вып.14. Харьків, 1972. С.153-163.

[25] *Шрамко Б.А.* Ранний железный век Восточной Европы. Харьков, 1983. С.26 - 27; *Он же.* Была ли лесостепь завоевана скифами? // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава, 1990. С.124 -126.

[26] *Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

[27] *Моруженко А.А.* История населения лесостепного междуречья Днепра и Дона в скифское время: Автореф. дис… докт. ист. наук. Киев, 1989; *Она же.* Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 1.

[28] *Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Поднепровья V –IV вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1 - 4. М., 1967; *Ковпаненко Г.И.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967; *Она же.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981; *Гавриш П. Я.* Племена сіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалам Припсілляі). Полтава, 2000.

[29] *Петренко В.Г.* Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С.67-81.

[30] *Тереножкин А.И.* Скифская культура // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. №. 177. С. 15 - 25.

[31] *Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

[32] *Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.

[33] *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII - III вв. до н. э. Киев, 1983.

[34] *История Украинской ССР*. Т.1. Киев, 1981. С.157 - 165; *Археология Украинской ССР*. Т.2. Киев, 1986. С.90 -128.

[35] *Археология Украинской ССР*. Карта 2 на С.44.

[36] *Либеров П.Д.* Скифские курганы Киевщины // КСИИМК. 1949. № 30. С.75-84; *Он же.* Хронология памятников Поднепровья скифского времени // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С.132 -167.

[37] *Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С.155-161.

[38] *Мурзин В.Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С.62-63.

[39] *Скорий С.А.* Про скіфський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепового Правобережжя // Археологія, 1987. № 60. С.36 – 49; *Он же.* Курган Переп'ятиха. Київ., 1990; *Он же.* Кочовики передскифської та скифської доби в дніпровському правобережному лісостепу(питання етнокультурної історії): Автореф.дис... докт.ист. наук. К., 1996; *Он же.* Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. Киев, 2003.

[40] *Скорий С.А.* Курган Переп'ятиха. С.96.

[41] *Скорый С.А.* К вопросу о скифском этнокультурном компоненте на поселениях лесостепного Правобережья // Древности. Харьков, 1996. С. 8-14. Правда, в последней книге автор более критично отнесся к использованным им источникам и сильно сократил число археологических свидетельств, указывающих на процессы седентаризации у ранних скифов в Правобережной лесостепи. См.: *Скорый С.А.* Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. С. 69-70.

[42] *Мелюкова А.И.* Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. Цхалтубо - Вани, 1988. С.17; *Она же.* Новое в изучении актуальных проблем скифологии // КСИА. 1991. № 204. С.7; *Она же.* Рец. на кн.: *С.А. Скорый*. Курган Переп'ятиха. Київ, 1990 // РА. 1993. № 2. С.213-214.

[43] *Раевский Д.С.* Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип // ВДИ. 1995. № 4. С.93–95.

[44] *Бессонова С.С.* Дружиннные курганы в Украинской лесостепи скифского времени // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. Тез. докл. науч. конф. СПб., 1998. С.57-58; *Она же.* Український Лісостеп скіфського часу. Історико-географічна ситуація // Археологія. 1999. № 1. С.148-160.

[45] *Чендев Ю.Г., Медведев А.П., Матвеев Ю.П.* Изучение почв курганных систем и реконструкция природной среды в бассейне нижнего течения Воронежа // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, Вып.2. 2001. С.171-172.

[46] *Фиалко О., Болтрик Ю.* Напад скіфів на Трахтемирівське городище. К., 2003.

[47] *Там же.* С.78-79. Рис.26.

[48] *Алексеев А.Ю.* Скифская хроника. СПб.,1992. С.92-112; *Он же.* Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.

[49] *Алексеев А.Ю.* Скифская хроника. С.112.

[50] *Бруяко И.В.* Процессы культуроненеза в Причерноморско-Карпатском регионе в раннем железном веке (первая половина I тыс. до Р. Х.): Автореф. дис… докт. ист. наук. СПб., 2004. С.35.

[51] *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.). М., 1999. С.119 - 120.

[52] *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII - III вв. до н. э. С.310 - 312; *Скорый С.А.* Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. С.84 - 85.

К ИЗУЧЕНИЮ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СКИФОИДНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ДОНУ*

Одним из перспективных направлений современных исследований является так называемая пространственная археология[1]. В основе ее лежит ряд теоретических принципов и научных методов, заимствованных археологами из социально-экономической географии и переосмысленных в соответствии с их собственными нуждами. Согласно важнейшему из них, пространственное размещение следов человеческой деятельности есть не что иное, как отражение реальной экономической и социальной деятельности носителей древних культур. Ее изучение достигается различными методами: путем выявления и картографирования синхронных однокультурных памятников, установления пространственных связей между ними, выделения локальных микрорайонов, изучения их внутренней структуры, иерархии поселений и т. п. Однако пространственный анализ может быть результативным только при достаточно высокой степени изученности того или иного региона сплошными разведками. Непременым его условием является наличие необходимого количества «базовых» памятников, как бытовых, так и погребальных, раскопанных максимально широкой площадью.

Сейчас этим требованиям начинает отвечать территория лесостепного Подонья, где в последнее десятилетие развернулись масштабные полевые работы, прежде всего, в связи с подготовкой материалов к изданию Свода памятников истории и культуры России. Планомерное изучение бассейнов больших и малых рек на всей территории Донской лесостепи позволило создать качественно новую источниковую базу для разработки указанной проблемы. В настоящее время здесь известно не менее 60 городищ и свыше 300 открытых скифоидных поселений (рис.2). Уровень их изучения таков, что позволяет произвести археологическое районирование (рис.3).

Для изучения системы расселения скифоидных племен наибольшие возможности предоставляет правобережный район среднедонской лесостепи, включающий бассейны рек Тихой Сосны, Потудани, Нижней Девицы с прилегающими к ним участками правого берега Дона (рис. 4). Здесь учтено 25 городищ (из них стационарно раскапывалось 14), 134 неукрепленных поселений, а также пять больших курганных могильников, содержащих около 90 погребений скифского времени. Я рассматриваю городища и поселения как синхронные, по крайней мере, для конца V-IV вв. до н. э., так как подавляющее большинство из них содержали лепную керамику и фрагменты амфор этого времени. Тем же временем датируются и 95% среднедонских курганных погребений. Эти материалы открывают новые возможности для изучения внутренней структуры территории, занятой среднедонскими скифоидными племенами в V - IV вв. до н. э. При ее исследовании максимально использовались результаты комплексного анализа ландшафтов Центрального Черноземья, целенаправленно осуществляемого в последнее время воронежскими географами школы Ф.Н. Милькова[2].

---

* Впервые опубликована в сборнике: Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999. С.167-192.

Исследуемая территория входит в Придонской меловой лесостепной физико-географический район[3]. Это типичная среднерусская лесостепь с преобладанием склонового типа местности, который занимает 50 - 55% ее площади. Естественный травяной покров сохранился по берегам рек, оврагов, балок. Он представляет собой остатки древних луговых и ковыльно-разнотравных степей, некогда занимавших обширные площади по водоразделам. До сих пор нераспаханные суходолы и небольшие речные долины этого района используются для выпаса преимущественно мелкого рогатого скота, и прежде всего, овец.

В то же время, в левобережье Тихой Сосны сохранились довольно значительные лесные массивы, еще и сейчас покрывающие 11 - 13% его площади. Здесь находится наиболее облесенный район Правобережья Среднего Дона, где леса занимают не только долинно-балочные склоны, но частично выходят и на водоразделы. Это известные Острогожские, Алексеевские, Красногвардейские дубравы, где главной лесообразующей породой был и до сих пор остается дуб[4]. В глубокой древности они составляли обширный Куколов лес, покрывавший почти все левобережье Тихой Сосны, в том числе частично и водораздельные плато. Поэтому, видимо, далеко не случайно именно в этой сильно облесенной местности было сооружено большинство (не менее 15-ти) городищ Среднедонского Правобережного района. В отличие от последних, синхронные им курганные могильники занимали возвышенные участки междуречий, причем, всегда на черноземных почвах, некогда покрытых степной растительностью.

Впервые вопрос о конкретной структуре расселения среднедонского населения скифского времени был поставлен П.Д.Либеровым[5]. Однако в силу слабой и крайне неравномерной изученности этого района в 50 - 60-е годы ему пришлось ограничить исследование, главным образом, выделением нескольких групп городищ и связанных с ними курганных могильников. При этом следует заметить, что их выявление производилось по простейшему критерию - степени территориальной близости памятников. В результате исследователю удалось получить семь групп городищ на Среднем Дону. Но весьма слабая источниковая база даже для этого, наиболее изученного в то время района Среднедонского Правобережья и недостаточное внимание к ландшафтному окружению памятников привели к тому, что большинство городищ было объединено в группы весьма произвольно.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно наложить последние на крупномасштабные ландшафтные карты. Так, П.Д. Либеров включил в одну группу пять городищ: Верхняя Покровка I и II, Стрелецкое, Городище и Кировское. Однако первые три находятся в бассейне р. Усердец (левый приток р.Тихая Сосна), два других - на берегах суходола, впадавшего в р. Камышенку (также левый приток р. Тихой Сосны). Еще больше возражений вызывает объединение в одну группу городищ Круглое, Русская Тростянка, Шубное. Каждое из них находится на берегу небольшой речки или суходола и отделено от других водоразделами с развитой овражно-балочной сетью.

Еще в процессе подготовки к сплошному обследованию рассматриваемого региона на стадии изучения публикаций и архивных материалов я обратил внимание на одну повторяющуюся особенность местоположения городищ скифского времени в Среднедонском Правобережье. Очень часто они располагались в верховьях и низовья рек. Например, на р. Усердец в верховьях находятся два городища у с. Верхняя Покровка, а в низовьях - Стрелецкое городище[6]. На р. Камышенка у ее истоков известно городище

Круглое, а в ее низовьях - Кировское городище и связанный с ним курганный могильник Дуровка[7]. Однако в обоих случаях вызывало недоумение отсутствие памятников по среднему течению этих рек между городищами, хотя разведки по их берегам производились неоднократно Лесостепной Скифской экспедицией.

С целью выяснения этого вопроса в 1989 г. мною произведено сплошное обследование бассейна р. Камышенка в Алексеевском районе Белгородской области (рис.4). Разведка проводилась в начале мая, когда пойма реки и склоны ее берега были почти полностью распаханы, что максимально облегчало обнаружение археологических памятников. В результате целенаправленных поисков были открыты шесть поселений скифского времени. Они позволили надёжно связать оба вышеназванные городища в единый археологический комплекс.

Для контрольной проверки подмеченной закономерности была избрана р. Девица, где ранее значилось лишь одно поселение этого времени[8]. Картографирование данных разведок И.Е. Бирюкова (1989 - 1990 гг.) и автора (1992 г.), а также сведений краеведов И.Я.Ярцева и П. М. Золотарева позволило установить следующую систему расселения по этой реке. У самых ее верховьев находится городище «Крутцы» у с. Ново-Солдатка и окружавшие его пять поселений, в среднем течении - небольшое городище-убежище Гора Белая I и два расположенных поблизости пойменных поселения, в низовьях – еще 15 поселений скифского времени. Имеются данные начала XX в. о существовании в низовьях этой реки каких-то двух древних городищ[9]. Скорее всего, именно с этим микрорайоном связан известный Мастюгинский могильник. Во всяком случае, топографически он гораздо лучше увязывается с этой группой памятников, нежели с Большим Сторожевым и Архангельским городищами, удаленными от могильника на 8 - 10 км по густо пересеченному оврагами водоразделу, на чем ранее настаивал П.Д. Либеров. Это предположение дополнительно подтверждает недавно открытое П.М. Золотаревым поселение на территории с. Мастюгино напротив известного могильника с материалами V - IV вв. до н. э.

Близкий по структуре микрорайон выявлен весной 1990 г. по р. Тростянка в Острогожском районе Воронежской области. Ранее здесь были известны и активно исследовались экспедицией П.Д. Либерова городище и могильник скифского времени у с. Русская Тростянка, а также одно поселение[10]. В результате разведки обнаружено еще 9 поселений V - IV вв. до н. э., расположенных в окрестностях городища и могильника, а также ниже по течению реки. Таким образом, и на р. Тростянке в древности существовала схема расселения, близкая открытым по рекам Камышенка и Девица.

В 1991 г. в левобережье Тихой Сосны Скифо-Сарматским отрядом проведено сплошное археологическое обследование всех балок и суходолов от долины р. Тростянки на западе до Дона на востоке. Укажу, что на этой территории ранее были известны лишь городища (Шубное, Волошинские I - VI, Аверинское, Мостище). В результате разведки в пяти суходолах (Глубокий и Городецкий Яры в окрестностях с. Шубное, Жалин Яр и суходол Острогощa в окрестностях с. Волошино, Безымянный яр севернее г. Острогожска и в двух балках у с. Коротояк), а также по левому берегу Тихой Сосны и ее притоку р. Ольшану открыто 63 поселения скифского времени (рис.4). В суходолах памятники встречались, главным образом, на возвышенных участках дна, вблизи пересохших русел древних речек, реже - по пологим склонам берега. На дне обследованных балок следов поселений не обнаружено. Как правило, они занимали уча-

стки, непосредственно прилегающие к кромке водораздельных плато. Подавляющее большинство их расположено на черноземных почвах. Топографически такие стоянки часто никак не выделялись и фиксировались только по распространению подъемного материала по свежей распашке.

Абсолютное большинство открытых памятников имели тонкий, слабо насыщенный слой, как правило, почти полностью уничтоженный пахотой. Обычно их площадь невелика, хотя иногда встречаются поселения, вытянутые вдоль склона берега или русла ручья на 200 - 400 м. Собранный на их поверхности материал представлен немногочисленными находками лепной керамики, реже фрагментами амфорной тары и лишь в отдельных случаях орудиями труда, а также костями животных. Судя по топографии, характеру культурного слоя и составу находок, большинство памятников являлись остатками кратковременных сезонных поселений типа стойбищ или кочевий (рис.6, *1* - *2*). На некоторых из них, например, у с. Ураково на р. Камышенке культурные остатки залегали не сплошным слоем, а отдельными пятнами овальной формы размерами от 20 х 50 до 40 х 70 м (рис. 6, *3*). Последние, скорее всего, маркируют местоположения отдельных легких жилищ типа шатров, юрт или кибиток.

Лишь некоторые из среднедонских неукрепленных поселений I тыс. до н. э. имели долговременный характер, о чем свидетельствует их более мощный и насыщенный находками культурный слой, содержащий не только керамику, но и орудия труда, включая массивные каменные зернотерки. Топографически они были приурочены к высоким незатопляемым участкам поймы или пологим склонам мысов первой надпойменной террасы (рис. 6, *4*). Такие поселения, как правило, располагались в среднем течении рек или суходолов (Камышенка 1, Волошино 9, Коротояк 5), а иногда явно занимали промежуточное положение между верховыми и низовыми городищами.

Выявленные по рекам Камышенка, Тростянка, Девица и некоторым суходолам микрорайоны памятников скифского времени имеют устойчивую организационную структуру, основными звеньями которой в большинстве случаев являлись городища в верховьях и низовьях, связанные серией открытых сезонных поселений. Если река имела более значительные размеры, то городища иногда сооружались и в среднем ее течении, как это было зафиксировано на р. Девица. На небольших речках функцию последних могли выполнять и промежуточные неукрепленные поселения стационарного характера. Такая схема расселения, видимо, являлась типичной для основной территории Правобережья Среднего Дона выше р. Тихая Сосна. Если это так, то и на других малых реках можно ожидать подобных результатов. Наложение имеющихся археологических данных на речную сеть Правобережья Дона показывает, что здесь возможно выделение свыше 10-ти микрорайонов памятников скифского времени.

Кроме вышеназванных, еще один микрорайон со временем определенно будет выделен в долине р. Усердец, где, как уже указывалось, имеются городища в верховьях и низовьях. Несомненно, еще один, а, возможно, даже несколько микрорайонов расселения локальных групп среднедонского населения в общих чертах начинает вырисовываться по р. Потудань, в низовьях которой расположены городища Мостище и Аверино, а выше - серия пойменных поселений, выявленных П.Д. Либеровым и В.Д. Березуцким[11]. По данным, собранным Центральным Статистическим комитетом Императорского Археологического общества в 1873 г., в среднем и верхнем течении этой реки

были отмечены городища[12]. Возможно, одно из них было вновь открыто Потуданской экспедицией ИА РАН в 1993 у с. Солдатское.

Весной 1992 года автором проведено полное обследование одного из левых притоков этой реки - р. Скупая Потудань. В ее верховьях удалось обнаружить еще одно небольшое городище-убежище, а ниже - серию из шести поселений V - IV вв. до н. э. Вероятно, с юга этот микрорайон замыкало городище у с. Россошь в месте впадения Скупой Потудани в р. Потудань, известное по сведениям Центрального Статистического Комитета 1873 года и к настоящему времени не сохранившееся.

Наиболее северный микрорайон Донского Правобережья, видимо, составят памятники по р. Ведуга и ее притокам с прилегающими участками берега Верхнего Дона (рис.5). Хотя археологическое изучение этой территории далеко еще не завершено, тем не менее, здесь уже известны два городища (Семилукское и Губаревское), а также 14 поселений скифского времени[13]. Среди них наибольший интерес представляет группа поселений в верховьях речки Камышевка и ниже, в месте ее слияния с речками Трещевкой и Ведугой, где известно хорошо укрепленное Губаревское городище и несколько открытых поселений[14].

По нижнему течению р. Воронеж, в силу ландшафтных особенностей этого района, а также затопления водами Воронежского водохранилища большей части речной поймы пока не удалось выявить каких-либо локальных групп, по своей структуре близких среднедонским микрорайонам, несмотря на очень высокую плотность распространения памятников (рис. 5). Видимо, из-за отсутствия сколь-нибудь развитой речной сети в Правобережье Воронежа, в скифское время сложилась иная схема расселения, нежели на Среднем Дону. Не исключено, что при ее формировании не последнюю роль сыграло наличие надежной естественной защиты с запада в виде Воронежской нагорной дубравы, и особенно с востока - обширных лесных массивов Усманского Бора и сильно заболоченной поймы Левобережья[15].

На мой взгляд, все выделенные микрорайоны представляют остатки схемы расселения и хозяйственной деятельности отдельных социальных подразделений среднедонского населения скифского времени. Основной территорией обитания каждого из них являлся бассейн той или иной малой реки. Сейчас еще преждевременно определять характер этой социальной единицы. Однако размеры освоенной ею территории, значительное количество неукрепленных поселений (сохранилось от 6 до 23) и городищ (от одного до шести) в большинстве микрорайонов позволяют думать, что скорее всего она была явно крупнее отдельной общины (или патронимии), но вряд ли больше племени - основной надобщинной структуры той эпохи[16]. Последнему, скорее всего, могло соответствовать население нескольких соседних микрорайонов, охватывающих весь или лишь часть бассейна более крупной реки. Таковых могло быть от двух (1 - Средний Дон, 2 - Верхний Дон, включая нижнее течение Воронежа) до четырех-пяти (1 - Тихая Сосна, 2 - Потудань, 3 - Нижняя Девица, 4 - Верхний Дон (примерно до г. Задонска), 5 - Воронеж (до современной границы с Липецкой областью)). В совокупности они, видимо, составляли высший тип социального объединения общества переходной эпохи – «метаплемя» или «соплеменность»[17].

Как видно по остаточным схемам расселения, микрорайоны существенно различались своими размерами, числом и площадью укрепленных и открытых поселений, степенью их концентрации, наличием или отсутствием богатых курганных некрополей

(табл. 1). По-видимому, они, так или иначе, отражали различия в масштабах отдельных локальных образований среднедонского населения, их далеко неодинаковые возможности обладания людскими и природными ресурсами.

Пространственный анализ открывает новые перспективы в разработке еще одного вопроса - увязке городищ с курганными могильниками. Четверть века назад П.Д. Либеров предложил свое решение этой проблемы[18]. Однако далеко не все указанные им отождествления бытовых и погребальных памятников выглядят сейчас убедительно. Проведенный автором пространственный макроанализ памятников скифского времени лесостепного Подонья позволил установить некоторые закономерности взаиморасположения курганных некрополей и близлежащих городищ[19]. Оказалось, что все известные курганные могильники находились на значительном удалении (от 2,5 до 8 км) от ближайшего городища (рис. 4; 5). Но что еще более существенно, они всегда располагались на противоположных берегах рек или суходолов. Такую топографию дают Частые курганы и расположенное на противоположном берегу Дона Семилукское городище, в окрестностях которого имелось несколько бродов; Мастюгинский могильник и городище Гора Белая I на р. Девица, разделенные мощным логом; курганный могильник и городище у с. Русская Тростянка, разделенные пересохшей ныне речкой; Кировское городище и могильник у с. Дуровка, между которыми также проходит глубокий древний суходол. Эту закономерность подтвердило открытие и изучение нами в 1995 г. еще одного курганного могильника скифского времени у с. Староживотинное на р.Воронеж, отделенного Мокрым Логом от Животинного городища VI-IV вв. до н. э.[20].

Исходя из этой закономерности, предлагается решение вопроса о некрополе известных Волошинских городищ. Все они расположены довольно компактно в верховьях Жалина Яра П.Д. Либеров, в течение многих лет исследовавший этот комплекс памятников, не смог найти его некрополя. Мне также не удалось обнаружить в окрестностях с. Волошино каких-либо курганов ни в 1991 г., ни в 2000 г. во время мониторинга Волошинского археологического комплекса. Однако некрополем местной военно-аристократической верхушки вполне мог быть Ближнестояновский курганный могильник, расположенный на противоположном берегу р. Тихой Сосны против устья Жалина Яра[21]. В 80-х годах экспедицией Воронежского пединститута в нем исследовано 7 курганов, содержащих 9 погребений конца V - IV вв. до н. э., очень близких захоронениям других среднедонских могильников[22].

Явная территориальная обособленность среднедонских курганных некрополей от соседних городищ и, в то же время, их вхождение в структуру некоторых микрорайонов заставляет думать о принадлежности тех и других различным, хотя как-то и взаимосвязанным группам лесостепного населения. Небольшое число курганных некрополей в сравнении с количеством и площадью правобережных городищ указывает на то, что под курганами погребались далеко не все представители среднедонского населения, а лишь его военно-аристократическая верхушка. Это заключение находит подтверждение как в доминирующем типе среднедонских погребальных сооружений (обширные деревянные столбовые гробницы, в том числе, с дромосами), так и в престижном погребальном инвентаре (обилие предметов наступательного и оборонительного вооружения, снаряжения коня, изделий в зверином стиле, бронзовых котлов, античных амфор и прочего импорта, украшений из драгоценных металлов и т. п.). Разительно различается керамический комплекс курганных захоронений и городищ. Если в первых

он представлен, прежде всего, античной круговой посудой, качественно изготовленными лепными кувшинами и вазами, а также «ритуальными сосудиками», то на городищах основную массу находок составляют грубые лепные горшки и миски[23]. В отличие от других лесостепных областей на Среднем Дону последние практически не использовались в качестве инвентаря курганных захоронений.

Если по материалам среднедонских курганов отчетливо выявляется довольно высокий социальный статус большинства погребенных, то этого никак нельзя сказать об оседлом населении городищ. Целый ряд существенных признаков (достаточно однотипные, небольших размеров жилища, наличие большой общинно-ритуальной постройки на Волошинском I городище и общественных хранилищ зерна на Пекшевском городище, в целом весьма невысокий уровень материальной культуры и благосостояния и др.) свидетельствует о том, что основная масса оседлого населения фактически продолжала существовать в условиях позднепервобытно-общинного строя с практически еще во многом сохранившейся эгалитарной внутренней структурой. Во всяком случае, ни на одном из широко исследованных среднедонских городищ до сих пор неизвестны более монументальные сооружения с материальными остатками, позволяющими видеть в них постоянные резиденции местных вождей. Археологически не выявлено каких-либо признаков имущественного неравенства и внутриобщинной эксплуатации. И в этом смысле бытовые памятники представляют полный контраст расположенным поблизости курганным некрополям.

Проведенный топографический и сравнительный анализ материалов городищ и курганных могильников свидетельствует о сосуществовании в Донской лесостепи в конце VI - IV вв. до н. э. двух весьма разнородных культурных комплексов: культуры рядового населения городищ и элитарной субкультуры военно-аристократической верхушки, погребаемой в курганах[24]. Поэтому вполне возможно, что городища и связанные с ними стационарные поселения, с одной стороны, и цепочки кратковременных сезонных стоянок и курганных могильников - с другой, так или иначе, отражали два основных уклада жизни, связанных с различными хозяйственно-культурными типами (ХКТ), сосуществовавшими в Донской лесостепи на протяжении скифской эпохи:

1. ХКТ оседлых лесостепных земледельцев и скотоводов с пастушеским, придомным видом животноводства. Основной тип их постоянных местообитаний - укрепленные городища с выраженным культурным слоем (рис. 7, *1 - 2*), реже - открытые поселения. Этот ХКТ довольно хорошо изучен и неоднократно описывался скифологами[25].

2. ХКТ подвижных скотоводов, по существу полукочевников. Скорее всего, именно они могли оставить большинство сезонных стоянок (рис.6, *1 - 3*) и все среднедонские курганные могильники. Обоснованное определение типа полукочевого типа хозяйства специально к ландшафтно-климатическим условиям среднедонской лесостепи дано А.А. Шенниковым, правда, для более позднего периода[26].

Эти различия нашли определенное отражение не только в типах и топографии поселений, но и в остеологическом материале городищ и курганных могильников. Если на большинстве среднедонских городищ в составе стада преобладал крупный рогатый скот, затем шли лошади при довольно высоком проценте поголовья свиньи, которая на многих поселениях почти не уступала численности мелкого рогатого скота[27], то по курганным материалам определенно устанавливается доминирование в стаде лошади при

почти одинаковой доле крупного и мелкого рогатого скота и практически полном отсутствии свиньи[28].

Однако нужно признать, что скотоводческие племена Среднего Дона, и тем более Подворонежья, не могли быть кочевниками в полном смысле этого слова. Скорее всего, они практиковали подвижное отгонное скотоводство с ограниченным радиусом выпаса[**]. Регулярные длительные перекочевки на большие расстояния здесь были не нужны в силу того, что продуктивность зеленой массы лесостепи в два - три раза превышает таковую в злаковой зоне степи[29]. Как только что указывалось, о том же свидетельствует и остеологический материал из среднедонских курганных погребений, где преобладал не обычный для кочевников мелкий рогатый скот, а лошадь. В пользу такой оценки говорит и слишком густая для «чистых» номадов сеть сезонных стоянок, выявленная в отдельных микрорайонах Донского Правобережья, в том числе там, где полностью отсутствовали стационарные городища и поселения, например, микрорайон в окрестностях с. Шубное (рис. 4). Как уже неоднократно отмечалось, в качестве весенне-летних пастбищ среднедонские номады могли использовать обширные остепненные районы Левобережья Дона по его водоразделам с Битюгом, а также подзону южной правобережной лесостепи ниже Тихой Сосны вплоть до р.Черной Калитвы и р. Богучар (рис. 3)[30]. Но к зиме они вынуждены были пригонять свои стада в окрестности городищ. Без последних неоседлые скотоводы Среднедонской лесостепи просто не могли существовать, так как значительная толщина снежного покрова (на открытых пространствах - в среднем 12 - 14 см, но иногда до полуметра)[31], делала зачастую невозможной тебеневку - зимний выпас лошадей, не говоря уже о других видах скота[32]. В силу этой причины на Среднем Дону нельзя было постоянно держать зимой скот на подножных кормах, как это обычно практиковали кочевники южных районов. Необходимо было, хотя бы на время нередких зимних бескормиц, подкармливать животных сеном или другими грубыми кормами, заранее заготовленными в определенных местах[33]. Поэтому лесостепным скотоводам жизненно были необходимы длительные, практически на все холодное время года, остановки близ запасов сена. Скорее всего, именно по этой причине их зимники, иногда отмеченные большими курганными могильниками, входили в структуру отдельных микрорайонов, где проживало преимущественно оседлое население первого ХКТ. Только оно могло обеспечить необходимыми запасами кормов стада номадов. Укажем, что такой тип отношений оседлого русского и неоседлого татарского населения реконструируется на Среднем Дону для XIV - XV вв. по данным письменных источников[34].

С описанным ХКТ лесостепных номадов, скорее всего, связаны и такие памятники, как большие городища без признаков постоянного обитания или же с крайне слабыми следами культурного слоя типа Шубного, Аверинского и некоторых Волошинских городищ. По-видимому, близка к истине догадка П.Д. Либерова о том, что последние использовались в основном как загоны и укрытия для скота[35]. Весьма показательно, что некоторые из них определенно находились в глубине территории, занятой оседлым на-

---

[**] Этнографам известны группы неоседлого населения (башкиры, северные казахи, часть ногайцев), кочевавшие в радиусе не более 10 км.

селением городищ. В этом плане особый интерес вызывает пара расположенных рядом городищ у хут. Мостище и хут. Аверино (рис. 7, *3*). Первое представляло обычное небольшое мысовое городище с довольно насыщенным находками слоем, на котором открыто около десятка жилищ и более ста хозяйственных ям, многие из которых имели все признаки зерновых[36]. Не вызывает сомнений принадлежность хозяйства его обитателей к первому ХКТ. Примерно в 200 м от него, на том же плато находилось Аверинское городище, по площади примерно в десять раз превосходящее первое[37]. Со стороны поля его защищал сплошной вал длиной около 1 км. Несмотря на большие размеры и довольно мощные укрепления, культурный слой на этом поселении практически отсутствовал. Но, судя по отдельным находкам лепной керамики и фрагментов амфор, Аверинское городище синхронно городищу у хут. Мостище. Этот памятник трудно интерпретировать иначе, как большой укрепленный загон для скота.

Интересно, что подобные городища-загоны известны лишь в Среднем Подонье, причем, как в Правобережье, так и Левобережье. На Верхнем Дону и р. Воронеж они не встречены, что, скорее всего, было обусловлено существенно меньшим удельным весом неоседлого скотоводства в хозяйстве скифоидного населения этих более северных районов Донской лесостепи. Видимо, развитию полукочевого скотоводства в Верхнем Подонье существенно препятствовал и более высокий снежный покров, особенно если принять во внимание многоснежные зимы, характерные для V - IV вв. до н. э. В настоящее время здесь он чаще превышает предельно допустимые для тебеневки нормы. Средняя высота снега достигает 16 - 26 см, но иногда до 0,75 м [38].

Представляется, что оба хозяйственных уклада населения Среднего Подонья и Подворонежья объективно соответствовали двум основным экологическим нишам восточноевропейской лесостепи. Хорошо известна приуроченность видов производственной деятельности к различным типам лесостепных ландшафтов. При этом, чем глубже кочевья номадов заходили в лесостепь, тем больше они нуждались в хозяйственной интеграции с оседлым населением городищ в силу объективных особенностей природно-климатических условий этой зоны. Это обстоятельство необходимо учитывать и использовать при изучении этнокультурной истории населения Донской лесостепи в раннем железном веке.

Сравнительный этнографический материал по типологически близким обществам демонстрирует картину разнообразных связей между скотоводами и оседлым населением[39]. Скорее всего, на Среднем Дону они осуществлялись в холодное время года, когда кочевавшая по степи знать вместе со своими стадами и окружением возвращалась на зимники, расположенные в окрестностях среднедонских городищ. Возможно, свидетельствами ее периодического пребывания на местных укрепленных поселениях является немногочисленный амфорный бой, обломки тщательно изготовленных «ваз», редкие находки изделий в зверином стиле и более дорогих украшений. По наблюдениям автора, такие находки значительно чаще встречаются на городищах, по соседству с которыми располагался курганный могильник, нежели на городищах, где такового не было.

Мы не знаем, как конкретно осуществлялась эксплуатация военно-аристократической верхушкой местного оседлого населения городищ. Скорее всего, она носила коллективный характер: каждый знатный род владел определенной подвластной ему территорией, предположительно, соответствующей одному из выделенных микрорайонов

с населением в несколько сотен, а то и тысяч подданных. В социальном плане такое локальное образование, вероятно, соответствовало отдельному «вождеству». По своей природе каждое из них представляло вынужденное социально-экономическое единство двух различных хозяйственных укладов: степного полукочевого, правда, уже весьма существенно трансформировавшегося в условиях лесостепи, и лесостепного оседло-земледельческого, также, несомненно, деформированного в результате его включения в это вынужденное единство. Но, как уже отмечалось, объективно оба они соответствовали двум основным экологическим нишам лесостепной зоны.

Вероятнее всего, в рамках этих структурных подразделений эксплуатация зависимого населения могла включать сбор регулярной дани продуктами земледелия, ремесла, металлургии, различные формы «кормления», «дары», неэквивалентную торговлю, как это практиковали скифы[40]. Возможно, оседлое население было обязано выполнять и прямые трудовые повинности, в частности, по сооружению монументальных курганных усыпальниц знати, но, особенно, по заготовке сена и других кормов, столь необходимого лесостепным номадам в зимнее время. Многочисленный античный импорт и высокохудожественные изделия из драгоценных металлов, довольно часто встречаемые в среднедонских курганах, в значительной части представляли овеществленную часть прибавочного продукта, изымаемого у местного оседлого населения и превращаемого в атрибут господствующего слоя.

В то же время, было бы исторически несправедливо видеть в среднедонских номадах лишь паразитическую верхушку местного общества. Судя по всему, люди, погребенные в среднедонских курганах, несли основное бремя по защите этой территории от внешних врагов. Несомненна их роль по охране и обслуживанию торговых путей, проходивших через этот регион. По предположению Д.С.Раевского, начиная с архаической эпохи, отряды воинов-номадов периодически внедрялись в иноэтничные оседлоземледельческие общества в качестве скифского воинского контингента, составлявшего специализированный социальный слой[41]. Видимо, подобное явление просматривается в археологических материалах лесостепного Подонья с конца VI до начала III в. до н. э.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Clark D.C.* Spatial information in archeology. L., 1977; *Settlement and Society: Aspects of West European Prehistory in the First Millennium B. C.* Leichester Univ. Press, 1985; *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. М., 1993. С.21 - 38; *Пространственные культуры в археолого-этнографическом измерении* (Западная Сибирь и сопредельные территории). Томск, 2001.

[2] *Донское Белогорье*. Воронеж, 1976; *Среднерусское Белогорье*. Воронеж, 1985; *Междуречные ландшафты*. Воронеж, 1990.

[3] *Среднерусское Белогорье*. С.127 – 134.

[4] *Лисицына Г.Н.* Результаты анализа растительных остатков из курганов и поселений эпохи бронзы и раннего железного века // МИА. 1969. № 151. С. 144.

[5] *Либеров П.Д.* Древняя история населения Подонья: Автореф. дис... докт ист наук. М., 1971. С.47 – 48.

[6] *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31. М., 1965. С. 8 - 9. Рис. 1.

[7] *Либеров П.Д.* Указ. соч. С. 9; *Пузикова А.И.* Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. № 151. С. 43 - 44.

[8] *Либеров П.Д.* Указ. соч. Рис. 1.

[9] *Савелов Л.М.* Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении // Тр. XII АС. М., 1905. С.157.

[10] *Либеров П.Д.* Указ. соч. С. 10 - 11.

[11] *Либеров П.Д.* Отчет о работе Воронежской Лесостепной экспедиции в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5257. С. 2 - 6; *Березуцкий В.Д.* Отчет об археологических исследованиях на территории Воронежской и Тамбовской областей в 1991 г.// Архив ВГПУ. С. 4 – 10.

[12] *Сведения 1873 года о городищах и курганах*// ЗРАО. СПб., 1896. Т. VIII. Вып. 1 - 2. С. 287-291.

[13] *Либеров П.Д.* Указ. соч. Рис. 1; *Саврасов А.С.* Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета по археологической разведке в бассейне р.Ведуга в 1985 г.// Архив ИА РАН. Р-1. №11744. С.3 - 4; *Ковалевский В.Н.* Отчет о разведке по р.Камышевка и р.Трещевка в Семилукском районе Воронежской области в 1994 г.// Архив Музея археологии ВГУ. С. 1 - 12.

[14] *Разуваев Ю.Д.* Городище скифского времени у с. Губарево на Верхнем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002. С.138 - 145.

[15] *Подворонежье*. Воронеж, 1973. С. 67.

[16] *Гиренко Н. М.* Социология племени. Л., 1981. С. 225 – 265.

[17] *История первобытного общества*. М., 1988. С. 320 - 321, 501.

[18] *Либеров П. Д.* Древняя история населения Подонья. С. 47 – 48.

[19] *Медведев А.П.* Памятники скифского времени Среднего Дона (опыт пространственного анализа) // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992. С.60.

[20] *Медведев А.П.* Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. С.4-9.

[21] *Медведев А.П.* Комплекс памятников скифского времени у с. Волошино // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. кауч. конф. Краснодар, 1993. С.67 – 68.

[22] *Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени у села Ближнее Стояново // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж, 1996. С. 162-180.

[23] *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия н э.). М., 1999. С.116-117.

[24] *Медведев А.П.* К истолкованию феномена воронежских курганов скифского времени // Исторические записки. Воронеж, 1996. Вып. 1. С. 179 – 182.

[25] *Шрамко Б.А.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии // МИА. 1971. № 177. С.92 - 102; *Моруженко А.А.* Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона скифского времени // СА. 1989. № 4. С.25 - 40; *Стети Европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 1989. С. 116 - 117.

[26] *Шенников А.А.* Червленый Яр. Исследования по истории и географии Среднего Подонья в XIV - XVI вв. Л., 1987. С. 81 – 87.

[27] *Цалкин В.И.* Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону // МИА. № 151. 1969. С. 135-136. Табл. 6.

[28] *Цалкин В.И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. 1966. № 135. С. 14. Табл. 3.

[29] *Мильков Ф.Н.* Природные зоны СССР. М., 1977. С. 126 - 128. Табл.5.

[30] *Медведев А.П.* К изучению структуры микрорайонов памятников скифского времени лесостепного Подонья // Археологическое изучение микрорайонов: Тез. докл. науч. конф. Воронеж, 1990. С.11 – 12.

[31] *Шипчинский А.* Снежный покров в Воронежской губернии. Воронеж, 1926. С. 6.

[32] *Цалкин В.И.* Древнее животноводство. С. 93.

[33] *Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии. Вып. 1. Л., 1961. С. 13.

[34] *Шенников А.А.* Червленый Яр. С. 96-97.

[35] *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. С. 10.

[36] *Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников. Воронеж, 2001.

[37] *Березуцкий В.Д., Степин В.В.* Оборонительные укрепления Аверинского городища // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999. С. 192 - 199.

[38] *Шипчинский А.* Указ. соч. С.6.

[39] *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. Cambrige, 1984. P. 96 - 97.

[40] *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на Юге России. Пг., 1918. С. 39- 40; *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975. С. 158 – 164.

[41] *Раевский Д.С.* Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип // ВДИ. 1995. № 4.

К ИСТОЛКОВАНИЮ ФЕНОМЕНА ВОРОНЕЖСКИХ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ*

Впервые погребальные памятники скифского времени Среднего Подонья привлекли внимание исследователей еще в самом начале XX в., особенно после раскопок знаменитых Мастюгинских и Частых курганов под Воронежем[1] Несмотря на очень сильное ограбление эти могильники дали первоклассные погребальные комплексы, сразу же ставшие объектом пристального изучения ведущих отечественных скифологов и антиковедов[2]. Именно в результате их исследования М.И.Ростовцеву впервые удалось выделить из общей массы скифских древностей Юга России Воронежскую группу курганов[3].

Принципиально новый этап в изучении курганных некрополей скифского времени на Среднем Дону связан с целенаправленной, почти двадцатилетней деятельностью Лесостепной Скифской экспедиции ИА АН СССР. В 50-60-е гг. под руководством П.Д. Либерова были доисследованы Частые и Мастюгинские курганы, чуть позже А.И. Пузиковой исследованы могильники у сел Русская Тростянка и Дуровка. Именно материалы этих курганных некополей составили основу Свода памятников скифского времени на Среднем Дону[4], альбома наиболее интересных находок VI—IV вв. до н.э [5], а затем и полного издания материалов воронежских курганов, раскопанных П.Д. Либеровым и А.И. Пузиковой[6].

Оба исследователя рассматривали курганные могильники и синхронные им городища как памятники, оставленные одним и тем же населением - среднедонскими племенами скифского времени. В 60-е - начале 70-х гг. такой подход был правомерен и не вызвал особых возражений. Однако последующее изучение бытовых памятников, особенно активизировавшееся в 80-е - начале 90-х гг., все более наглядно выявляло явную диспропорцию между относительно небольшой серией среднедонских курганных погребений и возрастающим с каждым годом количеством синхронных им городищ и неукрепленных поселений. После сплошного обследования Среднедонского Правобережья стало очевидно, что подавляющее число городищ не имело «своих» курганных некрополей. Последние обнаружили определенную территориальную связь лишь с отдельными микрорайонами памятников скифского времени, которых сейчас известно не менее десяти[7].

Эти наблюдения заставили автора заняться поисками новых подходов в изучении среднедонских памятников скифского времени. Один из них заключался в раздельном анализе материалов городищ и курганных могильников с последующим сопоставлением их результатов[8]. Такой подход позволил не только выявить некоторые, ранее неизвестные черты среднедонской культуры скифского времени, но и, как представляется, глубже понять ее природу. Отмечу, что в последние годы в этом направлении успешно работает и В.Д. Березуцкий, посвятивший курганам Среднего Дона специальную работу[9].

---

* Основой публикации является статья, впервые изданная в сборнике: Исторические записки. Вып.1. Воронеж,1996. С.174 - 182. Она дополнена необходимым иллюстративным материалом.

Сейчас на территории лесостепного Подонья известно не менее семи больших курганных могильников скифского времени(рис.2). Пять из них находятся в Правобережье Среднего Дона (Мастюгино, Русская Тростянка, Дуровка, Ближнее Стояново, Терновое I), один на Верхнем Дону (Частые курганы) и еще один на р. Воронеж (Староживотинное). В них исследовано свыше 180 погребений конца VI — нач. III вв. до н.э. Проведенный пространственный макроанализ позволил установить определенные закономерности взаиморасположения курганов, городищ и поселений. Оказалось, что все курганные некрополи находились на значительном удалении (от 2,5 до 8 км) от ближайшего городища, но что еще более существенно - они всегда располагались на противоположных берегах рек или суходолов.

Большинство погребений в курганах Среднедонского Правобережья были основными и единственными (94 %). Над ними возводились насыпи относительно небольших размеров высотой обычно около 1 м, и только отдельные курганы превышали в высоту 2-3 м. В отличие от Правобережья в Левобережье Дона открыты лишь очень немногочисленные впускные захоронения, не образующие сколько-нибудь значительных могильников. В среднедонских курганах Правобережья выделяется четыре основных типа погребальных сооружений[***]:

I тип — погребения в насыпи и на древнем горизонте (рис.8, *16*) - 8 %;

II тип — простые грунтовые могилы (рис.8, *17*) - 29 %;

III тип — каркасно-столбовые склепы (рис.8, *18*) - 50 %;

IV тип — каркасно-столбовые склепы с дромосами (рис.8, *19*) - 13 %.

Таким образом, наиболее характерными типами среднедонских погребальных сооружений являлись столбовые гробницы, иногда с дромосами. Размеры многих из них многократно превышали площадь, необходимую для размещения погребенного(почти у половины - не менее 20 кв. м). Около четверти погребений содержали парные и коллективные захоронения. Оба основных типа сооружений не обнаруживают корней в погребальных памятниках предшествующей эпохи. Не вызывает сомнения тот факт, что они получают распространение с самого начала функционирования среднедонских курганных некрополей, то есть с конца VI - нач. V вв. до н.э. На мой взгляд, эти типы погребальных сооружений восходят к столбовым и дромосным могилам лесостепного днепровского Право- и Левобережья VII-V вв. до н.э., где им известны многочисленные аналогии (из новейших раскопок: Гладковщина, Васильевка и др.).

По-видимому, те же западные истоки имеет биритуализм среднедонских курганных погребений, среди которых не менее 10 % сожжений на месте. Как и в большинстве областей Скифского мира, погребенных хоронили вытянуто, на спине. Преобладали ориентировки головой в юго-западный (58,5 %) и северо-восточный (34 %) сектора. Использование матрицы-определителя сезонных ориентировок В. Ф. и В. В. Генингов[10] показало, что, скорее всего, обе они являются сезонным зимним отклонением от распространенной в скифское время широтной ориентировки (рис.9).

[***] Выделенный П.Д. Либеровым V тип (катакомбы) на территории лесостепного Подонья для скифского времени ни разу достоверно не зафиксирован.

По мнению большинства исследователей, возведение обширных деревянных столбовых усыпальниц требовало больших затрат труда и было связано с высоким социальным статусом погребенных. О неординарном характере большинства среднедонских курганных погребений свидетельствует богатый и разнообразный инвентарь (рис.8, *1-15*). По числу находок преобладали предметы вооружения, встреченные в 90 из 120 погребальных комплексов (75 %). Их полный набор включал длинные мечи скифских, реже местных типов, наконечники копий и дротиков, их подтоки, бронзовые и железные наконечники стрел как широко распространенных скифских типов, так и местные железные двулопастные. Среднедонские курганы выделяются по частоте находок остатков защитного доспеха (20,8 % погребений). Среди них преобладают пластинчатые панцири, в двух курганах найдены греческие поножи. 43 % курганных погребений содержали различные детали снаряжения коня. Почти столько же захоронений имели в составе инвентаря изделия в зверином стиле. Бронзовые котлы скифского типа найдены в 18 % курганов. Как известно, у номадов котлы, помимо чисто утилитарной выполняли важную социальную функцию. Они служили символом единства коллектива, окружавшего вождя[11]. На такое назначение скифских котлов, видимо, косвенно указывает известная легенда о скифском царе Арианте (Herod.: IV. 81). О высоком социальном статусе среднедонских курганных погребений свидетельствуют и многочисленные находки предметов и украшений, выполненных из драгоценных металлов (до 60 % захоронений), в том числе — золотые нашивные бляшки (30 %). В то же время, в них редко встречались орудия производства, и никогда - земледельческие орудия.

Весьма показателен состав керамического комплекса курганных погребений (рис.10). В нем заметно преобладание привозной круговой посуды (33 экз.) над лепной (27 экз.). Среди первой доминируют античные амфоры (21,7 % среднедонских курганов). На втором месте по употреблению стоят местные аккуратно вылепленные от руки «вазы» и кувшины, на третьем - так называемые «ритуальные сосудики» с парными проколами на венчике. Обращает на себя внимание еще одна интересная особенность среднедонских курганов. В их погребениях практически отсутствовала местная посуда наиболее распространенных городищенских типов - простые лепные горшки с защипами и столовые лощеные миски (рис.10)[12]. Подобное, явно намеренное «избегание» трудно объяснимо, если исходить из утвердившегося три десятилетия назад взгляда на принадлежность курганов и городищ одному и тому же населению - племенам среднедонской культуры[13].

Проведенный выше комплексный анализ курганов Среднего Дона по частоте встречаемости престижных типов погребальных сооружений, наступательного и оборонительного вооружения, социально значимых категорий инвентаря, парадных вещей и античного импорта однозначно показал, что среди них свыше 75 % содержали погребения, которые по применяемым в скифологии критериям следует признать не рядовыми, а принадлежащими военно-аристократической верхушке[14]. В отличие от Степной Скифии анализ среднедонских курганных некрополей не позволил выделить в них не только «бедной, преобладающей численно массы населения»[15], но и сколько-нибудь значительной группы рядовых погребений. Между тем, по подсчетам В.Ф.Генинга, у скифов IV в. до н.э. «трудовой народ» составлял основную массу населения (95 %), по Е. П. Бунятян, свыше 60 % плюс еще 7 % бедноты[16]. Видимо, нужно признать, что изу-

чаемые памятники не отражали всего спектра социальных статусов, существовавших у обитателей Среднего Дона в скифское время. По ним можно в какой-то мере судить лишь о положении высших слоев общества, для которых только и был характерен курганный обряд погребения.

Об этом свидетельствуют и другие данные, в частности количественное соотношение анализируемых погребальных и бытовых памятников скифского времени. Относительно небольшое число среднедонских курганных некрополей в сравнении с количеством (около 60) и площадью городищ указывает на то, что в скифское время под курганными насыпями могли погребаться далеко не все представители местного населения, а лишь какая-то, явно меньшая его часть.

Подобно лучше известной нам скифской знати господствующая верхушка среднедонского общества вряд ли представляла сколько-нибудь единый и тем более однородныйх слой. Среди нее были и настоящие аристократы, такие, например, как погребенные в кургане 29/21 Мастюгинского могильника или в кургане 1 у с. Дуровки. Были среди них и простые воины-дружинники, такие, как погребеный в кургане 38 Старожиотинного могильника, которому кроме личного оружия оставили лишь амфору.

Однако все попытки найти надежные качественные критерии внутренней дифференциации среднедонских погребений путем корреляции признаков различной социальной значимости с переменными (размеры курганных насыпей, могил и т.п.) в большинстве случаев не давали сколь-нибудь однозначных результатов, прежде всего, из-за невозможности установления подлинной причины их отсутствия – то ли в силу действительно более низкого статуса погребенных, то ли в результате неполноты погребального комплекса, когда тот или иной «признак» был просто унесен грабителями. Тем не менее на ряде графиков выявилась явная зависимость между частотой встречаемости определенных категорий инвентаря, типами погребальных сооружений и их размерами(рис.11-15). В результате последние распределились на три группы:

1-я группа – 28 погребений(25%) малых размеров площадью от 1,5 до 8 кв.м. Из оружия в них чаще представлены только наконечники стрел, реже дротиков и копий, известны находки деталей конской упряжи, но нет мечей и защитного доспеха. Весьма показательно, что в могилах этой размерной группы ни разу не найдены бронзовые литые котлы, «ритуальные» сосудики, деревянная посуда с металлическими накладками, золотые нашивные бляшки, хотя украшения из золота редкостью не являются(7 случаев). Первая группа включала главным образом погребальные сооружения I и II типов.

2-я группа – 68 погребений (61%) средних размеров площадью от 9 до 22,5 кв.м. В отличие от первой в ней присутствовали все социально значимые категории инвентаря и виды вооружения. В эту группу входили почти все погребальные сооружения III и IV типов и лишь отдельные могилы II типа.

3-я группа – 15 погребений(14%), совершенных в наиболее грандиозных погребальных сооружениях размерами 22,5 – 49 кв.м. Почти на всех графиках она отделялась от могил 2-ой группы заметным разрывом в диапазоне 22,5 – 28,75 кв.м. Могилы этой группы содержали все социально значимые признаки 2-ой группы, плюс престижные серебряные ритоны и кубки, указывающие на особый статус их владельцев. Их хоронили в погребальных сооружениях исключительно III и IV типов.

Из выявленных зависимостей обращает на себя внимание одна, как представляется, весьма перспективная для социальной атрибуции среднедонских курганов. Золотые нашивные бляшки проявляли вполне определенную тенденцию попадания в могилы средних и больших размеров преимущественно III и IV типов(рис.14). В более или менее полно сохранившихся комплексах они обнаруживали повышенную встречаемость с особо престижными вещами: серебряными ритонами и кубками, деревянными сосудами с металлическими накладками, котлами, изделями в зверином стиле. На мой взгляд, все это позволяет расматривать данную категорию находок в качестве достаточно надежного диагностического признака аристократических погребений. По-видимому, как и в Скифии, на Среднем Дону высокий социальный статус знати подчеркивался богатым декором верхней одежды, расшитой множеством золотых бляшек. Именно такие роскошные одеяния имели аристократы, изображенные на знаменитом Воронежском сосуде (рис.17).

Если неграбленных аристократических курганов на Среднем Дону пока неоткрыто, то хорошо сохранившиеся воинские дружинные погребения известны. Для них был характерен полный набор вооружения (мечи, копья, дротики, стрелы, иногда пластинчатый доспех), встречались в них и амфоры, изделия в зверином стиле, изредка котлы и даже украшения из золота, но не золотые нашивные бляшки. Однако все же большинство среднедонских курганных погребений нельзя надежно дифференциировать на воинские (дружинные) и аристократические. Да это и не столь существенно для нашего исследования. На мой взгляд, главная социальная особенность среднедонских могильников заключалась не в наличии высоко или низко ранжированных погребений, а в явном количественном преобладании среди них лиц, принадлежащих к весьма многочисленному и хорошо вооруженному «среднему слою» (свыше 60%). Это наглядно демонстрирует граф (рис.16), составленный на основе анализа таблиц взаимовстречаемости социально значимых категорий инвентаря, типов и размеров погребальных сооружений (табл.2-3).

Если по материалам среднедонских курганов отчетливо выявляется довольно высокий социальный статус большинства погребенных, то этого никак нельзя сказать об оседлом населении городищ. Целый ряд существенных признаков (достаточно однотипные небольших размеров жилища, наличие большой общинно-ритуальной постройки на Волошинском I городище и общественных хранилищ зерна на Пекшевском городище, в целом весьма невысокий уровень материальной культуры и благосостояния) свидетельствует о том, что основная масса оседлого населения фактически продолжала существовать в условиях позднепервобытно-общинного строя с практически еще во многом сохранившейся эгалитарной внутренней структурой. И в этом смысле бытовые памятники представляют полный контраст расположенным поблизости курганным некрополям.

Как известно, противопоставление численно незначительной элитарной прослойки основной массе общинников свойственно большинству развитых вождеств[17]. По материалам среднедонских могильников налицо все три основных, археологически фиксируемых признака этой переходной формы социально-политической организации от традиционных общинно-родовых структур к раннеклассовому обществу и государству:

1. развитая социальная стратификация;

2. создание специальных погребальных комплексов для знати в виде обособленных курганных могильников;

3. монументальность погребальных сооружений, пышность обряда, разнообразие и богатство инвентаря, в котором важное место занимали социально престижные вещи.

Комплексный анализ среднедонских курганных могильников скифского времени позволяет сделать некоторые заключения, проливающие свет на происхождение и природу этого культурно-исторического феномена.

1. Курганные могильники, скорее всего, являлись некрополями не всего среднедонского населения, а лишь его части - военно-аристократической верхушки.

2. Сравнительный анализ материалов городищ и курганных некрополей свидетельствует о сосуществовании на Среднем Дону в VI — IV вв. до н.э. в рамках единого этно-политического организма двух различных социо- а, возможно, и этнокультурных комплексов: массовой культуры рядового населения городищ и элитарной субкультуры военно-аристократической верхушки, погребаемой в курганах. Первый представлял хозяйственно-культурный тип лесостепных земледельцев и скотоводов, скорее всего находившихся в определенной зависимости от последних. Знать же вела образ жизни, близкий степным ираноязычным номадам. Поэтому свойственная ей субкультура была насыщена престижными ценностями не только местного, но и античного производства.

3. Выявляется ряд существенных признаков, как будто бы указывающих, что различия между двумя группами среднедонского населения носили не только социальный, но, возможно, изначально и этнический характер: удаленность и топографическая обособленность курганных могильников от ближайших городищ, отказ знати и воинов от употребления в курганах наиболее распространенных типов местной посуды, а, скорее всего, и местной пищи, разительные различия в их материальной и духовной культуре (звериный стиль и высокохудожественные изделия с антропоморфными сюжетами греко-скифского искусства в курганах, с одной стороны, и грубая глиняная антропо- и зооморфная пластика на городищах, с другой). История знает множество примеров возникновения разноэтничных позднепотестарных и раннеполитических структур с последующей трансформацией межэтнических противоречий в сословно-классовые. Подобные образования известны у скифов, начиная с эпохи архаики[18].

4. Основное ядро этнокультурного комплекса среднедонских могильников появилось в лесостепном Подонье в уже сложившемся виде не позже конца VI—V вв. до н. э. Складывается впечатление, что оно было принесено сюда из более западных лесостепных районов. Именно в курганных могильниках Днепровского Право- и Левобережья обнаруживаются не только истоки его отдельных элементов, но и их целые взаимосвязанные блоки, сформировавшиеся там еще в VII—VI вв. до н.э. в результате проникновения в украинскую лесостепь иранцев-номадов, покоривших часть местного населения и создавших скотоводческо-земледельческое объединение под эгидой военно-кочевой знати[19].

5. Этой гипотезе не противоречит и антропологический материал, правда, очень немногочисленный. По заключению Т.В. Томашевич, некоторые из черепов Ближнестояновского могильника близки «среднеднепровской серии» [20].

6. Переселение на Средний Дон части приднепровского населения, сохранившего традиции курганных погребений, как то было связано с событиями рубежа VI—V вв.

до н.э., коренным образом изменившими этно-политическую ситуацию в Северном Причерноморье и в Лесостепи. Кажется, далеко не случайным практически полное совпадение по времени первых захоронений в Частых и Мастюгинских курганах и начала затухания военно-аристократических некрополей Днепровского Левобережья. Не исключено, что уход части старой лесостепной знати далеко на восток был вызван ее нежеланием признать владычество геродотовых «скифов царских».

7. Вплоть до конца скифской эпохи военно-аристократическая верхушка Среднего Дона во многом придерживалась старой погребальной обрядности раннескифского времени, в частности, сохранила обычай погребения в деревянных столбовых склепах, как с дромосами, так и без них, биритуализм захоронений при преобладании ингумации, обычай поджигать деревянный склеп или его перекрытия и т.п. Причем, на Среднем Дону их расцвет приходится на V и особенно на IV вв. до н.э., когда в украинской лесостепи этот старый тип погребальных сооружений и связанной с ним обрядности явно начинает затухать, а в Степной Скифии всецело возобладали катакомбные захоронения.

На мой взгляд, все вышесказанное позволяет допустить, что с конца VI по начало III вв. до н.э. на Среднем Дону наряду с численно преобладающим рядовым земледельческо-скотоводческим населением городищ проживали отдельные группы (роды) потомков иранцев-номадов, проникших в лесостепь еще в VII—VI вв. до н.э., культурно, а скорее всего, и этнически связанных с «ранними или «старыми» скифами[21]. В V-IV вв. до н.э. ими могли быть родственные скифам и отчасти говорившие на их языке *гелоны* (Herod.: IV, 108). Вероятнее всего, их верхушка составила здесь своего рода властвующую элиту, явно процветавшую, судя по обилию античного импорта и других дорогих изделий, за счет эксплуатации основной массы зависимого земледельческо-скотоводческого населения городищ.

Скорее всего, его эксплуатация носила коллективный характер - каждый знатный род владел определенной подвластной ему территорией, вероятнее всего, соответствующей одному из выделенных микрорайонов с населением в несколько сот, а то и тысяч подданных. Как и везде в скифском мире, основной формой эксплуатации, видимо, было данничество и различные виды трудовых повинностей, в частности, по сооружению монументальных курганных усыпальниц, но особенно по заготовке сена, без которого стада номадов просто не смогли бы перезимовать в лесостепи с ее более высоким снежным покровом. В социальном плане такое локальное образование, вероятно, соответствовало *отдельному вождеству*. По своей природе каждое из них представляло собой вынужденное социально-экономическое единство двух различных хозяйственных укладов: степного полукочевого, правда, уже весьма существенно трансформировавшегося в местных условиях, и лесостепного оседло-земледельческого, также, несомненно, деформированного в результате его включения в это вынужденное единство. Но объективно оба они соответствовали двум основным экологическим нишам лесостепной зоны.

Такой мне представляется, по данным археологии, социальная природа этнокультурного и этносоциального образования, сформировавшегося на Среднем Дону и прилегающих районах Подворонежья в скифское время, наиболее яркими памятниками которого были среднедонские курганы. Их сложный погребальный обряд и богатый ин-

вентарь скорее всего, отражают так называемый военно-аристократический путь политогенеза[22]. Следует еще раз отметить, что столь глубокой социальной пропасти и культурного различия между военно-аристократической элитой и рядовым населением в лесостепном Подонье не наблюдалось ни до, ни после скифской эпохи, пожалуй, вплоть до периода развитого Средневековья.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *ОАК* за 1905 г. СПб., 1908. С. 96; *ОАК* за 1906 г. СПб., 1909. С. 110; *Замятин С.Н.* Скифский могильник Частые Курганы под Воронежем // СА. 1947. Вып. VIII. С. 9 - 50.

[2] *Ростовцев М.И.* Воронежский серебряный сосуд // МАР. Вып.34. СПб., 1914. С. 3-13; *Спицын А.А.* Курганы скифов-пахарей // ИАК. Вып. 65. СПб., 1918. С. 132 - 133.

[3] *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 534 - 538.

[4] *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31. М., 1965.

[5] *Пузикова А.И.* Скифы Среднего Дона. М., 1995.

[6] *Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001.

[7] *Медведев А.П.* К изучению структуры микрорайонов памятников скифского времени лесостепного Подонья // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. Воронеж, 1990. С. 10 - 12.

[8] *Медведев А.П.* Памятники скифского времени Среднего Дона (опыт пространственного анализа) // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992. С. 155 - 56.

[9] *Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени лесостепного Дона. Воронеж, 1995.

[10] *Генинг В.Ф., Генинг В.В.* Метод определения древней традиции ориентировок погребенных по сторонам света // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985. С. 136 - 152.

[11] *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. М., 1982. С. 22 - 23.

[12] Вскоре после первой публикации этой статьи А.И. Пузикова попыталась опровергнуть мое наблюдение о качественных различиях в керамических комплексах среднедонских курганов и городищ: *Пузикова А.И.* Городища и курганные могильники Среднего Подонья: к вопросу об их этнокультурном единстве // Скифы и сарматы VII - III вв. до н.э.: палеоэкология, археология, антропология. М., 2000. С.258 - 267. По дискуссионному вопросу ей удалось найти в курганах всего лишь один лепной горшок городищенского типа, да и тот вне погребального комплекса (впущен в насыпь кургана 1 могильника Дуровка). Второй по частоте встречаемости тип лепной городищенской посуды – миски также пока представлен единственной находкой из кургана 10 могильника Терновое I. См.: *Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследований 1993-1997 гг.) // РА.1998. №.4. С. 119. Рис.3,6. И все это на 180 комплексов скифского времени! Поэтому я оставляю решение этого вопроса на суд читателей (Примечание 2004 г.).

[13] *Либеров П.Д.* Древняя история населения Подонья: Автореф. дис… докт. ист. наук. М., 1971. С. 45.

[14] *Медведев А.П.* Памятники скифского времени Среднего Дона. С. 72.

[15] *Либеров П.Д.* Древняя история населения Подонья. С. 45.

[16] *Генинг В.Ф.* Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV-III вв. до н. э. по археологическим данным // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев,

1984. С.124; *Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии. Киев, 1985. С. 32 - 44.

[17] *Першиц А.И.* Вождество // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986; *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения// ранние формы политической организации. М., 1995. С.39.

[18] *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975. С. 92.

[19] *Скорый С.А.* Курган Переп'ятиха. Київ, 1990. С. 92.

[20] *Обломский А.М., Томашевич Т.В.* О контактах позднезарубинецкого населения водораздела Днепра и Дона с сарматами Подонья // КСИА.1993. № 207. С.54. Позже М.В. Козловская пришла к более определенному заключению о различиях по ряду биологических особенностей населения, оставившего курганный могильник Терновое I – Колбино, и Семилукского городища. По ее мнению, эти отличия касаются как образа жизни, так и происхождения. См.: *Козловская М.В.* Об образе жизни среднедонского населения скифского времени // Скифы Северного Причерноморья в VII - IV вв. до н. э. Тез. докл. науч. конф. М., 1999. С.57 (Примечание 2004 г.).

[21] *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С. 223; *Скорый С.А.* К истории взаимоотношений населения степи и лесостепи в V - IV вв. до н.э.// Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992. С. 89.

[22] *Массон В.М.* Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитарные курганы степной Евразии. СПб., 1994. С.1.

КУРГАНЫ ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ:
(к истории исследования феномена и его интерпретации на материалах Днепро-Донского междуречья)*

В VIII-VII вв. до н.э. на Юге Восточной Европы наступает ранний железный век (РЖВ). В археологии начало этой эпохи ознаменовалось не только распространением оружия, а затем и орудий труда из нового материала - железа, но и появлением новых типов памятников в лесостепи – прежде всего городищ и курганов. Ни те, ни другие не были характерны для предшествующих лесостепных культур финальной бронзы. Их массовое сооружение, начиная примерно с VII-VI вв. до н.э., служит надежным индикатором каких-то радикальных социокультурных перемен в жизни лесостепных сообществ в самый начальный период РЖВ. Если появление в лесостепи сотен больших и малых городищ можно еще убедительно объяснить резко возросшей угрозой с юга, со стороны степи, где в это время начинают доминировать кочевники-киммерийцы, а затем и скифы, то массовое сооружение лесостепных курганов, которые вскоре образуют большие могильники, до сих пор представляет феномен, не нашедший однозначной научной интерпретации. Он усугубляется тем, что в архаическую эпоху собственно степные скифские курганы практически неизвестны.

У древних скотоводов Евразии к курганам было особое отношение. Так, в системе ценностей скифов, «отчие могилы» стояли на первом месте, и только угроза их разорения могла заставить номадов вступить в битву с персидским царем Дарием (Herod.: IV. 127). Уже одно это геродотово свидетельство убедительно показывает значимость курганных некрополей для их создателей, а значит, и для современных исследователей. В отличие от эпизодических и не всегда адэкватных сообщений античных авторов курганные ансамбли выгодно отличаются массовостью и широким хронологическим диапазоном существования. Они хранят богатейшую, во многом еще не востребованную информацию о тех этно-социальных образованиях, которые их оставили[1]. Современные методы анализа археологических источников, в частности, погребальных памятников, позволяют весьма достоверно установить степень социальной дифференциации и масштабы политической организации древних степных и лесостепных социумов. По данным археологии можно уточнить и этнокультурную принадлежность групп населения, практиковавших в лесостепи курганный обряд захоронения, в частности, их отношения с оседлыми обитателями лесостепных городищ, а также с собственно скифами-кочевниками Северного Причерноморья.

Степные курганы неоднократно привлекались исследователями для изучения культуры, социального строя и государственной организации у скифов[2]. А вот лесостепным некрополям VII - IV вв. до н.э. не так повезло, не смотря на то, что скифская археология началась с раскопок знаменитого Мельгуновского (Литого) кургана 1763 г., расположенного на юге Правобережной Днепровской лесостепи. В XIX - начале XX вв. в лесостепном Поднепровье, Побужье, Поднестровье А.А. Бобринским, Е.А. Зноско-

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту № 03-01-00044а и Министерства образования Российской Федерации по проекту № Г02 - 1.2 - 510.

Боровским, Д.Я. Самоквасовым, Н.Е. Бранденбургом и другими русскими и украинскими археологами были раскопаны сотни, если не тысячи курганов скифского времени[3]. Некоторые из них по размерам насыпей, погребальных сооружений и богатству инвентаря явно были «царского» ранга (Перепятиха, Старшая Могила, Шумейко).

В самом начале XX в. были открыты могильники скифского времени на Среднем Дону – Мастюгинские и Частые курганы[4]. Их яркие материалы сразу привлекли внимание ведущих исследователей[5]. По сравнению с другими лесостепными некрополями в дореволюционный период было раскопано не так много воронежских курганов – вряд ли более 25 (ср.: только в Смеле Н.Е. Бранденбург исследовал не менее 500 курганов, в Посулье к началу XX в. было раскопано около 400 курганов). Ситуация радикально изменилась в советское время. В отличие от лесостепного Поднепровья, где за весь XX в. было раскопано совсем немного погребальных памятников интересующего нас времени, большинство среднедонских курганов было раскопано в 50 - 90-е годы XX в.

Асинхронность исследования основной массы лесостепных курганов в Поднепровье и Подонье сказалась на сохраности и полноте коллекций находок, их доступности современным исследователям, качестве публикаций материалов. Некоторые из них (посульские, правобережные днепровские, среднедонские) специально изучались на региональном уровне. Их материалы в той или иной степени опубликованы и довольно подробно описаны монографически[6]. Несколько хуже дело обстоит с курганами Поворсклья[7]. Лишь в самые последние годы наконец-то были изданы материалы из раскопок курганов в бассейне Северского Донца[8]. В целом, качество источниковой базы по погребальным памятникам скифского времени Днепровского Правобережья, Посулья и Среднего Подонья сильно разниться. Если свыше 80% среднедонских курганов исследовались в наше время по современной методике с обязательной фиксацией на планах надмогильных и погребальных сооружений при непременной публикации их инвентаря по комплексам, то в Днепровском Право- и Левобережье основная масса интереснейших курганов раскопана в XIX – нач.XX в. «колодцами» и «глухими траншеями», как правило, без какой-либо документации, где даже сам состав вещевого комплекса того или иного погребения, если он сохранился до нашего времени, далеко не бесспорен[9]. К тому же, если в Подонье основные некрополи изучались планомерно (Частые, Мастюгино, Дуровка, Терновое – исследованы практически полностью, Русская Тростянка, Стояново, Староживотинное – примерно наполовину), то в Посулье в первую очередь раскапывались наиболее заметные, а значит и перспективные, с точки зрения находчиков, насыпи. В первом случае имеющиеся в нашем распоряжении курганные материалы более полно и достоверно отражают демографический и социальный состав микропопуляций, их оставивших, тогда как во втором – более лакунарно с явной ассиметрией сохранившихся материалов в сторону социальной верхушки. Безусловно, это сильно затрудняет выполнение обобщающих, в том числе сравнительных исследований по курганным некрополям восточноевропейской лесостепи.

Между тем, эта проблема становится все более актуальной. Сам феномен больших, а иногда просто гигантских скоплений насыпей скифского времени в глубинных районах лесостепи до сих пор остается во многом еще непознанным[10]. Автор поставил перед собой задачу попытаться провести его историографический анализ для того, чтобы очертить хотя бы некоторые контуры проблемы лесостепных курганных некрополей Днепро-Донского междуречья VII-IV вв. до н.э. Я убежден, что историческая интерпретация конечных результатов их комплексного археологического исследования в систе-

ме синхронных древностей степи (собственно скифские курганные некрополи) и лесостепи (городища) может пролить новый свет на один из самых «темных» периодов в истории Восточной Европы в древности.

Скифологи довольно давно обратили внимание на весьма парадоксальный факт появления в глубине лесостепи с VII в. до н. э. многочисленных курганных некрополей архаической скифской культуры при практически полном отсутствии таковых в Причерноморской Степи вплоть до V в. до н.э. Этот парадокс получал различное объяснение. Одни исследователи видели в лесостепных курганах могильники автохтонного земледельческого населения. В свое время А.А.Спицын условно назвал их курганами «скифов пахарей»[11]. К ним он отнес и среднедонские могильники, оставленные по его терминологии «ворнежскими скифами». Мысль о принадлежности курганных групп VII - IV вв. до н. э. отдельным родо-племенным образованиям лесостепных оседлых земледельцев и скотоводов, проживавших на ближайших городищах, высказывали многие археологи XX в. По их мнению, лесостепные племена, оставившие эти памятники, развивались по пути от «военной демократии» к «ранней государственности»[12]. Однако тезис о «военной демократии» плохо увязывается с курганными материалами восточноевропейской лесостепи, которые скорее свидетельствуют о развитой социальной иерархии в обществах, их оставивших, о ярко выраженных отношениях господства и подчинения и т.п. Некоторые современные исследователи, на основе анализа курганных материалов, выделяют у лесостепных племен Днепро-Донского междуречья полный спектр погребений разных социальных статусов[13]. Другие склоняются к мысли, что это преимущественно некрополи родо-племенной верхушки автохтонного населения. Так, в частности, рассматривает Посульские курганы В.Г.Петренко[14]. Третьи интерпретировали их как сезонные некрополи кочевников-скифов, периодически проникавших вглубь лесостепи[15]. В больших курганах Посулья, отличающихся повышенной концентрацией предметов вооружения и снаряжения боевого коня, усматривали специальные дружинные кладбища[16] и даже архаический некрополь скифских царей в отдаленнейшей области Геррос, описанный Геродотом[17]. В последних исследованиях В.Ю. Мурзин предложил рассматривать их как курганные могильники основного ядра скифских племен VI в. до н.э. - «скифов царских», закрепившихся на довольно длительное время в Днепровском лесостепном Левобережье после ухода с Северного Кавказа[18]. Каждая из этих точек зрения имеет свои сильные и слабые стороны. Но, как правило, для их аргументации не в полной мере использовался комплексный сопоставительный анализ материалов курганов и ближайших к ним городищ, а также методы современной пространственной археологии. По убеждению автора, их применение позволит раскрыть некоторые существенные обстоятельства возникновения больших курганных некрополей в восточноевропейской лесостепи.

Для понимания феномена лесостепных курганов скифского времени, безусловно, заслуживает серьезного внимания хронологический и региональный аспекты проблемы. Давно уже установлено, что в различных районах лесостепи курганные некрополи появляются в разное время. К востоку от Днепра ранее всего курганный обряд захоронения, получает распространение на Ворскле [19]. Со 2-ой половины VII в. до н.э. в нем уже налицо признаки слияния и глубокого взаимопроникновения двух изначально разнокультурных компонентов: местной земледельческой культуры, развивающей традиции чернолесской, и всадниической культуры ираноязычных номадов раннескифского облика. Да и позже в курганах на Средней Ворскле еще долго сохраняются черты обря-

да, восходящие к исконным земледельческим культам, например, кострища с сожженной пшеничной соломой и обугленными колосьями на перекрытии могил, глиняные модели культурных злаков в составе сопровождающего инвентаря и др. Я разделяю точку зрения исследователей, считающих, что процесс формирования ворсклинской курганной традиции начался в результате проникновения в лесостепь отдельных групп иранцев-номадов, покоривших часть местного населения и создавших здесь скотоводческо-земледельческое объединение под эгидой военно-кочевой знати[20]. Однако лесостепной земледельческий субстрат оказался на Ворскле настолько многочисленным и устойчивым, что довольно быстро сумел растворить в своей среде многие степные элементы культуры номадов. Кроме того, на разнообразие и специфику обрядности курганных некрополей по среднему течению Ворсклы, особенно в окрестностях Бельского городища оказала сильнейшее влияние субкультура этого огромного формирующегося «протогорода», где смешивалось разноэтничное население с различными хозяйственными укладами[21].

В Посулье большие курганные могильники возникают со второй половине VII в. до н. э., сильно разрастаются в VI в. до н.э., доживая до финала скифской эпохи, причем, подавляющее число курганных комплексов датируется временем архаики[22]. В них, пожалуй, как нигде в лесостепи, да и в степи, представлен практически весь раннескифский комплекс, носителями которого изначально были воины-всадники, в том числе, судя по масштабам некоторых погребальных сооружений и инвентарю, очень знатные и могущественные. В отличие от Поворсклья в курганах Посулья местное лесостепное начало просматривается весьма слабо. Фактически оно исчерпывается присутствием в могилах некоторых форм лепной керамики, да изредка наличием среди мясной заупокойной пищи костных остатков свиньи. Как известно, скифы-кочевники свиней не разводили и в жертву не приносили (Herod.: IV, 63).

В лесостепном Подонье первые курганы скифского времени в могильниках типа Частых и Мастюгинских сооружаются лет на сто позже посульских – с конца VI в. до н. э.[23]. По мнению автора, здесь курганный обычай захоронения появился не из степи, а из более западных лесостепных районов в результате расселения на Средний Дон части приднепровских воинов-скотоводов – потомков «старших» по терминологии С.А. Скорого, или «ранних» по терминологии Д.С. Раевского скифов[24]. Истоки ядра его культуры, включая не только отдельные компоненты, но и целые блоки обнаруживаются в более ранних курганных некрополях Днепровского Право- и особенно Левобережья[25]. Сейчас эту концепцию разделяют большинство скифологов, занимающихся проблематикой Среднего Дона[26]. Можно считать установленным, что в воронежских курганах еще реже, чем на Суле встречаются элементы, характерные для материальной культуры местных среднедонских городищ V - IV вв. до н. э., о чем речь пойдет ниже.

Приведенные факты свидетельствуют не только о разновременности появления курганного обряда захоронения в различных регионах лесостепи, но и о разной *мере участия* местного оседло-земледельческого компонента в субкультуре населения, оставившего лесостепные курганы. Его присутствие максимально в самых ранних курганах бассейна Ворсклы, как, впрочем, и всего Правобережья, где еще долго сохраняются черты обряда, восходящие к местным земледельческим культам. Оно минимально на Суле, и практически не прослеживается на Среднем Дону. По-видимому, за этими различиями стоят разные «модели» взаимоотношений носителей курганного обряда захоронения с коренным населением лесостепи, постоянно проживавшем на городищах и

неукрепленных поселениях. В отмеченном явлении можно видеть и постепенное нарастание признаков доминирования воинственных ираноязычных скотоводов в лесостепи, которые в отдельных ее регионах рано превратились во властвующую элиту. Если наша интерпретация верна, то скопления курганов на Суле, а позже и на Среднем Дону, насыщенные предметами вооружения, конского снаряжения, различными престижными изделиями, в том числе в «зверином стиле», маркируют территории, занятые *отдельными потестарными образованиями типа сложных (на Дону) и даже суперсложных (на Суле) вождеств*. Во главе них могли стоять те самые *«цари»* (или их потомки), которые перечисляются в составе участников знаменитого военного совета скифов и их союзников в самый напряженный момент войны с Дарием (Herod.: IV. 119).

Любопытный материал к размышлению о природе феномена лесостепных курганов дает пространственный анализ погребальных и бытовых памятников внутри отдельных микрорайонов. Его методика апробирована автором на материалах Среднего Дона[27]. Она позволяет весьма надежно установить топографическое соотношение курганных могильников с ближайшими памятниками оседлости в каждом локальном варианте лесостепной скифоидной культуры, а также количественно оценить его людские и природные ресурсы, прежде всего, пастбища, которые могли использовать группы скотоводческого населения. Недавно С.С.Бессонова высказала продуктивную гипотезу, что количество скифских курганов в лесостепных могильниках и степень их концентрации соответствует размерам равнинных лугово-степных пространств, а также удобным для выпаса скота поймам[28]. Она подтверждается новейшими палеопочвенными данными по Посулью и Среднему Подонью. Исследование А.Л.Александровским погребенной почвы под одним из курганов раннескифского времени в правобережье Сулы показало, что он перекрывал древнюю степную почву при том, что к нашему времени его насыпь, как и многие посульские курганы, уже поросла дубом. Аналогичную картину выявили наши совместные с палеопочвоведом Ю.Г.Чендевым исследования стратиграфии насыпей в Староживотинном могильнике V - IV вв. до н.э., ныне целиком покрытом лесом[29].

Сам факт наличия в I тыс. до н.э. обширных степных пространств в глубине лесостепной зоны во многом объясняет феномен появления посульских, среднедонских и прочих скоплений курганных могильников с подчеркнуто всадническим инвентарем, возникших вне пределов Степной Скифии. Такие остепненные ландшафты позволяли местной военно-аристократической элите долго сохранять обычный для скотоводов подвижный образ жизни, если не кочевой, то полукочевой, по крайней мере, в теплое время года. Вопреки мнению некоторых исследователей[30] подобный полукочевой уклад возможен в отдельных районах восточноевропейской лесостепи, для которых характерно мозаичное сочетание лесных «островов» и степных просторов. Его существование на Среднем Дону прямо отмечено письменными средневековыми источниками[31]. Да и «геродотовы скифы», судя по остеологическому материалу, были скорее полукочевниками, нежели кочевниками в современном значении этого слова[32].

Проведенное автором выборочное исследование топографического соотношения курганных могильников и ближайших городищ показало, что в пределах Днепро-Донского междуречья этот показатель сильно варьирует во времени и пространстве. Как известно, Посулье отличается исключительно высокой концентрацией курганных некрополей. Некоторые из них насчитывают сотни насыпей. Причем, по целому ряду показателей самые большие курганы такие, как Старшая Могила у с.Аксютинцы (высота насыпи 21 м), у х. Шумейко (19 м) без натяжек можно отнести к разряду «царских».

Здесь же известно очень крупное Басовское городище площадью 87 га. В целом же, небольшое число (около 10) и общая площадь (менее 100 га) остальных укрепленных поселений посульской группы находятся в явном диссонансе с громадным количеством курганов в могильниках по среднему течению Сулы, на что уже исследователи не раз обращали внимание[33].

Наоборот, в соседнем Посеймье открыто более 50-ти небольших укрепленных поселений со скифоидным слоем VI - IV вв. до н.э.[34]. В то же время, несмотря на интенсивные разведки и раскопки 70 - 90-х гг. прошлого века, до сих пор здесь не найдено ни одного синхронного им курганного или грунтового могильника скифского типа[35]. В силу каких-то серьезных причин в Посеймье в скифское время не получил развития курганный обряд захоронения, хотя многие элементы скифской материальной культуры неплохо представлены среди находок в Курской области, особенно, случайных. Видимо, в силу более суровых зимних условий этот регион, как, впрочем, и Верхний Дон, в середине I тыс. до н.э. не подходил для жизни воинов и скотоводов, оставивших большинство лесостепных курганных групп. Значительная толщина снежного покрова делала здесь уже невозможной тебеневку - зимний выпас лошадей, не говоря уж о других домашних животных[36].

Если считать курганный обряд основным способом захоронения, то, явно «не соответствует» огромному Бельскому городищу даже курганный могильник Скоробор, накопивший за четыре столетия существования не менее 1000 насыпей, тогда как численность населения городища могла достигать 40 - 50 тысяч человек[37]. Обычных же грунтовых могильников при лесостепных поселениях Днепро-Донского междуречья, где могли хоронить основную массу умерших рядовых обитателей, в это время, скорее всего, не было[**]. В отличие от Днепровского лесостепного Правобережья, где исследовано несколько бескурганных могильников[38], в более восточных районах лесостепи обряды ингумации или кремации в грунте не получили распространения в начальный период железного века, как, впрочем, и у большинства лесных народов Восточной Европы.

В Лесостепном Подонье известны и городища (около 60-ти), и курганные могильники (не более 10-ти), насчитывающие до полусотни насыпей (раскопано около 180-ти погребений). Здесь лучше, чем в любом другом локальном варианте изучена внутренняя структура микрорайонов памятников по берегам малых рек. В нее обязательно входили городища (часто одно в низовьях, другое в верховьях), цепочка открытых неукрепленных поселений, включая сезонные кочевья, а также один, реже два курганных некрополя. Для среднедонского региона надежно установлено, что последние всегда возникали на некотором удалении от ближайшего городища. Более того, топографически они были разделены естественными препятствиями – реками, суходолами, балками[39]. Такая подчеркнутая обособленность может свидетельствовать о принадлежности соз-

---

[**] Не свидетельствуют о наличии грунтовых могильников у оседлого населения лесостепи и памятники типа Семилукского (на Дону) и Коломакского (в бассейне Ворсклы) городищ, в верхних слоях которых встречены массовые находки человеческих останков. Они скорее отражают факты массовой, практически единовременной гибели обитателей этих городищ в самом конце скифской эпохи. Такую интерпретацию названных памятников приняли другие исследователи (В.И. Гуляев, А.И. Пузикова), а антрополог М.В. Козловская обнаружили на детских черепах с Семилукского городища следы проломов, приведших к смерти.

дателей курганов и обитателей городищ к *различным по происхождению, культуре, ХКТ и социальному статусу группам населения*. Последние антропологические исследования на Среднем Дону как будто бы подтверждают различия между оседлыми жителями городищ и людьми, погребенными в воронежских курганах, на физическом уровне[40]. С этим наблюдением хорошо согласуется очевидное несовпадением массовых категорий погребального инвентаря среднедонских курганов, прежде всего, керамического и самых распространенных типов лепной посуды с соседних городищ[41]. Отказ от употребления в ритуале среднедонских курганов обычных типов городищенской керамики местного производства, скорее всего, указывает на намеренное ее избегание людьми, которых погребались в курганных некорополях. Здесь чаще всего использовались сосуды для питья типа больших лепных «ваз» и кувшинов, а также греческие амфоры. Подобный набор керамического инвентаря более свойственен номадам, для которых характерно резкое увеличение в пищевом рационе доли жидких, в первую очередь молочных продуктов, а также такого престижного напитка, как вино. О сохранении на Среднем Дону скотоводческих традиций свидетельствует состав мясной заупокойной пищи (лошади – 48,6 %, к.р.с.- 25,7 %, м.р.с. - 22,8 %, свинья – всего 2,8 %) при полном отсутствии в воронежских курганах каких-либо обрядов, свойственных земледельческому населению.

Явная территориальная обособленность городищ и курганных некрополей есть и в Посулье. В частности, самое крупное Басовское городище отделено от огромного курганного поля у с.Аксютинцы глубокой труднопроходимой балкой[***]. Правда, в Посулье даже в богатых курганах почти всегда присутствовала грубая лепная керамика тех же типов, что и на городищах[42]. Как и в других вариантах скифоидной культуры Днепровского Левобережья, здесь дело еще не дошло до такой степени отчуждения обитателей городищ и носителей «курганной субкультуры», как к концу скифской эпохи на Дону.

Еще более сложная и неоднозначная картина открывается на таком уникальном памятнике, как Бельское городище. Его главный курганный некрополь Скоробор также отделен от Большого городища долиной р. Сухая Грунь[43]. Нет сомнений, что здесь хоронили какую-то часть обитателей Бельского городища. Однако в отличие от других памятников, в южной части Большого городища в пределах его укреплений располагалось еще несколько небольших курганных групп, в том числе, «Бельский курганный могильник Б»[44]. Раскопанные здесь насыпи дали захоронения воинов V - IV вв. до н. э. довольно высокого ранга, в одном случае сопровождаемое слугой. В последнее время в этой группе открыта скифская катакомба степного типа IV в. до н.э. (курган № 3)[45]. Это еще раз подтверждает смешанный по этническому происхождению и сложный по хозяйственным укладам состав населения самого большого лесостепного городища. По-видимому, курганные некрополи Посулья, Поворсклья, Подонья отражают различные типы взаимоотношений пришлого, изначально скотоводческого степного, и автохтонного оседлого населения в скифское время - от высокой степени их миксации на Ворскле, в особенности в некрополях вокруг Бельского городища, до симбиоза при дли-

[***] Этой информацией я обязан Ю.В. Болтрику, который в 1996 г. ознакомил меня с уникальными материалами аэрофотосъемки района Басовского городища и курганного могильника у с.Аксютинцы, разделенных глубокой балкой. К сожалению, эти важные топографические детали отсутствуют на планах курганных могильников в книге В.А. Ильинской.

тельном сохранении между ними культурной и социальной изоляции, как мы видим это на Среднем Дону в V - IV вв. до н .э.

Сейчас практически ни у кого из исследователей не осталось сомнений, что под курганами в лесостепи в первую очередь погребалась местная властвующая элита и ее ближайшее окружение. Но каково ее конкретное происхождение, ясно далеко не во всех случаях. Кажется, последнюю точку в дискуссиях смогут поставить сравнительные антропологические и палеогенетические исследования костных материалов из лесостепных и степных (достоверно скифских) курганов, а также из немногочисленных грунтовых могил и памятников массовой гибели рядовых обитателей городищ в конце скифской эпохи типа Семилукского городища.

Третье направление исследования лесостепных курганных некрополей – археолого-демографическое. Оно включает рассчеты вероятной численности оседлого населения, обитавшего на лесостепных городищах, с одной стороны, и людей, оставивших курганные могильники, с другой. Произведенные мною подсчеты по бытовым и погребальным памятникам лесостепного Подонья при всей их приблизительности, представляются весьма показательными. Оседлых обитателей городищ оказалось как минимум на порядок больше, нежели членов популяций, оставивших воронежские курганы[46]. Полученные выводы предстоит верифицировать по материалам других локальных вариантов скифоидной культуры, прежде всего, посульскому.

Выполнение подобных исследований позволит подкрепить (или, наоборот, снять) недавно выдвинутую гипотезу[47], предлагающую рассматривать комплексы лесостепных памятников - городищ и больших курганных могильников, как материальное отражение существования и в лесостепи *экзополитарного* (или по новой терминологии Н.Н. Крадина, *ксенократического* – т.е. направленного на иноплеменников) способа производства, характерного для номадов, начиная с раннего железного века[48]. При нем доминировали даннические и так называемые дистанционные (война, грабеж, вымогательство «подарков», «кормление») формы эксплуатации воинственными кочевниками оседло-земледельческого населения, то есть то, что этнологи называют «производством добычи»[49]. Знать и воины – носители субкультуры выраженного скифского облика - могли образовывать и в лесостепи нечто вроде властвующей «надстройки» над местным оседлоземледельческим «базисом»[50].

На мой взгляд, убедительным археологическим свидетельством существования в раннем железном веке именно такого «способа производства» служат уже упоминавшиеся большие, насыщенные предметами вооружения и конского снаряжения курганные могильники номадов (или бывших номадов) в лесостепи типа посульских или среднедонских. Они возникали внутри микрорайонов памятников оседлости по соседству с городищами, где постоянно проживало автохтонное земледельческо-скотоводческое население. Скорее всего, городища и курганные некрополи являлись материальным выражением двух основных лесостепных укладов – *оседло-земледельческого и полукочевого скотоводческого*, которые с момента подчинения номадами отдельных лесостепных районов составляли тесно взаимосвязанные, во многом вынужденные для коренного населения социально-экономические системы[51]. Со временем из них могли развиться политии во главе с «царями» (βασιλέες) меланхленов, гелонов, будинов и прочих народов (Herod. IV. 119).

Как представляется, развиваемый в этой статье подход в перспективе позволит полнее понять глубинную природу лесостепной скифоидной (скифообразной) культуры

Днепро-Донского междуречья. В самом ее названии «скифоидная» и «лесостепная» верно отражена ее этно- и хозяйственно-культурная двухкомпонентность, объективно обусловленная мозаичностью лесостепных вмещающих ландшафтов. Материальным отражением этого дуализма стали два основных типа памятников археологии VII-IV вв. до н.э. – лесостепные городища и курганные некрополи скифского (в археологическом смысле) облика. В тоже время, даже самый первый опыт их изучения под этим углом зрения выявил многие слабые стороны в археологии восточноевропейской лесостепи в ее нынешнем состоянии и, прежде всего, острый дефицит надежных эмпирических данных для выполнения заявленного в заголовке этой статьи историко-археологического исследований. Его затрудняет незначительное число полностью раскопанных по современной методике лесостепных курганных могильников, отсутствие достоверных сведений по их ландшафтному окружению в древности, хозяйственно-культурным типам, в особенности, о составе жертвенных животных в погребениях и т.п. Практически не проводятся сравнительные антропологические исследования человеческих останков из курганов и городищ. В силу этого сделанные в настоящей статье выводы носят самый предварительный характер и требуют дальнейшей проверки и уточнения на уровне конкретных сравнительных исследований материалов курганов и городищ по различным вариантам скифоидной культуры восточноевропейской лесостепи.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ольховский В.С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2.С. 85 - 86; *Braund D.* Herodotus and the kurgans // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч.2. СПб., 2002. С.268 - 270.

[2] *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975; *Мозолевський Б.М.* Товста Могила. Київ,1979; *Генинг В.Ф.* Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV - III вв. до н. э. по археологическим данным// Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев. 1984. С.124 - 153; *Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии. Киев., 1985; *Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья.* Киев, 1986; *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VI - III вв. до н. э.). М., 1991; *Болтрик Ю.В.*Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы VI - III вв. до н. э. М., 2000. С.128 - 137.

[3] *Бобринский А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб.,1887; I; 1894, II; 1901, III; *Указатель к коллекции древностей из раскопок и случайных находок Е.А.Зноско-Боровского.* Канев, 1897; *Бранденбург Н.Е.* Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга (1888 - 1902). СПб., 1908; *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908; *Галанина Л.К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е.Бранденбурга). САИ. Вып. Д1-33. М., 1977.

[4] *Спицын А.А.* ОАК за 1905 г.; *Он же.* ОАК за 1906 г.; *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907 - 1909 гг.// ИАК. 1911. Вып. 43; *Замятнин С.Н.* Скифский могильник Частые Курганы под Воронежем// СА. 1946. Вып. VIII.

[5] *Ростовцев М.И.* Воронежский серебряный сосуд // МАР. 1914. Вып.34.

[6] *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31. М., 1965; *Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Поднепровья V - IV вв. до н. э. // САИ. Вып. Д1-4. М., 1967; *Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968; *Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975; *Ковпаненко Г.Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981; *Ковпаненеко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-

Черкасский регион). Киев, 1989; *Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. М., 2001; *Савченко Е.И.* Могильник скифского времени «Терновое-Колбино» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993 - 2000 гг.). М., 2001.

[7] *Рудинський М.Я.* Мачухська експедиція Інституту археології АН УРСР(1946 р.) // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ,1949. Т.2. С.53 - 79; *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967; *Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С.141 - 155; *Бойко Ю.Н., Берестнев С. И.* Погребения VII - IV вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001.

[8] *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. 1962. № 113; *Шрамко Б.А.* Розкопки курганів раннього залізного віку на Харьківщіне // Археологія.1983. № 43; *Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К.* Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище. Харьков, 1998; *Бандуровский А.В, Буйнов Ю.В.* Курганы скифского времени (северско-донецкий вариант). Киев, 2000.

[9] *Петренко В.Г.* Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С.77.

[10] Одну из первых попыток рассмотрения этой проблемы на материалах лесостепного Подонья см.: *Медведев А.П.* К истолкованию феномена воронежских курганов скифского времени // Исторические записки. Вып.1. Воронеж, 1996. С.174 - 182.

[11] *Спицын А.А.* Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып.65. С.87 - 143.

[12] *Граков Б.Н.* Скифы, М., 1971. С.164; *Либеров П.Д.* Древняя история населения Подонья: Автореф. дис…докт. ист. наук. М., 1971. С.45; *Шрамко Б.А.* Бельское городище. С.143.

[13] *Бойко Ю.Н.* Социальный состав населения бассейна р.Ворсклы в скифское время (VII-III вв.до н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Харьков, 1986. С.15 - 18; *Шульженко М.А.* К вопросу о социальной интерпретации погребального обряда раннескифских курганов Посулья // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск, 1987. С.143 - 145; *Моруженко А.А.* История населения лесостепного междуречья Днепра и Дона в скифское время: Автореф. дис… докт. ист. наук. Киев, 1989. С.26.

[14] *Петренко В.Г.* Указ. соч. С.77.

[15] *Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.В., Рогов Е.Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С.157.

[16] *Ильинская В.А.* Указ. соч. С.179 - 180; *Бессонова С.С.* Дружиннные курганы в Украинской лесостепи скифского времени // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. Тез. докл. междун. конф. СПб., 1998. С.57 - 58.

[17] *Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской земли. С.137 - 139; *Ильинская В.А.* Указ. соч. С.181.

[18] *Мурзин В.Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С.63 - 64.

[19] *Мурзін В.Ю., Ролле Р., Скорий С.А.* Дослідження Перещепинського могильника // Археологія.1995. № 2. С.63 - 66; *Бойко Ю.Н.* Приднепровская лесостепь и кочевники скифского времени: факторный дистанционно-динамический вариант модели // Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С.270; *Бойко Ю.Н., Берестнев С.И.* Указ. соч. С.48 - 51.

[20] *Скорий С.А.* Про скіфський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепового Правобережжя // Археологія. 1987. № 60. С.36 - 49.

[21] *Шрамко Б.А.* Бельское городище. С.156 - 163.

[22] *Ильинская В.И.* Указ. соч. С.63.

[23] *Медведев А.П.* Указ. соч. С.95 - 97.

[24] *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Указ. соч. С.223; *Скорый С.А.* Указ. соч.1992. С.89.

[25] *Медведев А.П.* Указ. соч. С. 125 - 126.

[26] *Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Терновое I - новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА.1995. № 4. С.100-101; *Гуляев В.И.* Погребальные памятники скифского времени на Среднем Дону и курганы Полтавщины // Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С.312 - 317; *Березуцкий В.Д.*«Скифы на Среднем Дону» и некоторые вопросы интерпретации археологических источников // РА. 2002. № 4. С.140 - 141.

[27] *Медведев А.П.* Памятники скифского времени Среднего Дона (опыт пространственного анализа) // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992. С.60.

[28] *Бессонова С.С.* Указ. соч. С. 57; *Она же.* Український Лісостеп скіфського часу. Історико-географічна ситуація // Археологія. 1999. № 1.

[29] *Чендев Ю.Г., Медведев А.П., Матвеев Ю.П.* Изучение почв курганных систем и реконструкция природной среды в бассейне нижнего течения Воронежа // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып.2. С.171 - 172.

[30] *Раевский Д.С.* Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип // ВДИ. 1995. № 4. С.94; *Шрамко Б.А.* Люботинское городище. Харьков,1998. С.101; *Гаврилюк Н.А.* «Великая Скифия» как показатель состояния терминосистемы скифологии // РА. 2001. № 2. С.20.

[31] *Шенников А.А.* Червленый Яр: исследования по истории и этнографии Среднего Подонья в XIV - XVI вв. Л.,1987. С.81-87.

[32] *Гаврилюк Н.А.* Домашнее производство и быт степных скифов. Киев,1989. С.33.

[33] *Ильинская В.А.* Указ. соч. С.185 - 186; *Петренко В.Г.* Указ. соч.С.77.

[34] *Іллінська В.А.* Городище скиіфського часу на р.Сеймі // Археологія. 1958. Т.8.С.108 -112; *Липкинг Ю. А.* Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье // МИА. 1962. № 113. С.134 -141; *Пузикова А.И.* Марицкое городище в Посеймье VI - V вв. до н. э. М., 1981; *Она же.* Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь. М., 1997.

[35] Несколько грунтовых захоронений на площади городища Марица относятся уже к юхновскому периоду его жизнедеятельности. См.: *Пузикова А.И.* Марицкое городище. С.33 - 34.

[36] *Цалкин В.И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. 1966. № 135. С.93.

[37] *Шрамко Б.А.* Фридрих Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С.225.

[38] *Петренко В. Г.* Могильник скифского времени у с.Грищенцы // МИА.1962. № 113. С.142-151*; Бокий Н.М.* Грунтовый могильник у с. Заломы// Киммерийцы и скифы. Тез. докл. всесоюзн. семинара, посвященного памяти А.И.Тереножкина. Кировоград, 1987. Т.2. С.22 - 24; *Скорый С.А.* О погребальных памятниках автохтонного населения Днепровского Лесостепного Правобережья в скифское время // Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. на Юго-Западе СССР и в сопредельных территориях. Кишинев, 1991. С.94 - 97; *Кубышев А.І.,., Скиба Л.Є., Скорий С.А.* Поховання скіфського часу Пироґівського могильника // Археологія. 1995. № 1. С.100 - 111.

[39] *Медведев А.П.* Ранний железный век. С.57 - 60.

[40] *Козловская М.В.* Указ. соч. С. 57; *Шепель Е.А.* Население Семилукского городища скифского времени (по антропологическим материалам) // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002. С.153.

[41] *Медведев А.П.* Указ. соч. С.116 - 117.

[42] *Ильинская В.А.* Указ. соч. С.166 - 170.

[43] *Шрамко Б.А.* Бельское городище. С.24. Рис.2.

[44] *Там же*, С.154 – 155. Рис.67; *Супруненко О. Б.* Розкопки Більского курганного некрополю «Б» // Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С.88 - 120.

[45] *Мурзін В., Ролле Р.,Супруненко О.* Більске городище. Київ - Гамбург - Полтава, 1999. Рис. на с.73.

[46] *Медведев А. П.* Указ. Соч. С.118.

[47] *Medvedev A. P.* Scythian Barrow Groups in the Eastern European Forest-Steppe (Problems of Interpretation) // Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Second International Conference. St-Petersburg, 2002. P.16 - 17.

[48] *Крадин Н. Н.* Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. М., 1995. Вып. 3. С.177 - 178.

[49] *Goody G.* Technology, Tradition and the State in Africa. L., 1971; *Першиц А. И.* Кочевники в мировой истории // Восток. 1998. №2. С.124.

[50] *Крадин Н. Н.* Кочевники, мир империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С.329.

[51] Крайне гипертрофированное выражение эта идея нашла недавно в совместном докладе В. Ю. Мурзина и Р. Ролле. Они высказали весьма смелую мысль, что все гигантские городища Лесостепной Скифии (Бельское, Трахтемировское и др.) были искусственно созданы вернувшимися из переднеазитских походов кочевыми скифами, которые насильственно организовали местное, покоренное ими население на сооружение великих городищ лесостепи с целью снабжения номадов продукцией земледелия и ремесленного производства по образцу увиденных ими больших городов Востока. На большой, хорошо защищенной площади этих городищ могли располагаться кибитки и юрты номадов. См.: *Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Скіфські міста у лісостепу // Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С.181 -182. Однако напомню, что на целом ряде лесостепных городищ есть слои более раннего времени, чем древнейшие курганы в сопровождающих их могильниках.

КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРАВОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ДОНА
(опыт сравнительного исследования)*

Уже более столетия назад на Среднем и Нижнем Дону были открыты первые курганы скифского времени. К настоящему времени в этих регионах выделены локальные группы памятников VI - нач. III вв. до н. э. Особенно интенсивно они стали изучаться в 50 - 90-е годы XX в. Сейчас степень их исследованности далеко не одинакова. В воронежских могильниках раскопано около 180 погребальных комплексов скифской эпохи (опубликованы практически все), в дельте Дона – свыше 240 (к сожалению, большинство неопубликовано), в низовьях Северского Донца – не более 10-ти (опубликовано 7). Такая вопиющая неравномерность доступного исследователям археологического материала не помешала им высказать ряд мнений, часто взаимоисключающих, о степени культурной близости средне- и нижнедонских курганных некрополей, а значит, и об их этнической принадлежности. Так, уже М. И.Ростовцев испытывал затруднения при отнесении воронежских курганов к одной из шести групп скифского времени, выделенных им по бассейнам рек. Исходя из этого географического принципа, он отнес их к Донской группе, хотя видел «больше родства не столько с группой около Танаида, сколько с Полтавской»[1]. А. А. Спицын включил Частые и Мастюгинские могильники в группу курганов «скифов пахарей», подчеркнув условность последнего названия[2]. Г. В. Подгаецкий первым обратил внимание на различие в культуре среднедонских городищ и курганов. Последние он без какой-либо аргументации отнес к скифским[3]. Также их оценивали С. Н. Замятин[4] и А. Ф. Шоков, опубликовавший научно-популярную книжку, написанную преимущественно по материалам воронежских курганов[5].

Новый интерес к проблеме вызвало открытие И. И. Ляпушкиным в районе Донской излучины Карнауховского погребения[6]. В 60 - 70-е годы прошлого века вопрос о его этнокультурной оценке стал камнем преткновения в дискуссии между К. Ф. Смирновым, П. Д. Либеровым и другими исследователями. Первый однозначно высказался в пользу савроматской принадлежности этого памятника[7]. Второй привел ряд аргументов, указывающих на близость Карнауховского погребения среднедонским могильникам IV в. до н. э.[8]. В специальной статье их попыталась опровергнуть М. Г. Мошкова, обратившая внимание на встречаемость вещей из Карнауховского комплекса в савроматских погребениях[9]. Однако из публикаций названных исследователей видно, что для однозначной атрибуции этого памятника тогда явно не хватало данных, хотя, как кажется, его принадлежность сирматам была установлена верно. Так в археологии Дона появилась сирматская проблема.

Безусловно, новый мощный импульс к изучению донских древностей скифского времени дали археологические открытия Азово-Донецкой экспедиции в междуречье Дона и Северского Донца под руководством К. Ф. Смирнова и В. Е. Максименко. Особено выразительные комплексы были исследованы в 1976 г. в Шолоховском и Слад-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту N 03-01-00044а.

ковских курганах[10]. Как представляется, именно эти открытия перевели изучение сирматской проблемы из области догадок и споров в чисто научную плоскость. В тоже время, материалы курганов из низовий Северского Донца вновь заставили исследователей вернуться к проблеме соотношения памятников скифского времени на Среднем и Нижнем Дону, а также к более частным, но не менее интересным вопросам об этнической принадлежности их создателей, о степени влияния нижнедонского степного населения на обитателей лесостепного Подонья и наоборот. В той или иной мере они нашли отражение в двух монографиях и целом ряде статей[11]. В самые последние годы на Нижнем Дону начал изучаться еще один могильник того же круга, получивший весьма многообещающее название Частые курганы II[12]. В инвентаре его погребений были встречены отдельные вещи, вызывающие у его исследователей определенные ассоциации со среднедонскими.

Весьма поучительна эволюция взглядов авторов на проблему соотношения курганных могильников Среднего Дона и низовий Северского Донца. В последней монографии К. Ф. Смирнов указал несколько погребальных сооружений и инвентарей из памятников среднедонской культуры Воронежской области, аналогичных, на его взгляд, савроматским[13]. Он рассматривал эти аналогии не только как свидетельство взаимопроникновения отдельных элементов материальной культуры и обряда савроматов и среднедонского населения, но допускал даже, что воинственные савроматы-сирматы проникали на север по Дону, подчиняя себе местное население. По мнению исследователя, такие могильники южной части среднедонской территории, как Мастюгинские и Дуровские, могли быть оставлены если не ираноязычными сирматами, то смешанным населением из местных аборигенов и ираноязычных пришельцев. Однако, как выяснилось позднее, представленные в книге К.Ф.Смирнова на рис.7 планы впускных погребений и глиняные сосуды из воронежских курганов относятся к более раннему, еще предскифскому времени[14], а бронзовые и свинцовые литые колесики от уздечки отнюдь не являются специфической принадлежностью только савроматской культуры. Не менее часто они встречаются в Скифии, в особенности, в лесостепных курганах, на что уже обращалось внимание[15].

В.Е.Максименко одним из первых обратил внимание на сходство погребальных сооружений с деревянными конструкциями из низовий Северского Донца и Среднего Дона[16]. Там же он нашел аналогии зооморфным крючкам, золотым и серебряным пластинам-накладкам на деревянные сосуды и зооморфно оформленным ручкам к ним из Шолоховского и Сладковского курганов[17]. Если в первой книге археолог допускал возможность отождествления с ираноязычными сирматами только населения степной зоны Среднего Дона, то в 90-е годы он высказал идею о принадлежности им воронежских могильников и даже о формировании на основе среднедонской культуры этнополитического объединения ранних сарматов-сирматов[18]. Правда, в последней монографии В.Е. Максименко вновь звучат более трезвые мысли лишь о сходстве курганов междуречья Северского Донца и Дона со среднедонскими памятниками скифского времени, о наличии общих элементов в предметах вооружения, конской сбруе и украшениях[19]. Еще раньше, в 1990 г. С.Я. Лукьяшко также сделал весьма ответственное заключение о культурной принадлежности группы курганных погребений из междуречья

Дона и Северского Донца в его нижнем течении. По его утверждению, проведенный им анализ позволил считать ее южной группой памятников среднедонской культуры[20].

Наконец, в последние годы идею ростовских археологов о культурной близости двух локальных групп памятников на Среднем и Нижнем Дону активно поддержал В.И. Гуляев. В ряде статей он подчеркивал исключительную близость, если даже не идентичность среднедонских могильников и нижнедонских курганов типа Сладковских и у хут. Кащеевки[21]. Ссылаясь на идейную поддержку ростовских коллег, В.И. Гуляев утверждает, что *«признание глубокого родства (или единства) среднедонских и нижнедонских древностей V - IV вв. до н. э. кладет конец «будино-гелонской гипотезе»*[22]. На мой взгляд, устраивать похороны этой гипотезе еще рано. Но об этом – в другом месте. В этой статье я не буду обращаться к этнической номенклатуре, восходящей к античным авторам. На данном этапе изученности проблемы гораздо продуктивнее провести сопоставление двух локальных групп памятников на конкретном археологическом материале, тем более, что помимо весьма насыщенных эмоциональными оборотами деклараций типа *«оказались поразительно похожими», «круг доказательств замкнулся»* никакой другой научной аргументации о исключительной степени близости культуры населения Среднего и Нижнего Дона в скифское время уважаемый столичный исследователь в общем-то и не привел[**].

В результате такого подхода к одним и тем же источникам в итоговых публикациях, включая последнюю дискуссию в ВДИ 2002-2003 гг., на Среднем Дону появляются то савроматы, то сирматы, то скифы, то амазонки. Кажется подобные выводы проистекают скорее из интуитивных, часто весьма поспешных оценок, нежели скрупулезного сопоставительного анализа средне- и нижнедонских групп памятников, выполненного на уровне требований современной археологической науки. В статье излагается первый опыт сравнительного исследования курганных могильников типа Частых и Мастюгинских на Среднем Дону и соответственно типа Шолоховского и Сладковских курганов в междуречье Дона и Северского Донца в его нижнем течении (рис.18). Их анализ проводился по единым археологическим параметрам, которые, по мнению большинства археологов, являются наиболее значимыми для выявления их этнокультурной специфики.

Сопоставление среднедонских и нижнедонских могильников начнем с анализа типов погребальных сооружений. По моим подсчетам на Среднем Дону преобладали деревянные каркасно-столбовые гробницы, иногда с дромосами различной длины (рис.19, *1, 3 - 6*). В них было совершено свыше 60 % среднедонских погребений V - IV вв. до н. э[23]. А в недавно исследованном В.И. Гуляевым и Е.И. Савченко и уже опубликованном могильнике Терновое I - Колбино I погребальных сооружений этого типа оказалось

** На основании тех источников, которые только и использует В.И.Гуляев, действительно нужно сделать вывод о какой-то грандиозной общности, охватившей в V-IV вв. до н. э. почти весь степной и лесостепной Юг Восточной Европы. Но весь вопрос в том, *какого уровня эта общность*, выделяемая по таким артефактам, как парадные мечи с обложенным золотом рукоятями и ножнами, золотые и серебряные чаши типа Куль-Обы и Частых, золотые калачиковидные серьги, золотые штампованные нашивные бляшки и т. п. Все это - сплошь вещи престижа их владельцев, во многих случаях – продукция античных, фракийских и прочих ремесленных центров. Конечно, они отражают некую общность, но общность надэтническую и надкультурную (в археологическом смысле этого термина).

абсолютное большинство[24]. Насколько мне известно, ни в одном из богатых курганов в низовьях Северского Донца подобных каркасно-столбовых склепов пока не встречено. Здесь захоронения совершались в вытянутых прямоугольных могилах с характерными нишами-подбоями (рис. 19, *9*) или же чаще в больших подквадратных грунтовых ямах, в том числе, с дромосами (рис.19, *8, 10 - 12*), но в отличие от лесостепи *всегда без использования столбовых конструкций* [25]. Попутно отмечу, что среднедонские столбовые гробницы по размерам, форме и внутреннему устройству резко отличаются и от погребальных сооружений Елизаветовского могильника в дельте Дона. Здесь из 143 учтенных В.П.Копыловым комплексов лишь одна могила (к.121, п.2 1981 г.) имела признаки каркасно-столбового интерьера[26]. Остальные были совершены в простых прямоугольных грунтовых ямах, как правило, сильно вытянутых пропорций, а в элитарной группе «Пять Братьев» - в каменных гробницах.

Рассмотрим одну из самых массовых категорий погребального инвентаря в средне- и нижнедонских курганах Правобережья – лепную посуду местного производства, наиболее подходящую для выявления этнокультурной специфики археологических памятников (рис.20). В курганных некрополях Среднего Дона заметно преобладание привозной круговой посуды, прежде всего амфор, над керамикой местного производства. Среди последней доминируют сосуды двух типов: 1. вазы и крупные кувшины; 2. сосудики с парными проколами под венчиком. Большие вазы - двуручные, одноручные и без ручек - хорошо вылеплены от руки, их внешняя поверхность тщательно подлощена (рис.20, *1-3*). По числу находок (14 экземпляров из 12-ти погребений) вазы и кувшины уступают лишь греческим амфорам. Безусловно, именно они придают специфическую окраску среднедонскому курганному керамическому комплексу. Широкое использование в погребениях лесостепного Подонья V-IV вв. до н.э. различных вазо- и кувшинообразных высокогорлых сосудов, видимо, отражает важную роль жидкой, прежде всего молочной пищи в рационе питания этой части среднедонского населения.

Керамический комплекс курганов типа Шолоховского и Сладковских имеет совсем иной состав. В нем преобладают лепные горшки с раздутым яйцевидным туловом (рис.20, *11, 12, 16*). Эти формы характерные для савроматской посуды, в частности, Донского Левобережья[27]. В курганах Среднедонского Правобережья такая посуда в V - IV вв. до н. э. совсем не встречается. Лишь в Левобережье Дона в одном из впускных погребений у с. Лосево найден небольшой сосудик с широким яйцевидным туловом[28]. Встреченный вместе с ним обточенный кусок мела в форме яйца допускает савроматскую культурную принадлежность этого не совсем обычного для нашего региона комплекса, но, повторяю, найден он уже в степном пограничье Донского Левобережья вне основной зоны распространения среднедонской культуры. Среди керамики из погребений классических воронежских могильников мне известен лишь один горшкообразный сосудик из погребения в 1-ом Колбинском кургане 1970 г. (рис.20, *9*). Он обнаруживает практически полную аналогию в Шолоховском кургане (рис.20, *13*). Остальные формы лепных горшков из курганных погребений на р.Быстрой (рис.20, *14 - 15*) явно чужды среднедонской керамической традиции, как и невысокий кувшинообразный сосуд, недавно найденный в кургане 1 могильника Частые курганы II (рис.20, *17*).

Другая специфическая категория керамического инвентаря среднедонских курганов – небольшие чашечки на поддонах, на венчиках которых почти всегда имеется пара

сквозных проколов (рис.20, *4 - 8*). С легкой руки П.Д. Либерова за ними закрепилось название «ритуальных»[29]. Скорее же всего, это местный вариант светильников, применявшихся как в быту (их находки известны и на среднедонских городищах), так и в погребальном ритуале для освещения последнего пристанища усопшего. На такое назначение указывают следы закопченности на их внутренней поверхности и парные отверстия на венчике, явно служившие для подвешивания. В одном случае отмечено использование «ритуального сосудика» как вместилища белого вещества (Частые, к.11). Не исключено и употребление некоторых из них в качестве курильниц. На Нижнем Дону находки, подобные среднедонским «ритуальным сосудикам», *не известны*. Да и глиняные светильники, судя по материалам Елизаветовского городища, там имели совсем иную форму.

Помимо керамики существенные различия просматриваются в оформлении декора литых бронзовых котлов. На Среднем Дону абсолютно преобладают находки котлов скифского типа с полусферическим туловом, наиболее близкие сосудам из лесостепного Поднепровья, особенно Посулья[30]. Как и большинство скифских, среднедонские котлы имеют вертикальные арочные ручки с *тремя характерными выступами* (рис.20, *10*). На Нижнем же Дону, включая и курганы на р.Быстрой, встречались почти исключительно котлы с ручкой, украшенной *одним выступом* (рис.20, 18). Они найдены в Шолоховском кургане, к.25 Сладковки[31], а также в к.1 могильника Частые курганы II[32]. Они принадлежат первому типу нижнедонских котлов классификации В.И. Косяненко и В.С. Флерова[33].

Другое яркое отличие проявляется в декоре тулова котлов. Как известно, на Среднем Дону часто попадаются бронзовые котлы, украшенные под ручками *рельефными усами или волютами* (рис.20, *10*). Три из четырех учтенных мною котлов из курганов в низовьях Северского Донца имели на тулове характерный *рельефный волнообразный валик* (рис.20, *18*). Отклонения от орнаментальных традиций на Среднем и Нижнем Дону встречены по одному разу. В известном погребении у г.Азова находился котел среднедонского типа с ручкой, украшенной тремя выступами и с небольшими «усами» [34]. По-видимому, его попадание в нижнедонской комплекс далеко не случайно, так как вместе с ним встречены и другие вещи, весьма характерные для инвентаря среднедонских курганов. С другой стороны, в типично среднедонском погребении из к. 20 у с.Дуровки найден бронзовый котел первого типа с одним выступом на ручках, одним - двумя рядами веревочки по середине тулова, но с характерными для Среднего Дона «усами»[35]. На мой взгляд, эти единичные находки скорее свидетельствуют о связях между средне- и нижнедонской аристократией, нежели о близком родстве свойственных им «субкультур».

Обычно в силу более широкого распространения предметы вооружения обладают меньшей локальной спецификой. Однако сопоставление *серий мечей*, происходящих из сравниваемых групп памятников, свидетельствует, что даже в этой категории находок явно просматриваются *разные культурные традиции* (рис.21). Из погребений среднедонских могильников мною учтено 16 экземпляров мечей (рис.21, *1 - 8*). Несмотря на индивидуальные особенности декора рукоятей, большинство находок принадлежат 3-ему типу мечей классификации А.И.Мелюковой[36]. Такие мечи характерны как для Степной, так и Лесостепной Скифии конца V - IV вв. до н. э. и редко встречаются за ее

пределами. Из семи мечей, найденных в комплексах на р. Быстрой, лишь два экземпляра имеют признаки более простых скифских акинаков (рис.21, *18, 22*). Остальные принадлежат разным вариантам мечей синдо-меотского типа (рис. 21, *16-17, 20-21*). На Среднем Дону меч (рис.21, *8*) и кинжал синдо-меотского типа встречены лишь в одном погребении кургана 15 у с. Дуровка[37]. В тоже время, из среднедонских могильников происходят два длинных меча, обнаруживающих далекие приуральские аналогии. Меч с волютообразным навершием и почти прямым перекрестием из кургана 38 у с. Староживотинное (рис.20, *6*) принадлежит типу, известному у кочевников Южного Приуралья[38]. Хорошо известный меч из кургана 7 у с. Русская Тростянка (рис.21, *7*) очень близок роскошно оформленному экземпляру из Филипповки[39]. Как представляется, обе эти находки отражают иное, широтное направление связей населения Среднего Подонья, более совпадающее с описанным Геродотом торговым путем в Приуралье.

Как и повсюду в скифо-савроматском мире, самым распространенным видом наступательного вооружения населения на Среднем и Нижнем Дону были лук и стрелы. И там, и тут широко употреблялись бронзовые втульчатые наконечники стрел скифских типов (рис.21, *11, 24 - 25*), а также трехлопастные железные (рис.21, *12, 26*), характерные для колчанных наборов населения Среднего и Нижнего Подонья, Кубани и «савроматов» Поволжья. В тоже время, еще раз следует напомнить о широком распространении в IV в. до н. э. на Среднем Дону железных втульчатых наконечников стрел с плоской двухлопастной головкой (рис.21, *13*). Их учтено свыше 500 экз., что составляет не менее одной четверти всех найденных в среднедонских комплексах наконечников стрел. Для нижнедонских памятников этот тип наконечников совсем не характерен,хотя единичные находки известны (рис.21, *27*). То же самое следует сказать о плоских железных наконечниках с черешком в виде раздвоенного ласточкина хвоста (рис.21, *15*), в небольшом числе присутствующих в десятках лесостепных колчанных наборов.

Локальное своеобразие просматривается и в других элементах вооружения. Новые открытия на Среднем Дону еще более подтвердили правоту наблюдений А.И. Мелюковой и П.Д. Либерова о широком употреблении дротиков с железными рюмкообразными подтоками (рис.21, *9 - 10*). Их найдено уже свыше 70 экз. На Нижнем Дону они использовались явно реже, да к тому же имели иную форму подтоков (рис.21, *23*). Остальные элементы паноплии (железные наконечники копий, боевые топоры, пластинчатые панцири скифских типов) встречались как на Среднем, так и на Нижнем Дону.

Очень ценным источником для сравнительного анализа «курганных субкультур» на Среднем и Нижнем Дону могли бы стать изделия в зверином стиле. Однако из-за крайне малой репрезентативности таких находок в погребениях междуречья Нижнего Дона и Северского Донца (известно менее 20-ти экз. из 5 курганов, запечатлевших не более десятка «образов») полноценное стилистическое их сопоставление со среднедонским звериным стилем (161 «образ» из 56 погребальных комплексов) пока не возможно. Напомню лишь, что из курганов у Кащеевки и Сладковки (к.25) происходят зооморфные крючки, по стилю очень близкие среднедонским и прикамским[40]. Скорее всего, они могли попасть на Нижний Дон в результате функционирования того же геродотова торгового пути, о котором говорилось выше. В к.1 группы Частые II найдено девять предметов, на которых запечатлено шесть различных «образов» в зверином стиле,

но, как кажется, ни одного специфически среднедонского. Совсем недавно Л.Ю Гончарова все же предприняла попытку такого сравнительного анализа. Ее вывод неутешителен – на Нижнем Дону в скифское время проживал какой-то иной, особый массив населения, для которого искусство звериного стиля было не столь характерно, как для населения, оставившего среднедонские курганы[41]. И с этим выводом, видимо, пока следует согласиться.

Подводя итог нашему сопоставительному анализу, следует признать, что курганные некрополи Правобережья Среднего Дона, с одной стороны, и низовий Северского Донца, с другой, по ряду основных культурообразующих показателей обнаруживают больше различий, нежели сходства. Последнее в основном касается тех элементов обряда и материальной культуры, которые в той или иной мере были свойственны *всему Скифо-савроматскому миру*. Двадцать лет назад на это впервые обратила внимание М.Г.Мошкова в предисловии и в примечаниях к последней книге К.Ф.Смирнова[42]. Другие общие элементы, относящиеся к престижной сфере культуры (зооморфные поясные крючки из Кащеевки и Сладковки, два синдо-меотских меча и котел «савроматского» типа из Дуровки, а также котел с «усами» из-под Азова), скорее всего, попадали в «чужие» могильники в результате торговых, культурных и политических связей военно-аристократической элиты двух смежных регионов. Но, как было показано выше, их находки буквально единичны. На мой взгляд, нет достаточных археологических данных, позволяющих говорить об особой близости курганных групп в Правобережье Среднего и Нижнего Дона и, тем более, о единстве их культуры. Во всяком случае, степень этой близости была не больше, чем с культурой Степной Скифии, но намного меньше, чем с Лесостепной.

Курганы в Правобережье Нижнего Дона выше впадения в него Северского Донца по единству места (правобережье нижнего течения Танаиса), времени (IV в. до н. э.) и культурного облика, в котором все-таки отчетливо просматриваются восточные савроматские (в археологическом смысле) традиции, скорее всего не могли принадлежать никакому иному племени кроме *сирматов* Псевдо-Скилака и Эвдокса. В этом единодушны практически все современные отечественные исследователи[43]. Не так давно к такому же заключению о локализации сирматов пришел известный исследователь античной географической традиции Дж. Гардинер-Гарден[44]. Собственно скифские, меотские, среднедонские и прочие элементы в курганах на р. Быстрой проявляются, прежде всего, в их инвентаре, А он вкупе с типами и размерами погребальных сооружений явно указывает на элитарный характер субкультуры номадов, которые оставили эти захоронения. Как известно, степная аристократическая субкультура в силу своей социальной природы всегда имела в той или иной степени выраженный синкретический характер. Тем не менее, при всем синкретизме и широте распространения ряда ее элементов, и на Среднем Дону, и в низовьях Северского Донца достаточно отчетливо просматриваются *различные исходные ядра этно-культурных комплексов* тех социальных групп, которые оставили сопоставляемые археологические памятники[45]. Они явно имеют различные истоки: в первом случае - в более западных лесостепных областях Среднего Поднепровья, во втором – в восточных степных районах Поволжья и даже Приуралья.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С.529.

[2] *Спицын А.А.* Курганы скифов-пахарей// ИАК. 1918. Вып.65. С. 132 - 133.

[3] *Подгаецкий Г.В.* Предскифский период на Среднем Дону// КСИИМК.1946. Вып. XIII. С.19.

[4] *Замятнин С.Н.* Скифский могильник Частые курганы под Воронежем // СА. 1946. Вып.VIII.

[5] *Шоков А.Ф.* Скифы на Среднем Дону. Воронеж, 1952.

[6] *Ляпушкин И.И.* Курганный могильник близ Карнауховского поселения // МИА. 1958. № 62. С.317-318.

[7] *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964. С. 196.

[8] *Либеров П.Д.* Савроматы ли сирматы? // МИА. 1969. № 151. С. 31.

[9] *Мошкова М.Г.* К вопросу о сирматах // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 212 - 213.

[10] *Смирнов К.Ф., Максименко В.Е., Лукьяшко С.И., Горбенко А.А.* Исследования в междуречье Дона и Северского Донца в пределах Ростовской области // АО - 1976. М., 1977. С.120.

[11] *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983; *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

[12] *Максименко В.Е., Ключников В.В., Гуркин С.В.* Исследование могильника «Частые курганы II» на Нижнем Дону в 2000 году (предварительная публикация) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. Москва, 2001.

[13] *Смирнов К.Ф.* Указ. соч. С. 27 – 28.

[14] *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия н.э.). М., 1999. С. 20-27.

[15] Примечание *М.Г. Мошковой* в книге *К.Ф. Смирнова.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. С.36.

[16] *Максименко В.Е.* Указ. соч. С.55.

[17] Там же. С. 86 - 87, 101.

[18] *Максименко В.Е.* Сирматы: античная традиция и археологические данные // Доклад, прочитанный на I Смирновских чтениях в Институте археологии РАН 27.11.1995 г.

[19] *Максименко В.Е.* Сарматы на Дону // Донские древности. Вып.6. Азов, 1998.С. 60 – 62.

[20] *Лукьяшко С.И.* Этнополитическая история и экономические связи кочевого населения Нижнего Дона в VIII - III вв. до н.э.: Автореф. дис…канд. ист. наук. М., 1990. С. 13.

[21] *Гуляев В.И.* Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. Москва, 2001.С. 25; *Он же.* Дискуссионные проблемы скифологии (по материалам археологии Подонья) // ВДИ. 2002. № 1. С. 149.

[22] *Гуляев В.И.* Общие проблемы археологии Среднего Дона. С.25.

[23] *Медведев А.П.* Указ. соч. С.93.

[24] *Савченко Е.И.* Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд)// Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. Москва, 2001. С.118 - 120, 126

[25] *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. С. 53.

[26] *Копылов В.П.* Население Северо-Восточного Приазовья в конце VII - IV вв. до н. э.: Автореф. дис… канд. ист. наук. СПб., 2000. С.12

[27] *Максименко В.Е.* Указ. соч. С.77. Рис.47.

[28] *Медведев А.П.* Указ. соч. Рис.59, 15.

[29] *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31. М., 1965. С. 19.

[30] *Боковенко Н.А.* Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 171.

[31] *Максименко В.Е.* Указ. соч. Рис.12, 20; 15, 1-2.

[32] *Максименко В.Е. и др.* Указ. соч. Рис.3,5.

[33] *Косяненко В.М. Флеров В.С.* Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья // СА. 1978. № 1. С. 192 - 205.

[34] *Максименко В.Е.* Указ. соч. Рис. 27, 10.

[35] *Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. М., 2001. С. 200. Рис. 57, 1.

[36] *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов// САИ. Вып.Д.1-4. М., 1964. С.51, Табл. 18, 3, 6, 9.

[37] *Пузикова А.И.* Указ. соч. С.198, Рис.45, 1 - 2.

[38] *Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б.* Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3. С. 240 – 242. Рис.1, 9 - 11.

[39] *Золотые олени Евразии.* СПб., 2003. Рис. на с.16 слева.

[40] *Максименко В.Е.* Указ. соч. Рис.14, 16; 18, 14-15.

[41] *Гончарова Л.Ю.* Искусство лесостепного Подонья и Европейской Скифии в IV – начале III вв. до н. э.: черты сходства и различия // Верхнедонской археологический сборник. Вып.2. Липецк, 2001. С. 41.

[42] *Мошкова М.Г.* Предисловие в кн.: *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. С. 6 - 7.

[43] *Мошкова М.Г.* Указ. соч. С.212; *Максименко В.Е.* Указ. соч. С.128; *Смирнов К.Ф.* Указ. соч. С. 37 - 42; *Туаллагов А.А.* Сирматы // Нижнедонской археологический вестник. Вып.2. Волгоград, 1999. С.26 - 31.

[44] *Gardiner-Garden J.* Eudox, Skylax and the *syrmatai* // Eranos. 1988. № 86. P.31 - 42.

[45] Кажется, важный, если не решающий вклад в решение рассматриваемой проблемы смогут внести сравнительные антропологические и палеогенетические исследования костных материалов из среднедонских и степных нижнедонских курганов.

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ДОНУ
(проблемы этнокультурной интерпретации)*

Опубликованные в последние годы обобщающие археологические исследования позволяют в общих чертах реконструировать этнокультурную ситуацию, сложившуюся в Подонье к середине I тыс. до н. э.[1]. В отличие от племен, населявших этот регион в предшествующую эпоху бронзы и известных лишь по условным названиям археологических культур, у народов раннего железного века имеются не только этнонимы, но и весьма яркие этнографические характеристики. Другой вопрос, сколь они соответствуют исторической действительности? Я не разделяю скептического отношения некоторых маститых археологов к сообщениям античной традиции из-за неопределенности и ограниченности ее информации, не говоря уж о радикальных призывах пока отказаться от нее при интерпретации археологических материалов, тем более что и сами они вольно или невольно широко используют те же имена скифов, савроматов, саков и даже амазонок, дошедшие до нас лишь благодаря грекам и другим цивилизованным народам древности[2]. При всей фрагментарности и скудости сведений древних авторов лишь они могут придать нашим археологическим реконструкциям определенную этнографическую и историческую конкретность. Не будь последних, картина расселения племен в Скифии, воссоздаваемая только средствами археологии, выглядела бы иначе, во всяком случае, намного беднее, чем ее видели древние греки. А, скорее всего, её и вовсе не было бы, как нет, например, этногеографии срубной культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы, археологически изученной не хуже скифской или сарматской культур раннего железного века. Трудность состоит в том, что этнографические сведения далеко не всегда лежат на поверхности нарративного античного источника — они могут быть извлечены из его недр лишь в результате специального, весьма трудоемкого источниковедческого исследованиях[3].

Я отчасти разделяю пессимизм В.И. Гуляева по поводу напрасных ожиданий каких-то больших прорывов в истолковании письменных источников по этногеографии Скифии в ближайшее время[4], но не потому, что их возможности исчерпаны. Как кажется, проблема в другом - сейчас в России практически не осталось специалистов, прежде всего филологов-классиков, систематически и целенаправленно занимающихся исследованием и переводом на современном уровне текстов античных авторов, писавших о Скифии, скифах и их соседях. Тем не менее, это не означает, что скифологи должны проигнорировать тот огромный фонд сведений о Скифии, который сохранила античная традиция. Хотим мы того или нет, но информацией, почерпнутой из письменных источников, пользуются прямо или опосредованно все исследователи, в той или иной степени касавшиеся скифо-сарматской проблематики. Но весь вопрос в том, как ею пользоваться?

Здесь мы сталкиваемся с весьма сложной междисциплинарной проблемой сопоставления данных письменных и археологических источников, проблемой старой, но в

---

* Представляет переработанный вариант статьи, впервые опубликованной в ВДИ. 2002. №.3. С.154 - 167 в рамках дискуссии «Проблемы археологии Подонья в скифскую эпоху».

последнее время приобретшей новое звучание прежде всего в силу все более глубокого осознания исследователями принципиальных различий в отражении этими источниками информации о прошлом. При всех имеющихся расхождениях в их взглядах они сформулировали ряд обязательных условий, выполнение которых необходимо для продуктивного сопоставления данных различных категорий источников по этногенезу и ранней этнической истории. Напомню главные из них:

1. Строгий учет специфики каждого из привлекаемых видов источников, во многом определяющей объем и качество содержащейся в них информации о древних народах[5].

2. Междисциплинарному синтезу должен предшествовать внутриотраслевой анализ каждого вида источников, а также основанных на нем реконструкций[6].

3. Сопоставлению подлежат не просто археологические данные и сведения, взятые из письменных источников, но обязательно конечные результаты независимого изучения первых и вторых[7].

4. Недопустимо прямое заимствование этнической номенклатуры или отдельных, вырванных из контекста сообщений античной традиции о древнем этносе без их всесторонней внешней и внутренней критики[8].

5. Поиск в разных группах источников информации об одних и тех же явлениях или событиях этнокультурной истории, «изоморфных точек» по терминологии Л.С. Клейна, передаваемой специфическим для каждого из них способом с последующим переводом сообщений, идентичных или близких по содержанию, но различных по своей кодовой природе [9].

6. Для успешной разработки интересующей нас тематики необходимо максимально расширить поле научного исследования, потому что проблемы этнической истории невозможно решать, не выходя за узкие рамки «своего» региона, так как этнос - прежде всего категория сравнительная[10]. Этническое своеобразие определенной группы людей находило выражение через ее отличия в этнониме, языке, духовной и материальной культуре от других групп. Поэтому его можно заметить только при известной широте подхода, позволяющей охватить одним взглядом не только главный объект изучения, например, этническую ситуацию в Подонье в V - IV вв. до н.э., но и соседние этнокультурные образования, в нашем случае - их остатки в виде материальных памятников, объединенных в археологические культуры, локальные варианты и т.п.

7. Новая интерпретация имеет право на существование в науке, если она охватывает в единой непротиворечивой системе максимально большое число эмпирических фактов, добытых в результате анализа разных источников. В итоге при строгом выполнении этих требований вырабатывается не только более перспективная гипотеза, но иногда *генерируется новое знание, которое невозможно было бы получить при изучении тех же источников порознь*[11].

Разумеется, все вышеизложенное - лишь идеальная процедура исследования, к тому же предельно упрощенная и схематизированная. Но она накладывает на исследователей ряд серьезных ограничений, сводящих к минимуму субъективизм их построений, особенно на уровне исторической интерпретации фактического материала.

К началу XXI в. по проблеме этнической принадлежности населения Среднего Дона в скифское время накопилась обширная литература. Опираясь на археологические и письменные источники, одни исследователи размещали на этой территории геродотовых будинов[12], другие - так называемых «воронежских скифов»[13] или просто скифов[14],

третьи - «отложившихся скифов»[15], четвертые - меланхленов[16], пятые - тиссагетов и иирков[17], шестые - савроматов и сирматов[18]. В итоге этот вопрос оказался настолько запутан, что сейчас представляется более актуальной не разработка очередной «оригинальной» авторской локализации, а взвешенный критический анализ имеющихся гипотез с привлечением максимально полного объема всех источников, а также современных наработок в области изучения древней этногеографии. Но для начала необходимо попытаться разобраться, в чем причина столь существенных расхождений в интерпретации одних и тех же археологических материалов и сообщений античных авторов? Только ли в скудности и противоречивости этногеографических сведений Геродота и других древних писателей?

Кажется, дело не столько в этом, сколько в самом отношении современных исследователей, в особенности коллег-археологов, к письменным источникам. Следует признать, что нередко они используют лишь часть информации, содержащейся у античного автора, которая не противоречит их построениям. Вопрос о степени ее достоверности в контексте особенностей мировоззрения и исследовательских приемов древнего автора обычно специально археологом не рассматривается. Если в «своих» источниках он довольно легко находит определенную ограниченную во времени и пространстве систему в виде археологических культур, вариантов, локальных групп памятников, то такого же системного подхода практически не наблюдается при его обращении к данным письменной традиции. Из нее зачастую вырываются лишь подходящие фрагменты или отдельные, лежащие на поверхности свидетельства. Между тем, и у античных авторов в ряде случаев содержится весьма упорядоченная информация, в том числе и этногеографического характера, в которой также можно обнаружить определенную систему или, во всяком случае, некий «каркас», отражающий этногеографические представления автора и его современников. Кажется, впервые в скифологии такой подход был продекларирован Б.А. Рыбаковым, хотя в своей собственной реконструкции этногеографии Скифии он неоднократно от него отступал[19].

Разумеется, уже чисто теоретически было бы наивным каждый раз ожидать сколь-нибудь полного совпадения этих двух систем информации этногеографического характера, поскольку нарративные и археологические источники в лучшем случае отражают разные стороны одного и того же явления, к тому же первые - весьма избирательно, а вторые — всегда фрагментарно. Тем не менее, по моему убеждению, только последовательное сопоставление тех и других именно как систем позволит реконструировать некую объективную канву для воссоздания этногеографии Скифии и, в частности, той ситуации, которая сложилась в бассейне Дона в середине I тыс. до н.э.

Коротко остановимся на археологическом аспекте обсуждаемой проблемы, тем более, что в статье В.И. Гуляева, положившей начало дискуссии, культурная ситуация в лесостепном Подонье в скифское время описана далеко не полно. У исследователей не вызывает сомнений наличие здесь не только курганных могильников, которые В.И. Гуляев уверенно называет скифскими, но и других групп памятников. В частности, верховья Дона и Воронежа были заняты небольшими по площади поселениями (известно свыше 100) и городищами (не менее 10) городецкой культуры, которые составили здесь особый локальный вариант[20]. В свете имеющихся на сегодняшний день данных городецкие племена были, прежде всего охотниками и рыболовами. Южнее, на Среднем Дону и Подворонежье в V - IV вв. до н. э. ситуация оказалась гораздо более сложной,

что нашло отражение и в археологических материалах. Сейчас здесь известно не менее 60 скифоидных городищ, свыше 300 поселений и семь курганных могильников[21]. Используя методы пространственного анализа, в Правобережье Среднего Дона удалось выявить около десятка локальных микрорайонов памятников скифского времени. Многие из них имели довольно устойчивую внутреннюю структуру в пределах бассейна малой реки, основными звеньями которой являлись городища, соединенные цепочкой неукрепленных поселений. Иногда в них входили и курганные могильники, располагавшиеся, правда, всегда обособленно от ближайших городищ. Комплексный сравнительный анализ среднедонских памятников свидетельствует в пользу существования здесь в скифское время двух хозяйственно-культурных типов (ХКТ):

1. ХКТ оседлых лесостепных земледельцев и скотоводов, оставивших городища и поселения с выраженным культурным слоем.

2. ХКТ подвижных скотоводов, по существу полукочевников, которым принадлежали среднедонские курганные могильники и большинство сезонных стоянок.

Оба типа памятников не имеют местных корней. Они распространяются на Среднем Дону и в Подворонежье с VI в. до н. э., причем, скорее всего, городища сооружаются несколько раньше, чем курганные некрополи. Первые захоронения в Частых (к. 8 с парой бронзовых жертвенных ножей) и Мастюгинских (к. 29/21 с греческой бронзовой гидрией первой половины V в. до н. э.) могильниках нельзя датировать ранее рубежа VI - V вв. до н. э. И тот, и другой тип среднедонских памятников обнаруживают истоки в лесостепной скифоидной культуре Украины VII - VI вв. до н. э., более всего в Днепровском Левобережье, о чем я и мои воронежские коллеги неоднократно писали с конца 80-х годов[22]. На мой взгляд, в материальной культуре обитателей среднедонских городищ и населения, оставившего воронежские курганы, просматриваются явные различия как социального, так и этнокультурного характера. Их сравнительный анализ свидетельствует о сосуществовании на Среднем Дону и прилегающих районах Подворонежья двух различных социо- , а, возможно, и этнокультурных комплексов: низовой культуры рядового населения городищ и элитарной субкультуры военно-аристократической верхушки, погребаемой в курганах. Вероятно, она со временем составила здесь своего рода властвующую элиту, судя по обилию импорта и других дорогих изделий, процветавшую за счет эксплуатации основной массы зависимого оседлого населения городищ. Так выглядит историко-культурная ситуация на Среднем Дону, реконструируемая средствами археологии.

Однако сколь бы детально и изощренно мы не изучали археологические источники, в них самих все-таки не найти прямой информации, указывающей на этнос оставившего их населения. Для решения дискуссионной проблемы необходимо выйти за рамки собственно археологического источника и обратиться к анализу античной традиции.

Основным и по существу единственным оригинальным письменным источником по истории Среднего Дона в середине I тыс. до н. э. является «Скифский логос» Геродота. Сейчас ни у кого из исследователей не вызывает сомнений сложный, а местами противоречивый характер этого сочинения, так как Геродот соединил в нем и более раннюю ионийскую традицию, и картину расселения современных ему племен, и обширный фольклорный материал, полученный от скифов и других народов[23]. Специальные исследования выявляют различные, в том числе, весьма далекие от требований современной науки мотивации, которыми руководствовался «отец истории» при отборе и подаче

материала[24]. Здесь не место рассматривать все вопросы этой ключевой для древней истории Юга Восточной Европы источниковедческой проблемы. Важнее еще раз обратить внимание на те ее аспекты, без учета которых невозможно научно реконструировать историческую географию Подонья в античное время. В первую очередь должны быть проанализированы те данные, которые можно использовать в качестве своего рода географических реперов при локализации этносов, проживавших во времена Геродота к востоку и северо-востоку от Скифии.

Прежде всего, это вопрос об идентификации р. Танаис. После выхода в свет книги Б.А. Рыбакова заметно возросло число сторонников отождествления геродотова Танаиса не с р. Дон, а с Северским Донцом и низовьями Дона[25]. Однако проведенная проверка географических данных Геродота и Птолемея об этой реке подтвердила правомерность его традиционной идентификации скорее с Доном, нежели с Северским Донцом и нижним течением Дона[26]. Поэтому можно использовать эту реку в качестве вполне надежного географического ориентира при локализации тех или иных древних народов.

Как известно, этногеографический экскурс «Скифского логоса» образуют четыре отдельных перечня этносов (Herod.: IV. 17 - 26). Каждый из них представляет полосу земель, попавшую в поле зрения автора, которая начинается от моря и уходит «вверх», т. е. вглубь материка: 1) по Гипанису (Южному Бугу); 2) к востоку от Борисфена (Левобережье Днепра); 3) за р. Пантикап (Днепро-Донское междуречье); 4) за Танаисом (Левобережье Дона и далее на восток к Приуралью[27]. Они вполне самостоятельны, но в целом не так уж плохо согласуются между собой. Для нашей темы особый интерес представляет последняя четвертая «полоса земель» за Танаисом, наиболее полно отражающая географические и этнографические представления «отца истории» о восточных пределах Скифии и ее обитателях. Обратимся к источнику.

«Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстоянии пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишенную и диких, и культурных деревьев. Выше их живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом. Выше будинов к северу идет сначала пустыня на расстоянии более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой. [2] Рядом с ними в тех же самых местах обитает племя, имя которому иирки. Они также живут охотой... [3] Выше иирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну» (Herod.: IV. 21 - 22).

Давно уже установлено, что в основе геродотовой диатезы племен "за Танаисом" лежало древнее описание торгового пути из гавани борисфенитов к приуральским аргиппеям и исседонам[28]. На это прямо указывал и сам Геродот, завершая его описание: *«Вот до этих плешивых* (т.е. аргиппеев - А.М.) *о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также и у эллинов, как из гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней. А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках»* (Herod.: IV. 24). Именно наличие вполне надежного источника вроде периэгесы и связанных с ней устных рассказов торговцев, ходивших этим путем, позволило пытливому взгляду Геродота проникнуть далеко вглубь ма-

терика (рис.22, *а*). В целом, изучение этногеографических описаний окраинных областей ойкумены в «Истории» Геродота демонстрирует одну любопытную закономерность: он располагал более достоверной и оригинальной информацией о тех народах, через земли которых проходили торговые пути[29]. Именно по ним в направлении, обратном движению греческих товаров, шли не только золото и пушнина, но и конкретные сведения об отдаленнейших областях ойкумены.

Таким образом, характер основного источника сведений Геродота о расселении народов, живущих к востоку и северо-востоку от Скифии, существенно повышает доверие к содержащейся в нем этногеографической информации. У нас имеется редкая возможность проверить степень достоверности сообщений «отца истории» о размещении народов на танаисском участке торгового пути по независимым данным археологии. В его пользу, безусловно, свидетельствует наличие в Подонье трех сильно различающихся археологических культур скифского времени - савроматской, среднедонской и городецкой. Важно то, что ***их последовательность точно соответствует трем большим этносам, упомянутым Геродотом: савроматам в степях за Танаисом; будинам в его среднем лесостепном течении; и, наконец, тиссагетам в его верховьях.*** После открытия на Верхнем Дону многочисленных городецких поселений, вероятнее всего, оставленных тиссагетами, важным представляется еще одно свидетельство «отца истории» о том, что из их земли берут начало четыре большие реки, в том числе и Танаис (Herod.: IV. 123).

Как видим, принципиальное совпадение данных двух различных видов источников делает более чем проблематичным локализацию скифов на Среднем Дону, на чем так настаивает В.И. Гуляев и его коллеги в работах начиная с середины 90-х годов[30]. Здесь они никогда и никем не упоминались. Замечу, что не может служить аргументом в пользу доказательства обитания скифов в среднедонском регионе и явно вырванное из контекста свидетельство «отца истории» о том, что часть владений «скифов царских» доходит до реки Танаиса (Herod.: IV. 20). До сих пор ни у кого из скифологов не вызывало сомнений то, что в этом пассаже речь идет о восточных границах кочевий «скифов царских», которые включали Степной Крым и Северо-Западное Приазовье вплоть до низовий Танаиса-Дона. Последнее находит подтверждение в археологических материалах дельты Дона, в особенности, Елизаветовского городища и курганного могильника, где исследован знаменитый скифский курган «Пять Братьев», действительно по ряду показателей близкий грандиозным степным усыпальницам скифских царей[31]. Но ничего подобного севернее дельты Дона и тем более на Среднем Дону пока неизвестно.

Помимо только что рассмотренной диатезы племен «за Танаисом» Геродот дает нам еще одну возможность проверить достоверность его представлений о расселении соседей скифов, обитающих по северной и восточной сторонам «Скифского квадрата» (рис.22, *б*). Среди них скорее всего были упомянуты и древние народы лесостепного Подонья. Вопрос об источниках этой информации до сих пор остается открытым. В рассказе о «Скифском тетрагоне» большинство антиковедов видят отражение географических представлений самого Геродота или его предшественников, возможно, восходящих к ионийской карте Скифии[32]. Недавно в пользу греческих истоков «Скифского квадрата» определенно высказался С.Р. Тохтасьев[33]. Другой подход к решению этого вопроса предложил Д.С. Раевский[34]. На мой взгляд, ему удалось весьма убедительно показать фольклорную, эпическую природу значительной части «Скифского логоса».

По его мнению, геродотово описание «Скифского квадрата» скорее всего восходит к представлениям самих скифов о географии их страны и племенном окружении. Оно отражает своего рода скифскую модель мира.

Однако как бы мы сейчас не решали этот вопрос - в пользу античной «теоретической» (в изначальном значении слова) или «фольклорной» (в духе Д.С. Раевского) природы этногеографии «Скифского квадрата» — обращает на себя внимание исключительно устойчивая последовательность Геродота в перечислении племен, обитавших по его сторонам (IV. 100, 102 - 110, 119, 123 - 125). Важно то, что историк всегда строго выдерживал порядок их названий даже при обратном перечислении с востока на запад, как, например, при описании хода военных действий в кульминационный период Скифо-персидской войны (Herod. IV. 123 - 125). Поэтому со времен Н.И. Надеждина, который первым из ученых обратил внимание на эту повторяемость, она служит своего рода лакмусовой бумажкой при проверке истинности размещения исследователями этносов по сторонам «Скифского квадрата»[35].

Таким образом, при разработке вопросов этнической географии Подонья в скифское время есть возможность использовать несколько независимых систем этногеографической информации о периферийных племенах, в определенной мере упорядоченной самими древними, а также данные современной археологии:

1. Диатезу народов по Танаису, начиная от «самого дальнего угла озера Меотиды» вверх по реке и далее на «северо-восток», взятую из античной торговой периэгесы.

2. Перечень народов вдоль северной стороны «Скифского квадрата», особенно у его северо-восточного угла, скорее всего восходящий к мифопоэтическим представлениям самих скифов о их стране и ее окружении.

3. Картографирование разнокультурных археологических памятников Подонья и смежных регионов Степной и Лесостепной Скифии.

Все они содержат ценную этногеографическую информацию, относящуюся к областям, прилегающим к северо-восточному «углу» Скифии. Принципиально важно то, что их взаимное наложение до минимума сужает диапазон поиска тех этнонимов, под которыми Геродот мог знать современное ему население по среднему и верхнему течению Танаиса. А здесь он постоянно упоминает *лишь «большой и многочисленный народ будинов»* вместе с переселившимися к ним гелонами (IV. 21, 108 - 109, 123), а «выше» - охотников-тиссагетов и их лесных соседей-иирков (IV. 22, 123). Скорее всего, именно эти народы и обитали на Среднем и Верхнем Дону в скифское время.

Если последовательно придерживаться этнонимии Геродота и неплохо изученных археологами культурных индикаторов «геродотовых скифов» Причерноморья (а других скифов для этого времени археологи достоверно не знают), то не остается сколь-нибудь серьезных научных оснований распространять их владения вплоть до современного Воронежа. По моим наблюдениям, скифы время от времени «появлялись» на Среднем Дону в работах тех ученых, которое или не различали два значения этого этникона в античной традиции и, соответственно в современной науке, или в силу разных причин недостаточно учитывали специфику местных памятников. Я уже обращал внимание на то, что блеск находок из воронежских курганов часто настолько застилал зрение археологов, что они становились невосприимчивыми к подчас неброским проявлениям действительной этнокультурной специфики этого населения. К сожалению, новым подтверждением этой оценки, высказанной десять лет назад, служат последние публика-

ции В.И. Гуляева, включая и статью, положившую начало настоящей дискуссии[36]. Он постоянно акцентирует внимание читателя на сходстве, иногда вплоть до идентичности некоторых категорий инвентаря (серебряные сосуды, мечи с золотыми накладками, женские золотые украшения, золотые нашивные бляшки и т.п.) из воронежских курганов, с одной стороны, и Степной Скифии IV в. до н.э., с другой. Сходство это несомненно, на что обращалось внимание и ранее, в том числе и мною. Но практически все перечисленные категории погребального инвентаря для Среднего Дона являются *импортом*. Они характеризуют культуру местной военно-аристократической верхушки, которая, как и всякая элитарная культура носила синкретический характер, но никак не ее *этнос*.

Явным преувеличением является утверждение В.И. Гуляева *«о полном совпадении и единстве субкультуры аристократической верхушки всех областей степи и лесостепи, входивших в состав скифского государственного объединения»*[37]. Это заключение противоречит итоговым выводам скифологов, издавших не так давно фундаментальный том по скифо-сарматской археологии в академической серии «Археология СССР». В нем убедительно показаны существенные различия в обряде и инвентаре курганов Степной и Лесостепной Скифии, особенно в V - IV вв. до н. э., а также ее отдельных локальных вариантов. Так, при несомненной близости части сопровождающего инвентаря среднедонские курганы в целом во многом отличаются от синхронных скифских степных. Достаточно напомнить один хорошо известный факт - основным типом погребальных сооружений собственно причерноморских скифов в это время становятся *катакомбы*, тогда как в лесостепном Подонье на протяжении скифской эпохи и, что особенно важно, всего IV в. до н.э. захоронения по-прежнему совершались *в столбовых склепах, дромосных гробницах*, реже простых грунтовых ямах. Да и их инвентарь, несомненно, обладает локальной спецификой по сравнению со скифским степным, на что давно обратил внимание П.Д. Либеров. Назову только некоторые массовые археологические проявления культурного своеобразия той части среднедонского населения, которая оставила курганные некрополи типа Частых и Мастюгинских курганов. Прежде всего, это местные формы керамики («ритуальные сосудики» с парными проколами под венчиком, вазы), литые бронзовые котлы скифского типа, но с «усами», своеобразие в вооружении (некоторые оригинальные типы акинаков, обилие находок наконечников дротиков с рюмковидными втоками, железные втульчатые двулопастные наконечники стрел), зооморфные поясные крючки, наконец, среднедонской вариант звериного стиля и др.

Все это не позволяет мне принять предположение В.И. Гуляева о погребениях в воронежских курганах правителей-номархов, происходящих из правящего рода господствующего племени скифов[38]. Оно имеет крайне шаткое основание, составленное лишь из находок в самых богатых курганах престижных золотых и серебряных вещей явно импортного происхождения[39]. Если даже допустить, что таковые скифские наместники на Среднем Дону все-таки были, то становится непонятно, почему их хоронили здесь не по «отеческому» обряду, принятому в метрополии, у «скифов царских». Возможно, последнее слово в нашей дискуссии смогут сказать антропологи, если им удастся доказать несомненную краниологическую близость населения Среднего Дона причерноморским скифам.

Замечу также, что в скифской гипотезе В.И. Гуляева не осталось места для наиболее многочисленной категории скифоидных памятников Среднего и Верхнего Подонья. Это городища и открытые поселения, синхронные воронежским курганам. Именно на них проживала подавляющая часть лесостепного населения. Что это было за население? Какова могла быть его этническая принадлежность? В каких отношениях оно находилось с людьми, погребенными в среднедонских курганах? Этих и других важных вопросов мы не найдем в статье, открывшей настоящую дискуссию. Развиваемая В.И. Гуляевым гипотеза о скифах на Среднем Дону как будто бы и должна была снять многие накопившиеся к исходу XX в. затруднения и противоречия в древней истории и археологии Донского региона. Но, кажется, этого не произошло. Не произошло, видимо, потому, что она, несмотря на новые яркие археологические материалы из могильника Терновое I - Колбино, не смогла охватить и тем более оставила без сколь-нибудь убедительного объяснения даже ту совокупность фактов, которые менее противоречиво укладывались в старую гипотезу П.Д. Либерова о будинах и родственных скифам гелонах на Среднем Дону. Но для меня она неприемлема не только потому, что противоречит известным фактам.

Возвращение к взглядам М.И. Ростовцева по существу лишает восточноевропейскую лесостепь какого-либо автохтонного населения, что и продемонстрировал В.И. Гуляев своей новой картой этногеографии Скифии[40]. Ряд соседних со скифами народов, например, меланхлены, на ней были сдвинуты далеко к северу, на широту таких далеких «заскифских» этносов, как тиссагеты и иирки. В результате все Днепро-Донское междуречье к северу от Степной Скифии оказалось незаселенным, что находится в вопиющем противоречии с данными археологии (ворсклинская, посульская, северско-донецкая, сейминская группы лесостепной скифоидной культуры). И что особенно странно, на этой карте даже лесостепное Среднее Подонье, где более 40 лет работает В.И. Гуляев, занимает сплошное «белое» пятно»!

Мне кажется, что современная скифология, несмотря на ряд нерешенных проблем, о которых речь пойдет ниже, обладает все-таки несколько большей «разрешающей способностью» в выделении этнически значимых компонентов в археологических культурах, нежели во времена М.И. Ростовцева и А.А. Спицына. Письменные свидетельства и данные археологии независимо друг от друга указывают на то, что сложившаяся здесь в эпоху Геродота этнокультурная ситуация была гораздо более сложной и уж во всяком случае не такой однозначной, чтобы всю ее без насилия над источниками можно было непротиворечиво описать при помощи старой гипотезы «скифы на Среднем Дону».

В заключение необходимо высказать несколько суждений частного характера. В.И. Гуляев не пожалел бумаги, обильно цитируя отрывки из моей последней книги, в особенности, из главы, где речь идет о моем понимании гелонов и будинов. На первый, поверхностный взгляд оно действительно противоречит их характеристике в тексте Геродота (IV. 108 - 109), прочитанном буквально, да еще и в русском переводе. Однако не нужно мне приписывать честь авторства гипотезы о принадлежности большинства лесостепных городищ Днепро-Донского междуречья *«большому и многочисленному народу будинов»*. Ее творцом был выдающийся русский скифолог Б.Н. Граков, в равной мере владевший всей совокупностью археологических источников и прекрасно анализировавший на языке оригинала тексты античных авторов. Именно он обратил внимание на этимологию этнонима «будины» в «Этнике» Стефана Византийского[41]. Из нее

становится очевидным, что чужой для эллинов этноним Βουδῖνοι воспринимался ими как производный сложносоставной от двух слов их родного языка: βους - «бык» и δινέο - «кочевать», «кружиться» на телегах» (Steph. Byz. s. v. Βουδῖνοι). Б.Н. Граков остроумно предположил, что из этой явно ошибочной эллинской этимологии и могла родиться та «кочевническая» характеристика будинов, которую мы находим у Геродота, как известно, не знавшего ни одного языка кроме родного греческого.

Подобный «метод» добывания информации из этнонима «отец истории» практиковал весьма часто. Не так давно В.И. Абаев выявил яркий образец адаптации Геродотом (или его информаторами) скифского этнонима gauvarga - *«почитающие скот»* к нормам греческого языка[42]. В результате одно из скифских скотоводческих племен превратилось в *skythai georgoi,* то есть в «скифов-земледельцев». Как известно, буквальное понимание этого псевдоэтнонима вступало в вопиющее противоречие с надежными и многочисленными данными скифской археологии - во времена Геродота в степном Левобережье Нижнего Днепра обитало лишь кочевое население, оставившее множество курганов без сколь-нибудь заметных следов оседлости, свойственной земледельцам. Вообще исследователи, занимающиеся изучением творчества «отца истории», давно обратили внимание на подобный способ добывания им информации из этнонима. Достаточно вспомнить предельно скупные описания андрофагов и меланхленов, практически не содержащие никаких иных сведений, помимо тех, которые заложены в самих этих псевдоэтнонимах (IV. 106 - 107). Видимо, то же самое следует сказать и о будинах - ничего конкретного о кочевом образе их жизни Геродот не сообщает[43].

Теперь несколько слов о гелонах и возможности их локализации на Среднем Дону. Как известно, у Геродота в разных местах «Скифского логоса» приведены две взаимоисключающие версии их происхождения и этноса, явно восходящие к разным источникам. В статье В.И. Гуляева приводится пространная цитата из моей книги[44], которая тут же сопоставляется с геродотовым описанием гелонов в IV. 109. После этого делается весьма суровый вывод *«вопреки Геродоту, гелоны, по мнению воронежского ученого, никакого отношения к эллинам не имеют, на эллинском языке не говорят, земледелием и садоводством не занимаются...».* Но здесь мой уважаемый оппонент опустил вторую версию происхождения гелонов, сообщаемую Геродотом в «понтийской» легенде о происхождении скифов (IV. 9-10), проанализированную в моей книге. Из нее явствует, что гелоны являлись потомками героя-эпонима Гелона - одного из братьев Скифа(прародителя скифов). Не вдаваясь сейчас в сложный вопрос о принадлежности этой легенды скифам, грекам или самим гелонам, обращаю внимание на то, что эта легенда, вопреки сообщению Геродота (IV. 108 - 109), прямо утверждала *кровное родство гелонов со скифами.* Весьма примечательно, что именно эта версия подкрепляется последующей античной традицией. Уже Аристотель сообщает следующее: *«У скифов, называемых гелонами, водится редкое животное, называемое тарандом»* (De mir. ausc.: 30). Позже грекам и римлянам гелоны представлялись отнюдь не мирными хлебопашцами и садоводами, а воинственными конными воинами. Подобное понимание этноса гелонов как родственных скифам ираноязычных племен лесостепи мы находим у М.И. Артамонова, Б.А. Рыбакова, Б.А. Шрамко, Б.Н. Мозолевского и других ученых, серьезно занимавшихся гелоно-будинской проблемой[45]. Такой подход *к* проблеме гелонов ***как к этносу, изначально родственному скифам, но все-таки особому, отделившемуся*** позволяет вполне логично объяснить и определенную близость инвентаря среднедонских

курганов собственно скифским, и явные различия в типах их погребальных сооружений, и наличие в них очевидной локальной специфики, как, впрочем, и само местонахождение этих курганов именно в той области, где этот народ размещал Геродот. Если все же видеть в гелонах настоящих эллинов, то почти столетний поиск следов их пребывания в глубинных районах лесостепи (может быть, за исключением расположенного не так далеко от Ольвии Немировского городища) пока не дал сколь-нибудь определенных результатов.

Принадлежность среднедонских некрополей геродотовым гелонам дополнительно подтверждает и находка в кургане 3 группы Частых знаменитого серебряного сосуда. Как убедительно доказал Д.С. Раевский, одна из запечатленных на нем сцен — уход проигравшего состязание героя-эпонима Гелона, основной скифской этногонической легенды[46]. Маловероятно, чтобы столь редкое изделие случайно оказалось в одном из курганов именно той области, куда, согласно рассказу «отца истории», переселились гелоны. Во всяком случае, эта находка дает основание утверждать, что местная аристократическая элита была не только знакома с основным скифским генеалогическим преданием, но, видимо, осознавала свою причастность к нему, скорее всего потому, что в нем фигурировал ее мифологической прародитель - Гелон.

При наличии у одного автора двух взаимоисключающих версий исследователь оказывается перед нелегким выбором, так как согласовать их невозможно. Здесь мог бы помочь анализ источников, которые Геродот использовал в IV. 9 - 10 и 108 - 109. Меня не оставляет ощущение весьма искусственной конструкции геродотова образа гелонов, в котором он попытался соединить и их родство со скифами, и созвучие этнонима Γελονοί с Ἕλλήνες. Их отождествлению могла способствовать популярность имени Гелон среди греков: Гелон - эпоним сицилийского города Гелы, Гелон, сын Дейномена, тиран Гелы, Гелон - сын сиракузского тирана Гиерона II, Гелон - спартанец, победитель на 44-х Олимпийских играх, Гелон - леонтинец, посланник в Афины 433/432 г. до н. э., Гелон - эпирот, соперник Пирра, и др.[47]. Может быть, в этом случайном созвучии имен и следует искать истоки Геродотова заключения о двуязычии гелонов: *«И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском»* (IV. 108).

Несколько слов о степени культурной близости среднедонских и нижнедонских курганных могильников. В.И. Гуляев со ссылкой на ростовских коллег пишет о единстве культуры Среднего и Нижнего Дона, о поразительном сходстве между инвентарем курганных захоронений V - IV вв. до н. э. воронежских и нижнедонских могильников правого берега и донской дельты, а также междуречья Дона и Северского Донца[48]. Автор, безусловно, прав, говоря, что до сих пор никто не предпринимал попыток сопоставить археологические материалы этих групп памятников. Однако и его заключение выражает общую интуитивную оценку, видимо, не основанную на детальном сравнительном анализе воронежских курганов и могильников в низовьях Северского Донца. Между тем, даже при беглом знакомстве с последними в глаза бросаются явные их различия со среднедонскими прежде всего в типах погребальных сооружений. На Среднем Дону преобладали столбовые гробницы, иногда с дромосами. Ни в одном из курганов междуречья Дона и Донца подобных сооружений ни разу пока не встречено. Здесь захоронения совершались в грунтовых, иногда дромосных могилах, но без следов столбовых конструкций[49]. В Елизаветовском же могильнике абсолютное большинство могил составляли грунтовые ямы сильно вытянутых пропорций, а в группе «Пять Братьев» —

каменные гробницы[50]. Ни тех, ни других нет ни на Среднем Дону, ни в низовьях Северского Донца, ни в лесостепном Левобережье Днепра. Сильно различается и набор лепной посуды, входивший в состав инвентаря среднедонских и нижнедонских курганных погребений. Если в первых доминирующим типом лепной посуды были вазы и кувшины, то в погребениях типа Шолоховского и Сладковского курганов преобладали грубые лепные горшки, в том числе с раздутым яйцевидным туловом. В последних явно сохраняются традиции савроматской археологической культуры. Нет здесь и характерных для Среднего Дона «ритуальных сосудиков» с проколами. Существенные локальные особенности просматриваются и в изделиях звериного стиля этих трех групп памятников. Несомненно, среди них несколько большим сходством обладают среднедонские могильники и курганы в низовьях Северского Донца. Однако это сходство не столь велико, чтобы можно было говорить о единстве культур их создателей. С другой стороны, в среднедонских курганах пока встречены лишь единичные находки, характерные для культуры кочевников Нижнего Дона.

Еще в середине 70-х годов К.Ф. Смирнов, В.Е. Максименко и другие археологи вполне правомерно связали памятники в междуречье Дона и Северского Донца с сирматами[51]. Я полностью разделяю их точку зрения, так как по единству «места и времени» (правобережье нижнего течения Танаиса, датировка IV в. до н.э.), а также по наличию явных раннесарматских признаков они никому и не могут принадлежать, кроме сирматов Евдокса и Псевдо-Скилака. Недавно эта идентификация была поддержана известным специалистом по античной этногеографии Дж. Гардинер-Гарденом[52]. Как это не покажется странным, сейчас гораздо сложнее дело обстоит с археологической идентификацией Геродотовых савроматов[53]. И это несмотря на то, что «отец истории» дает почти исчерпывающие координаты «надела савроматов» и указывает его протяженность в днях пути (IV. 21, 116). По этой дискуссионной проблеме древней этнической истории Подонья, наверно, скажут свое весомое слово специалисты по савроматской археологии.

Дискуссия по, казалось бы, периферийным аспектам скифологии, каковыми, на первый взгляд, могут показаться затронутые мною темы, тем не менее, остро обнажает и некоторые назревшие общеметодологические проблемы археологии и этнокультурной истории Юга Восточной Европы в античную эпоху. Одну я только что называл - это проблема поиска археологического соответствия «савроматам Геродота» за Танаисом. Другая не менее важная проблема археологических критериев скифов как этноса. Долгое время ее в нашей науке вроде бы и не было, так как с университетской скамьи всем была хорошо известна «скифская триада». Однако после ее недавнего «развенчания» в качестве надежного этноиндикатора скифов[54], других археологических маркеров предложено не было. Может быть, эта проблема и не стоит так остро для ученых, работающих с классическими степными скифскими памятниками Северного Причерноморья V - IV вв. до н. э. Однако с нею постоянно сталкиваются практически все исследователи, занимающиеся этнической историей «Скифского мира». Помимо причерноморской степи в него входили и другие регионы, в том числе восточноевропейская лесостепь. Без ее разработки нам никогда не удастся в полной мере определить, если так можно сказать, степень «скифизации» степных и лесостепных культур древней Европы, решить вопрос о соотношении курганных могильников и городищ в глубине лесостепи, о включении населения последней в состав скифской государственности и многое дру-

гое. Но, прежде всего это необходимо для скорейшего освобождения науки от той вольной или невольной путаницы в этнических определениях, которые еще встречаются в современной скифо-сарматской археологии.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.). М., 1999; *Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001; *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху*: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН 1993 - 2000 гг. М., 2001. В настоящее время донской регион, пожалуй, - единственный в Лесостепной Скифии, где практически полностью и, что особенно важно, по комплексам опубликованы все исследованные курганные могильники.

[2] *Яблонский Л.Т.* Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. 2001. № 1. С. 62; *Гуляев В.И.* Дискуссионные проблемы скифологии (по материалам археологии Подонья) // ВДИ. 2002. № 1. С.148.

[3] *Поплинский Ю.К.* Принципы этнографических описаний в античной научной литературе // Африканский сборник. Вып. XII. Л., 1990. С. 129.

[4] *Гуляев В.И.* Указ. соч. С.148.

[5] *Клейн Л.С.* Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 4. С.5 - 6.

[6] *Клейн Л.С.* Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // СЭ. 1988. № 5. С.19.

[7] *Анфертьев А.Н.* Пролегомены к изучению этнической истории // Этносы и исторические процессы. М., 1993. С. 65.

[8] *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С.11, 40.

[9] *Клейн. Л.С.* Указ. соч. С. 18, 22.

[10] *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С.49; *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Указ. соч. С. 26.

[11] *Haidle M.N.* Interdisziplinarität in der Archäologie: eine Notwendigkeit?! // Archäologische Informationen. 1998. 21/1. S.10 – 11. Abb.

[12] *Либеров П.Д.* Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. 1969. № 151. С. 5 - 26; *Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971. С. 131 - 151, 160 - 161; *Шрамко Б.А.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема // СА. 1975. № 1. С.120; *Моруженко А.А.* Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 1. С. 44-47.

[13] *Спицын А.А.* Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. N. 65. С. 132-133; *Шоков А.Ф.* Скифы на Среднем Дону. Воронеж, 1952.

[14] *Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Терновое I - новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. 1995. № 4. С. 100 - 102.

[15] *Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. М., 1979. С.116 - 122; *Алексеев А.Ю.* Скифская хроника. СПб., 1992. С. 98, 118.

[16] *Рыбаков Б.А.*. Указ. соч. С. 118 - 122; *Рассадин С.Е.* Племена и народы «заскифского» северо-востока. Минск, 1997. С. 5 - 11; *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. Рис.1.

[17] *Яйленко В.П.* К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1983. № 1. С. 64. Карта на с. 57; *Gold der Skythen*. Schleswig, 1993. Abb. 3.

[18] *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 26 - 27; *Максименко В.Е.* Сирматы: античная традиция и археологические данные. Доклад, прочитанный на I Смирновских чтениях в Институте археологии РАН 27 ноября 1995 г.

[19] *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 9 -10.

[20] *Левенок В.П., Миронов В.Г. К* вопросу о новом районе городецкой культуры // СА. 1976. № 2. С. 15 - 36.

[21] *Медведев А.П.* Ранний железный век. С. 49 - 90. Рис. 18, 20.

[22] *Медведев А.П.* К предыстории среднедонской культуры скифского времени // Тез. докл. науч. конф. Запорожье, 1989. С.85; *Он же.* Памятники скифского времени Среднего Дона (опыт пространственного анализа) // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992. С. 60; *Он же.* Посульские и среднедонские курганы скифского времени // Історико-культурна спадщина Глухівщини. Глухів, 1992. С. 72.

[23] *Лелеков Л.А., Раевский Д.С.* Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и их историческая информативность// НАА. 1979. № 6. С. 68 - 74; *Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К.* Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье VII - V вв. до н. э. Тбилиси, 1990. С. 21; *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. С. 86 - 126; *Ivantchik A.I.* Une légende sur l'origine des scythes (Hdt. IV, 5 - 7) et 1e probléme des sources du *Scythicos logos* d 'Hérodote // Revue des Études Greques. 1999. P.141; *Щеглов Д.А.* Три источника скифской географии Геродота // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч.2. СПб., 2002.С. 258 - 268.

[24] *Barth R.* Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot// Klio. 1968. № 3 (50). S. 95 -110; *Weber H.A.* Herodots Verständnis von Historie. Untersuchungen zur Methodologie und Argumentationsweise Herodots. Frankfurt a. M. München, 1976 (особенно гл.2); *Hartog F.* Le miroir d'Hérodote. Essai sur la representation de l'autre. P., 1980. p. 221 - 382.

[25] *РыбаковБ.А.* Ук. соч. С. 27 - 28; *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов - на - Дону, 1983. С. 13; *Яйленко В. П.* Указ. соч. С. 54; *Шрамко Б. А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С. 6; *Стрижак О.С.* Етнонімія Геродотової Скіфії. Київ,1988. С.102; *Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. Киев, 1988. С. 224; *Мачинский Д.А.* Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 13, 18; *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. С.89.

[26] *Медведев А.П.* К вопросу об идентификации р. Танаис по данным Птолемея // Историческая география Черноземного центра России. Воронеж, 1989. С.151 - 152; *Он же.* Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Ч.2. Новочеркасск, 1993. С. 127 - 137.

[27] *Жебелев С.А.* Скифский рассказ Геродота// Северное Причерноморье. М.-Л.,1953. С.338-345.

[28] *Hennig R.* Herodots Handelsweg zu den sibirischen Issedonen// Klio. 1935. № 28; *Граков Б.Н.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжьям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія. Т. 1. 1947. С. 23 – 38; *Пьянков И.В.* Путь к аргиппеям (Древние пути на Урал) // Вестник Новгород. гос. ун - та. Серия «Гуманитарные науки». 1998. № 9. С.48 - 55.

[29] *Медведев А.П.* Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографических данных Геродота // Археологія. 1997. № 4. С. 26 - 27.

[30] *Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Терновое I… С. 100 -102; *Они же.* Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследования 1996 - 1997 гг.) // РА. 1998. № 4. С. 115 - 132; *Гуляев В.И.* О результатах раскопок курганов скифского времени на Среднем Дону в 1993 - 1997 гг. // Вестник РГНФ. 1998. № 1. С. 168 - 178; *Он же.* Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V - IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VI - III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 145 – 152 и др.

[31] *Брашинский И.Б., Марченко К.К.* К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 24-28; *Мелюкова А.И.* Локальные группы скифской и скифообразной культур Восточной Европы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.,1989. С. 59 - 62.

[32] *Myres J.L.* An Attempt to Reconstruct the Maps Used by Herodotus Scythians and Greeks // Geographical Journal. 1896.Vol.VIII. P. 605; *Minns E.N.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 27; *Ельницкий Л.С.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 56; *Шишова И.А.* О достоверности географических сведений в «Скифском рассказе» Геродота // Летописи и хроники. М., 1981. С. 21 - 22; *Нейхард А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 155 - 157.

[33] Выступление *С.Р. Тохтасьева* в дискуссии по статье: *Л.С. Клейн.* «Индоарии и скифский мир» // НАА. 1987. № 5. С. 91 - 92.

[34] *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 69 - 70.

[35] *Надеждин Н.И.* Геродотова Скифия, объясненая через сличение с местностями // ЗООИД. Вып. 1. Одесса, 1844. С. 84 - 86. Эту последовательность в свое время использовал и П.Д. Либеров Указ. соч. С. 6.

[36] *Гуляев В.И.* Дискуссионные проблемы скифологии. С.150 - 151.

[37] *Гуляев В.И.* Указ. соч. С. 152.

[38] *Гуляев В.И.* Донская археология, общескифские проблемы и научное наследие М.И. Ростовцева // Парфянский выстрел. М., 2003. С.564 - 576.

[39] *Бабенко Л.И.* О характере погребений с вещами скифского типа в Донецко-Донской лесостепи // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С.42 - 43. Если из факта находок золотых и серебряных изделий в воронежских курганах В.И. Гуляев сделал заключение о вхождении среднедонского региона в состав скифского государственного объединения, то Л.И. Бабенко предложил уж совсем неприемлемое объяснение их богатства. В найденных там золотых предметах он усмотрел вещественные доказательства... мародерства среднедонских дружин, якобы принимавших участие в неудачном походе Атея против македонян. По его версии, после разгрома скифов в 339 г. до н. э. среднедонские и донецкие дружинники превратились в мародеров и принялись грабить своих бывших неудачливых союзников - скифов.

[40] *Гуляев В.И.* Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН 1993 - 2000 гг. М., 2001. Рис. 2.

[41] *Граков Б.Н.* Скифы. С. 163.

[42] *Абаев В.И.* Геродотовские *SKYTHAI GEORGOI* // ВЯ. 1981. № 1. С.75 - 76.

[43] Критикуя меня за то, что я будинов-кочевников превратил в земледельцев, а земледельцев-гелонов в кочевников, В.И. Гуляев не обратил внимания на явное противоречие в его идентификации геродотовых будинов и племен городецкой культуры в Западном Поволжье. Но если эту идентификацию последовательно распространить на весь ареал городецкой культуры, то его будинов все-таки придется «вернуть» на Верхний Дон, где, как указывалось, открыто множество памятников этой культуры. Однако, судя по выраженным следам оседлости в виде поселений и даже городищ, их обитателей вряд ли можно считать номадами. Если еще вспомнить, что, по Геродоту, в верховьях Танаиса обитали не будины, а тиссагеты, то очень старая версия локализации будинов на землях городецких племен утратит всякий смысл.

[44] *Гуляев В.И.* Дискуссионные проблемы…С.147 - 148.

[45] *Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С.93; *Рыбаков Б.А.* Указ соч. С.154, 163; *Шрамко Б.А.* Бельское городище. С. 158 - 159; *Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Указ. соч. С.210 - 211; *Гавриш П.Я.* Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за материалами Припсілля). Полтава, 2000. С. 229.

[46] *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 30 - 34.

[47] *PW RE*. Bd 7. Stuttgart, 1912. Col. 1007 - 1017; *Legrand Ph.* Hédrodote. Index analitique. P., 1954. P. 22. Ср.: *Русяева А.С.* Проникновение эллинов на территорию украинской лесостепи в архаическое время // ВДИ. 1999. № 4. С. 90. Я не разделяю ее точку зрения о придумывании эллинами многих этнонимов и топонимов Скифии, в том числе таких сильно удаленных от освоенного греками причерноморского побережья, как Гелон. Среди них были и местные, по крайней мере иранские, названия, весьма точно переведенные на греческий язык, например, *saudaratai = Μελάγχλαινοι*; *āmadaka = Ἀμάδοκοι = Ἀνδροφάγοι*, были и псевдоэтнонимы, появившиеся в результате греческой адаптации местного названия вроде уже упомянутых *skythai georgoi*.

[48] *Гуляев В.И.* Указ. соч. С.149 - 150.

[49] *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 52 - 54.

[50] *Копылов В.П.* Население Северо-Восточного Приазовья в конце VIII - IV вв. до н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 10 - 11.

[51] *Смирнов К..Ф.* Сарматы... С. 37 - 41; *Максименко В.Е.* Указ. соч. С.127 - 128. Ср.: *Туаллагов А.А*. Сирматы // Нижневолжский археологический вестник. 1999. Вып. 2. С. 26 - 31.

[52] *Gardiner-Garden J.* Eudox, Skylax and the *syrmatai* // Eranos. 1988. № 86. P. 31-42.

[53] *Очир-Горяева М.А.* Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // РА. 1992. № 2. С. 32 - 39; *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Савроматы и скифы // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997. С. 79-86; *Железчиков Б.А.* Вопрос о культурной принадлежности памятников Аксая савроматского времени // Вопросы краеведения. Вып.4 - 5. Волгоград, 1998. С.36 - 39.

[54] *Ольховский В.С.* Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на Юге Восточной Европы. М., 1997. С. 85 - 96.

ОЛЬВИЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ И СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ ГЕРОДОТА*

Мир ольвиополитов не ограничивался стенами их родного города, как не ограничивался он и рубежами его хоры. Он простирался далеко за пределы Ольвийского полиса вглубь Скифии вплоть до отдаленнейших нескифских земель. Об этом мире повседневной практической, торговой и познавательной деятельности ольвиополитов мы знаем немного, прежде всего, по тем сведениям, которые собрали, записали и благодаря Геродоту сохранили до нашего времени ольвийские купцы и путешественники. Некоторое представление о масштабах их деятельности дает распространение античного, в первую очередь, ольвийского импорта, который маркировал направления древних торговых путей. Именно по ним шла широкая диффузия достижений античной цивилизации в варварский мир на юге Восточной Европы[1].

Сейчас появляется все больше свидетельств, что именно этот эллинский мир не только придал определенную окраску культуре Скифии и особенно субкультуре ее военно-аристократической верхушки, но во многом сформировал литературные «образы» скифов и их соседей. Здесь не место рассматривать вопрос о степени их соответствия скифским историко-этнографическим реалиям. Но, очевидно, что не будь последних, этногеография Скифии, реконструируемая только средствами археологии, выглядела бы совсем иной, во всяком случае, намного беднее, чем ее видели современники-греки. И в этом заслуга не только автора «Скифского логоса», но, в первую очередь, тех весьма многочисленных его информаторов, из которых до нас дошло только имя Тимна - эпитропа скифского царя Ариапифа (Herod.: IV. 76).

По единодушному мнению исследователей, основная информация Геродота о Скифии шла из Ольвии[2]. По-видимому, для Галикарнассца Гавань борисфенитов играла ту же роль, что и Вавилон при его путешествии по Передней Азии или Мемфис в Египте[3]. Геродот принимает Ольвию за исходную точку, по отношению к которой он определяет местоположение различных скифских племен (IV. 17). Не останавливаясь здесь на сложном и во многом еще не решенном вопросе о мере автопсии «Отца истории» в Северном Причерноморье[4], обратим внимание на одну интересную закономерность в описании племен, обитавших по сторонам «Скифского квадрата» и за его пределами.

Как известно, этногеографический экскурс «Скифского логоса» составляют как бы четыре отдельных перечня этносов (IV. 17-26). Каждый из них представляет своего рода полосу земель, попавшую в поле зрения историка, начинающуюся от моря и уходящую «вверх», то есть вглубь материка: 1. По Гипанису (Южному Бугу); 2. К востоку от Борисфена (в Левобережье Днепра); 3. За р. Пантикап (Днепро-Донское междуречье); 4. За Танаисом (Левобережье Дона и далее на восток к Приуралью). Они достаточно самостоятельны, но в целом неплохо согласуются между собой. В тоже время отмечу, что эти описания весьма существенно различаются не только числом упоминаемых в каждом перечне этносов (от 2 до 7), но также объемом и степенью оригинальности их этногеографических характеристик. Поэтому далеко не бесполезно установить, какие сведения Геродота заслуживают a priori большего, какие меньшего доверия, исходя, прежде всего, из самой природы источников, которые он использовал[5]. Начнем с анализа последней и самой пространной «полосы народов» за Танаисом[6].

---

* Представляет развернутый доклад, прочитанный на конференции «Ольвия и ее мир» в Киеве в ноябре 1996 г. и опубликованный в журнале «Археологія».1997. № 4. С. 24 - 29.

«Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстоянии пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишенную и диких, и культурных деревьев. Выше их живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом. Выше будинов к северу идет сначала пустыня на расстоянии более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой. Рядом с ними, в тех же самых местах, обитает племя, имя которому иирки. Они также живут охотой... Выше иирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну.

До страны этих скифов вся земля, уже описанная мной, представляет плодородную равнину, а дальше земля каменистая и неровная. Если пройти большое расстояние этой неровной страны, то у подножья высоких гор обитают люди, о которых говорят, что они все - и мужчины, а также женщины - плешивые от рождения, курносые и с большими подбородками... название этого народа - аргиппеи» (IV. 21-23).

Сейчас вряд ли у кого возникает сомнение в том, что в основе Геродотовой диатезы племен «за Танаисом» лежала древняя периэгеса - описание торгового пути из Гавани борисфенитов к приуральским аргиппеям и исседонам[7]. Впрочем, на это указывает и сам Геродот, завершая его описание: *«Вот до этих плешивых* (т. е. аргиппеев — *А. М.) о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также и у эллинов, как из гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней. А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках»* (IV. 24). Именно наличие надежного источника вроде периэгесы и связанных с ней устных рассказов торговцев, ходивших этим путем, позволило пытливому взгляду Геродота проникнуть глубоко внутрь практически неизвестного его современникам материка.

Некоторые исследователи не без оснований допускают возможность столь далеких путешествий не только скифских купцов, но и самих ольвийских греков и даже находят в их рассказах признаки автопсии в геродотовом описании аргиппеев, как известно, отличающемся этногеографической конкретностью (IV. 23). Здесь уместно напомнить, что филологический анализ указанной выше фразы о путешествиях к аргиппеям в одинаковой мере допускает два равноценных ее перевода, в том числе и такой: *«не только некоторые из скифов, но и некоторые из эллинов ходят до земли плешивых»* [8]. М.В. Скржинская обратила внимание на то, что только грек мог сравнить размер местного дерева *«понтик»* с обычным для него фиговым, а плод его, из которого аргиппеи приготавливали свой напиток *«асхи»*, с бобом, так как для скифов бобы и особенно фиги были чуждыми культурами[9]. Судя по поэме Аристея Проконесского «Аримаспейя», эллинская мысль не исключала возможности таких далеких путешествий уже в архаическую эпоху, тем более, что их главной целью могло быть уральское золото[10]. Археологические находки зеркал ольвийского типа, античных монет V - IV вв. до н. э. и свинцовых пломб с греческими надписями также дают определенные основания допускать, что эллинские купцы проходили весь путь до Урала[11].

В целом, изучение этногеографических описаний окраинных областей ойкумены в «Истории» Геродота демонстрирует одну любопытную закономерность. Он располагает более подробной и оригинальной информацией о тех народах, через земли которых проходили торговые пути. Это особенно заметно на материалах «Скифского логоса» (рис.22, *а*). Например, по течению р.Гипанис, служившей важнейшей торговой артери-

ей западной части Скифии, Геродот знает четыре народа: каллипидов, ализонов, скифов-пахарей и невров (IV. 17). Даже о них Геродоту удалось собрать оригинальные этнографические сведения (IV. 105). Следует обратить внимание на то, что и здесь в качестве своих осведомителей он называет не только скифов, но и эллинов, которые живут в Скифии.

По интересующему нас пути, связанному с р. Танаис, также упоминается не менее четырех этносов: савроматов, будинов, тиссагетов и обитающих рядом с ними иирков (IV. 21 - 22). Причем два последних народа определенно локализуются уже в лесной зоне. В отличие от Борисфена (IV. 53) Геродот знает Танаис вплоть до его верховий в земле тиссагетов (IV.123)**. Кроме того, после поворота этого пути на восток, в сторону Приуралья, путешественнику известен еще ряд народов: «скифы отделившиеся», аргиппеи, исседоны. Весьма показательно, что за исключением «скифов отделившихся», в этом списке нет ни одного греческого псевдоэтнонима. Для сравнения укажу, что к северу от Скифии в междуречье Борисфена и Танаиса взгляд Геродота не проникал дальше ближайших соседей скифов андрофагов и меланхленов, обитавших намного ближе к Ольвии, нежели отдаленные затанаисские племена (IV. 18, 20). К тому же, в отличие от последних, получивших у Геродота более или менее пространные и весьма конкретные этнографические характеристики в соответствии с его главной творческой установкой рассказывать об «удивительном»[12], упоминания об андрофагах и меланхленах практически не содержат никакой оригинальной информации помимо той, которая заложена в самих этих псевдоэтнонимах (IV. 106 - 107), скорее всего сложившихся в местной греко-скифской среде[13].

В этом смысле весьма показательна характеристика андрофагов. По существу она негативна. Геродот называет не столько их реальные этнические черты, сколько обращает внимание читателя на отсутствие у них признаков привычной для греков «цивилизованности». В полном соответствии с названием андрофагов отличают *«самые жестокие нравы из всех людей, они не почитают справедливости и не имеют никакого закона..., только они одни питаются человеческим мясом»* (IV. 106). По представлениям Геродота, выше андрофагов никакого человеческого племени нет на всем известном ему протяжении (IV. 18). О меланхленах говорится также весьма скупо, по существу только то, что *«они носят черные плащи, от которых они получили свое название, обычаи же у них скифские»* (IV. 107). Как и в случае с андрофагами *«выше меланхленов болота и земля, безлюдная на всем известном нам протяжении»* (IV. 20)***.

Складывается впечатление, что сведения об этих двух племенах получены «отцом истории» из иных источников, нежели рассказы о савроматах, будинах и других этносах, земли которых пересекал торговый путь из Ольвии в Приуралье. По-видимому, у ольвиополитов не было прямых контактов ни с андрофагами, ни с меланхленами. К ним

** На высокую степень достоверности сведений «Скифского логоса» о местоположении основных затанаисских племен указывают и независимые данные археологии, свидетельствующие о сосуществовании в Подонье в скифское время трех различных археологических культур (савроматской, среднедонской, городецкой), территориально весьма точно соответствующих перечню геродотовых савроматов, будинов и тиссагетов.

*** Вопреки Геродоту данные археологии указывают на весьма плотную заселенность земель выше меланхленов, где в VI-V вв. до н. э. обитали не только группы скифоидного населения (верховья Сейма), но и восточнобалтские племена (юхновская и верхнеокская культуры).

уже не доходили торговые караваны, о чем свидетельствует практически полное отсутствие греческого импорта в верховьях Днепра и Донца, где их обычно локализуют исследователи[14]. Скорее всего, так могли рассказывать о своих северных соседях сами скифы в эпическом предании о войне с царем Дарием[15]. Не меняет сути и возможность использования Геродотом «Землеописания» Гекатея Милетского, где впервые упоминаются меланхлены (F.Gr. Hist., fr.185). По-видимому, этот явно греческий псевдоэтноним восходит к местному скифскому названию *«саударатьі»*(ос. *saw-dar-a-ta* - «одетые в черное»), известному по ольвийскому декрету в честь Протогена[16].

То же самое следует сказать и о происхождении этнонима андрофагов, давно уже сопоставляемого с амадоками (и.а. *āmadaka* - «едящие сырое мясо») из фрагмента «Скифской истории» Гелланика Митиленского (по St. Byz. fr.170). Это отождествление становится еще более убедительным, если вспомнить «Амадокскую область» и «Амадокское озеро», упомянутые Птолемеем в тех же самых местах, что и геродотовы андрофаги (Ptolem.: III. 5, 5). Весьма показательно и то, что такие названия обычно применялись эллинами к чуждым и диким племенам, обитающим на окраинах ойкумены[17].

Как представляется, изложенные выше наблюдения в известной мере объясняют неравноценность этнографической информации «отца истории» о ближних и дальних соседях скифов. При таком подходе становятся более понятными обширные лакуны и явные несообразности в этногеографии Лесостепной Скифии, в частности, отсутствие каких-либо упоминаний о гигантском городе Гелоне в левобережье Борисфена, если верно его отождествление с Бельским городищем на Ворскле[18]. Видимо, Геродоту было известно, что этот деревянный город выстроен в земле *«большого и многочисленного народа будинов»* (IV. 108), восточную окраину которой только и пересекал торговый путь из Ольвии в Приуралье.

В заключение укажу, что отмеченная выше зависимость появления у греков новой этногеографической информации о населении юга Восточной Европы в связи с функционированием трансконтинентальных торговых путей прослеживается и в последующее время. К рубежу новой эры она уже вполне осознавалась античными авторами, в частности, Страбоном. Среди причин незнания его современниками верховий Танаиса он называет и такую: «*кочевники, не вступающие в общение с другими народностями, и более многочисленные и могущественные, преградили доступ во все удобопроходимые места страны и в судоходной части реки»* (IX. 2, 2). Но уже в I-II вв. ситуация на танаисском торговом пути радикальным образом изменилась. Он вновь начал активно функционировать. Поэтому весьма детальная, хотя и не во всем достоверная диатеза племен Европейской и Азиатской Сарматии Клавдия Птолемея, видимо, далеко не случайно совпадает по времени с новым импульсом античного, теперь уже римского импорта вверх по Дону[19]. Как представляется, навстречу ему шел не только поток туземных товаров, особо интересовавших греков и римлян, но и новые сведения об обитателях глубинных областей Евразии.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Андреев Ю.В.* Греки и варвары в Северном Причерноморье // ВДИ. 1996. № 1. С. 3.

[2] *Нейхард А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 4 - 230; *Скржинская М. В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 89 - 91.

[3] *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М. - Л., 1953. С. 317.

[4] Ср.: *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979. С. 63 - 89; *Нейхард А.А.* Указ. соч. С. 214, 215; *Armayor O.K.* Did Herodotus ever go to the Black Sea? // HSPh.1978. № 82. P.59 - 71; *Русяева А.С.* Понтийская легенда о Геракле: вымысел или реальность // Духовная культурах древних обществ на территории Украины. Киев, 1991. С.111.

[5] *Шишова И.А.* О достоверности географических сведений в Скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. М., 1981. С. 16.

[6] Я придерживаюсь традиционного отождествления Танаиса и Дона. Аргументацию см.: *Медведев А.П.* К вопросу об идентификации реки Танаис по данным Птолемея // Историческая география Черноземного Центра России. Воронеж, 1989. С. 149 - 156; *Он же.* Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени// Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993. Ч. II. С. 127 - 137.

[7] *Граков Б.Н.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжьям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи?// Археологія. 1947. Т. 1. С. 23 - 38; *Хеннинг Р.* Неведомые земли. М., 1961. Т. I. С. 96 - 100.

[8] *Доватур А.И. и др.* Указ. соч. С. 252.

[9] *Скржинская М.В.* Указ. соч. С. 99 - 100.

[10] *Bolton J.D.P.* Aristeas of Proconnesus. Oxford, 1962. P. 104 - 141; *Пьянков И.В.* Кочевники Казахстана VII в. до н. э. и античная литературная традиция // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 184 - 186.

[11] *Смирнов К Ф.* Савроматы. М., 1964. С. 260; *Островерхов А.С.* Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981. С. 90 - 91; *Членова Н.Л.* Предыстория «торгового пути Геродота» // СА. 1983. № 1. С. 47 - 66; *Кузнецова Т. М.* Торговые или священные пути греков? // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 82 - 97.

[12] *Борухович В.Г.* Научное и литературное значение труда Геродота// Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С.493.

[13] *Жебелев С.А.* Указ. соч. С. 342; *Стрижак О. С.* Етнонімія Геродотової Скіфії. Київ, 1988. С. 45.

[14] *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье VII - V вв. до н. э. // САИ. Вып. Д1—27. М., 1966. С. 48. Рис. 3 - 7.

[15] *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 57.

[16] *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3. С. 79; *Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания (древнеиранские языки). М., 1979. С. 305.

[17] *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 145; *Дудко Л.М.* Мифологическая этногеография Восточной Европы: Геродот, Псевдозахария // ЭО. 1999. №. 3. С.33 - 37.

[18] *Шрамко Б. А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С.156 - 163.

[19] *Медведев А.П.* Античный импорт на северной периферии Сарматского мира // Проблемы античной истории и классической филологии. Харьков, 1980. С. 39 - 40.

ГЕЛОН ГЕРОДОТА: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ АНТИЧНОГО НАРРАТИВА И ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ*

Уже почти три столетия для скифологов важнейшим источником является «История» Геродота. Не смотря на впечатляющие, а иногда просто сенсационные открытия археологов в скифских курганах и на городищах, нужно признать, что все же именно к Геродоту восходит ядро наших знаний о скифах и их соседях. И это далеко не случайно. Как ни один античный автор Геродот придал определенную окраску истории и культуре Скифии, «создав» яркие литературные образы скифов и других народов Юга Восточной Европы[1]. Именно благодаря этому источнику скифы и их соседи приобрели черты этнографической и исторической реальности. Во всяком случае, не будь «Скифского логоса», наши представления об этносах Северного Причерноморья, реконструируемые только средствами археологии, наверняка выглядели бы иначе и уж, несомненно, гораздо беднее, чем их видели современники-греки.

Разумеется, признание этой заслуги не означает, что всякое сообщение «отца истории» всегда объективно, зеркально отражало реалии скифской жизни. Любое из них может стать научным фактом лишь после того, как исследователи провели его тщательную историческую критику. К концу XX в. становится все более очевидной жанровая специфика «Истории» Геродота, породившая уже в древности оценки и споры, не утихающие и по сей день[2]. Она приобретает особую актуальность при использовании его труда в качестве исторического источника, когда требуется максимально учесть степень ее влияния на характер и качество содержащейся в «Скифском логосе» историко-этнографической информации[3]. Ни у кого из исследователей сейчас не вызывает сомнений то обстоятельство, что не только построение и содержание первого исторического труда, но и сам принцип отбора фактического материала у Геродота во многом были обусловлены иными мотивами (религиозными, этическими, эстетическими), нежели у современных историков или этнографов[4]. Без их учета в целом и в каждом конкретном случае в отдельности вряд ли когда-либо удастся достоверно реконструировать скифскую историю. Мне представляется, не приподняв этой геродотовой и шире эллинской «вуали» с образа Скифии, мы рискуем так и не увидеть ее истиного лица. И здесь свое весомое слова должны сказать археологи, которые открывают и изучают совершенно независимый от античной традиции источник – остатки реальной материальной культуры Скифии. Однако, как показывает опыт отечественной скифологии, сама процедура сопоставления геродотовых описаний и материальных остатков часто решается археологами весьма поверхностно, зачастую без всестороннего глубокого анализа и внутренней критики привлекаемых источников[5]. Яркий пример тому – проблема локализации геродотова Гелона и этнокультурной принадлежности его обитателей.

При описании «страны будинов» Геродот упоминает единственный в Скифии город. *«Будины – племя большое и многочисленное; все они светлоглазые и рыжие. В их области выстроен деревянный город; название этого города Гелон. Длина стены с каж-*

---

* Представляет переработанный текст доклада, прочитанного 22 ноября 2000 г. на конференции в г. Саратове «Античный мир и варварская периферия: проблема контактов». Впервые опубликована в сборнике «Античный мир и археология». Вып.11. Саратов, 2002. С.131 - 140.

дой стороны - 30 стадиев; она высокая и целиком из дерева; и дома у них деревянные и храмы. Там есть храмы эллинских богов, украшенные по эллински деревянными статуями, алтарями и наосами. И каждые три года они устраивают празднества в честь Диониса и впадают в вакхическое иступление. Ведь гелоны в древности - это эллины, которые покинули гавани и поселились у будинов. И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском» (IV. 108). Особое внимание «отца истории» к этому городу, видимо, было обусловлено не только его уникальностью, но и совершенно необычным для Скифии образом жизни гелонов, в первую очередь - жизни религиозной. Хорошо известно, что именно рассказ об "удивительном"*(θωυμαστά)* был главной целью его труда (I, 1). Поэтому, видимо, с Геродота следует начинать жанр античной *«тауматургии»* - описания удивительных явлений, который пышно расцветет в эпоху эллинизма.

Автор исходит из того, что пассаж Геродота о городе Гелоне и его обитателях является органической частью не только «Скифского логоса», но и всей его «Истории». Поэтому он так или иначе должен подчиняться общим принципам геродотова дискурса, характерным для всего его труда, и анализироваться в контексте мировоззрения и научных интересов «отца истории» – образованного и любознательного эллина эпохи наивысшего взлета греческой цивилизации. На мой взгляд, такой подход позволяет более объективно и адэкватно учесть реальный гносеологический потенциал ранних исторических и этногеографических описаний, к которым в полной мере следует отнести и труд Геродота.

Давно установлено, что степень достоверности его рассказов в первую очередь зависела от характера использованных им источников. Их выявление и оценка – один из наиболее сложных, но и плодотворных путей к познанию еще неизведанных смысловых глубин сочинения Галикарнассца[6]. Как сейчас надежно установлено, помимо очень немногочисленных сочинений своих предшественников-логографов он использовал три основных источника информации: ’όψις – личные наблюдения, собственные впечатления, то, что он видел собственными глазами; ’ακοη – слухи, то, что он слышал со слов других; ‘ιστορίη и γνώμη – собственные расследования (распросы местных жителей) и авторские умозаключения[7]. Рассказ Геродота о городе Гелоне скорее всего восходит к ’ακοη или ‘ιστορίη, но никак не к ’όψις. Во всяком,случае он не содержит ни прямых,ни косвенных признаков непосредственной автопсии.

Известно, что там, где Геродот не мог выступить в качестве очевидца, он искал тех, кто сам посетил эту страну[8]. Впрочем, в другом месте Геродот сам указал своих информаторов о стране будинов и гелонов, вступив с ними в полемику: *«Эллины, однако, и будинов называют гелонами, называют неправильно»* (IV.109). В свое время И.Харматта предположил, что здесь «отец истории» полемизирует с Гекатеем Милетским, а С.А. Жебелев – с Дионисием Милетским[9]. Однако, мне представляется, что здесь речь идет не о логографах, а скорее о современниках Геродота – возможно, о тех самых эллинских купцах, которые совершали далекие путешествия из «Гавани борисфенитов» и других понтийских гаваней в сторону Приуралья к аргиппеям и исседонам (IV. 24). Именно у них «отец истории» мог разузнать о достопримечательностях далекого заскифского Северо-Востока[10]. Известно, что во времена Геродота устная этнография была чрезвычайно развита. Да и чисто эллинская культовая терминология в описании

святынь Гелона также указывает на то, что о них путешественнику, скорее всего, рассказали не скифы, а греки, бывавшие в этом городе по торговым делам.

Из свидетельства Геродота о Гелоне явствует, что город был окружен высокой деревянной стеной, длина которой с каждой стороны составляла 30 стадий, то есть порядка 6 км. Исследователи давно уже обратили внимание на исключительно большие размеры этого города, периметр укреплений которого определялся в пределах 22-26 км. До сих пор это сообщение являлось ключевым в поисках учеными археологического эквивалента геродотову Гелону - городища с укреплениями таких размеров, которые бы более или менее совпадали с указанными «отцом истории»[11]. В конечном итоге именно оно сыграло определяющую роль в отождествлении геродотова Гелона с Бельским городищем на Ворскле[12]. Действительно, общая протяженность его внешних укреплений (25,995 км) оказалась весьма близка длине деревянных стен Гелона (рис.23, *а*)[13]. К настоящему времени, после широкомасштабных раскопок Б.А.Шрамко локализация Гелона на Бельском городище приобрела в нашей науке по существу форму аксиомы, хотя время от времени раздавались вполне обоснованные возражения против нее[14]. Однако, насколько известно, никто из исследователей до сих пор не задался целью проанализировать степень достоверности самого геродотова свидетельства прежде всего в контексте его описаний других древних городов, гораздо лучше известных Галикарнассцу нежели далекий заскифский Гелон.

Анализ всей совокупности прямых и косвенных геродотовых свидетельств о размерах античных и древневосточных городов, содержащихся в «Истории», убеждает в том, что ***в ней ни в одном случае не удается найти сколь-нибудь близкого соответствия между их количественными характеристиками и независимыми данными других источников, прежде всего археологических***[15]**.** В этом отношении весьма показательно подробное описание «отцом истории» самого знаменитого и могущественного города Азии – Вавилона, недавно детально проанализированое Р. Роллингером[16]. *«Построен Вавилон вот как. Лежит он на обширной равнине, образуя четырехугольник, каждая сторона которого 120 стадий длины. Окружность всех четырех стен города составляет 480 стадий… »* (I. 178).

Оставляя в стороне многие достоверные реалии «Вавилонского логоса», обратим внимание на сообщение Геродота о размерах его укреплений. По словам «отца истории», длина окружности четырех стен Великого города, составляла 480 стадий, то есть в аттических стадиях около 85 км, а в “царских” стадиях – не менее 95 км![17] Сравним эти данные с длиной укреплений позднего Вавилона в аутентичных клинописных текстах. Ассирийский царь Ассархадон, приступая к восстановлению Вавилона в 680 г. до н.э., описывал его как квадрат, окруженный стенами, со стороной в 30 ашлу (3600 локтей). Следовательно, периметр городских стен составлял тогда 14400 локтей, то есть 7,2 км. Те же размеры называет последний вавилонский царь Набонид[18]. По данным археологии, в частности по Р.Кольдевею длина стен Вавилона не превышала 8,15 км[19], а по рассчетам О.Е. Равна - максимум 12 - 15 км[20]. Сопоставление показывает, что Геродот не менее чем в 8 - 10 раз преувеличил реальные размеры Вавилона![**] Попутно

[**] Почти также сильно преувеличивали размеры Вавилона и другие античные авторы: у *Ктесия* длина его стен определена в 360 стадий, у *Клитарха* в 365 (Diod.: II. 7); по *Курцию Руфу* (V. 4) и *Страбону* (XVI, 5, 1) соответственно в 365 и 385 стадий. Даже великий *Аристотель* приво-

замечу, что не менее чем в два раза «отец истории» завысил и размеры знаменитой Вавилонской башни[21], вместо восьми ворот, открытых археологами, назвал сто и т.п. В последнем случае Геродот, видимо, следовал давней поэтической традиции описания великих городов, в частности, "стовратных Фив" у Гомера (Il.: IX. 381 - 384)[22]. В ходе археологических раскопок установлено, что Вавилон во времена Геродота в плане имел не квадратную, а вытянутую прямоугольную форму площадью не более 12 кв. км (рис.23,*б*).

На первый взгляд столь грубые ошибки в описании Вавилона кажутся удивительными и непонятными, ибо достоверно известно, что в отличие от далекого и труднодоступного для эллинов заскифского Гелона «отец истории» не только посетил «Врата Бога», но даже какое-то время там проживал. На это указывают многочисленные свидетельства его автопсии, которые не вызывают сомнений у большинства современных исследователей[23], в том числе, точное описание своеобразной кладки вавилонских стен из сырцовых кирпичей, скрепленных битумом. Но не следует забывать, что Геродот (как и любой из его информаторов) был сыном своего времени, носителем еще "донаучного" мировоззрения, которое во многом обуславливало иное отношение к историческим памятниками, историческим источникам и, особенно, к цифровому материалу, нежели у современных ученых[24]. Зачастую сама по себе точность последних его мало интересовала. В последнее время это еще раз доказали по материалам «Скифского логоса» М.В.Скржинская и Д.С. Раевский[25]. Разумеется сам путешественник в Вавилоне каких-либо архитектурных обмеров не производил, а брал на веру сообщения его информаторов,часто искаженные при переводе на греческий язык. Известно, например, что те же жители Вавилона снабжали Геродота далеко не всегда достоверными сведениями, на что еще раз недавно обратила внимание М.А.Дандамаева[26].

Все это наводит на мысль, что и данные Геродота о длине стен Гелона вряд ли могут быть использованы как надежный диагностический признак при его идентификации с тем или иным археологическим памятником[27]. Если же мы примем за доказанное активно используемое большинством исследователей отождествление Бельского городища с городом Гелоном, то тогда это будет, пожалуй, единственный случай точного совпадения сведений «отца истории» и данных археологии о древних городах, что представляется весьма маловероятным.

Здесь уместно напомнить, что отождествлению с Гелоном противятся и другие признаки Бельского городища: его географическое расположение в Левобережье Борисфена-Днепра, а не в Левобережье Танаиса-Дона, к северу или к северо-востоку от «земли савроматов», если строго следовать тексту Геродота[28]; его неправильно треугольная форма; принадлежность обитателей Западного Бельского городища к правобережной культурной традиции, которую современные исследователи могут связывать либо со скифами-пахарями либо с неврами, но никак не с гелонами[29]; наконец, ясно описанные Геродотом храмы, статуи, алтари и даже культ Диониса, свидетельством ко-

дит анекдотический рассказ о поразительных размерах Вавилона: *"уже три дня прошло, как Вавилон был взят [Киром], а часть жителей города ничего об этом не знала"*(Polit.: III. 1, 12 1276a). Во время археологической поездки в Месопотамию в мае 2002 г. я посетил Вавилон и имел возможность лично убедиться в истинных, не таких уж и гигантских размерах окруженной стенами части Вавилона (Примечание 2004 г.).

торого вряд ли могут быть примитивные глиняные антропоморфные фигурки, найденные на этом, как впрочем, и на многих других лесостепных городищах[30]. На мой взгляд, видеть в подобных находках следы культа, близкого дионисийскому – это требовать от источника гораздо больше информации, чем в нем на самом деле содержится.

В тоже время специальный экскурс об эллинских святынях и культах в граде Гелоне несомненно свидетельствует о том, что «отец истории» придавал им особое значение в рассказе о народе гелонов. Недавно Ф. Артог обратил внимание на то, что у Геродота храмы, статуи, алтари и особенно культ Диониса служат своего рода важнейшим этнографическим критерием греков (*grécité)*, отличающим их и египтян,от которых эллины заимствовали свой пантеон и культы, от варваров (Herod.: II. 4)[31]. Действительно, этой культовой триады нет у скифов. «*У них не принято воздвигать ни изображений (’αγαλματα), ни алтарей (βωμούς), ни храмов (νηούς) никому из богов, кроме Ареса»* (Herod.: IV. 59). Причем, последующее детальное описание Геродотом жертвоприношения в честь скифского бога войны наглядно убеждает читателя в его принципиальном отличии от греческих святилищ (IV. 62). Еще более разительно различались эти этносы по отношению к культу Диониса: если гелоны ему поклонялись, то скифы убили своего царя-отступника Скила, совершившего обряд посвящения этому божеству (IV. 78 - 80). В другом месте историк замечает, что и у персов не в обычае воздвигать храмы, статуи, алтари (I. 131). На этом фоне наличие эллинской культовой триады в Гелоне, не говоря уж о регулярных вакхических обрядах, может быть понято однозначно – с точки зрения Геродота, в этом сакральном центре проживали потомки эллинов[32]. Поэтому, может быть, не случайно для обозначения Гелона он использует типичный для греческой политической лексики термин *πόλις,* хотя само его описание дано скорее в урбанистическом, а не в политическом смысле[33].

Однозначно ответить на вопрос, что скрывается за перечисленными Геродотом эллинскими элеменами культуры Гелона, сейчас, думается, невозможно. Может быть речь идет о еще неизвестном архаическом греческом эмпории, возникшем внутри варварского поселения, как это позже случилось с Елизаветовским городищем на Нижнем Дону[34]. Однако не исключено, что геродотов рассказ о городе Гелоне и его обитателях в конечном итоге был плодом наивной греческой этимологии по принципу созвучия этнонимов *Ἕλληνες и Γελωνοί*, на что уже давно обращалось внимание[35]. Для Геродота, как впрочем и для других античных авторов (или их информаторов), извлечение информации из этнонима – дело обычное. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить его характеристики андрофагов (IV.106) и меланхленов (IV.107). По существу они не содержат ничего из того, чего не было бы уже a priori в этих псевдоэтнонимах[36]. Скорее всего и геродотова характеристика будинов как кочевого народа также была обусловлена созвучием этого этнонима с греческими словами βους - “бык” и δινεύειν - “кружиться”, “скитаться”, на что позже обратил внимание живой носитель эллинской речи лексикограф Стефан Византийский. В его “Этнике” отмечается, что будины – скифское племя, называемое так потому, что кочуют на телегах, влекомых быками (Steph. Byz., Ethnic. s. v. βουδινοι). Не так давно В.И.Абаев, возможно, выявил еще один яркий образчик адаптации Геродотом (или его информаторами) местного иранского этникона *gauwarga* в греческих γεοργοί[37]. Подобным путем и туземные гелоны вполне могли превратиться в потомков эллинов со всеми присущими им этнокультурными атрибутами. Безусловно, их отождествлению способствовала широкая попу-

лярность имени «Гелон» среди греков: Гелон – эпоним сицилийского города Гелы; Гелон – сын Дейномена, тиран Гелы; Гелон – спартанец, победитель на 44-х Олимпийских играх; Гелон – леонтинец, посланец в Афины в 433/432 гг.до н.э и др.[38].

При таком подходе к источнику становятся во многом понятными и другие культурно-бытовые характеристики гелонов, в том числе их занятия не только земледелием, но и садоводством и даже совсем уж необычный для Скифии урбанизм. Напомню, что с точки зрения эллинов, все это – непременные признаки нормального, «цивилизованного» образа жизни. Поэтому искать им прямые археологические соответствия в скифоидных лесостепных культурах – дело увлекательное, но,как кажется, малоперспективное. Если мы обратимся к весьма немногочисленной, особенно по отношению к вскрытой площади (более 50 тыс.кв.м.), группе бельских находок греческого происхождения, то убедимся, что все они, включая и случайно найденные перстни, не выходят за рамки обычного античного импорта[39]. Во всяком случае, здесь до сих пор не найдено бесспорных свидетельств проживания на Бельском городище групп населения с признаками эллинской культурной традиции. Среди немногочисленной серии бельских граффити нет ни одной читаемой греческой надписи. Поэтому и эта категория находок вряд ли пока может свидетельствовать, что жители Бельского городища не только говорили по-эллински, но и умели читать и писать[40].

В целом, сопоставление образа геродотова Гелона с культурным обликом хорошо изученного к настоящему времени Бельского городища свидетельствует о том, что между ними гораздо больше различий, чем сходства. В тоже время, вряд ли кто из современных исследователей сможет указать какое-либо иное городище к северу от Степной Скифии, где были бы открыты свидетельства, соответствующие геродотову Гелону. Я ни в коей мере не хочу утверждать, что последний целиком является плодом литературной фантазии Геродота или его информаторов. Но, видимо, рассказ о нем дошел до «отца истории» в столь искаженном виде, что опознать в нем какие-либо реалии сейчас не представляется возможными, правда, если речь не идет о еще неизвестном науке архаическом греческом эмпории в глубине Скифии[41]. Так что, может быть, Гелон еще ждет своего открытия.

К информации, полученной путем ‘ιστορίη и γνώμη скорее всего относится и геродотово заключение о языке гелонов. *«И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском»* (IV.108). Складывается впечатление,что здесь «отец истории» просто попытался рационально согласовать две различные версии происхождения гелонов:

1. Рассмотренный выше рассказ о гелонах как потомках эллинов (IV. 108);

2. «Понтийскую» легенду о происхождении скифов и их соседей (IV. 8 - 10). Из последней явствует, что гелоны являлись потомками мифического прародителя Гелона – одного из старших братьев Скифа (эпонима скифов). Не вдаваясь сейчас в сложный вопрос о принадлежности этой легенды скифам[42] греками[43] или гелонами[44], обращаю внимание на главное – эта легенда, вопреки сообщению Геродота в IV. 108 прямо утверждала кровное родство гелонов со скифами. Может быть, здесь и следует искать истоки геродотова заключения о двуязычии гелонов. Весьма примечательно, что вторая версия получила дальнейшее развитие в античной традиции, начиная с Аристотеля, который сообщает следующее: *«У скифов, называемых гелонами, водится редкое животное, которое называется тарандром»* (De mir.ausc.: 30). Во всяком случае, на знаменитом серебряном сосуде из Частых курганов, где, скорее всего, запечатлена понтийская ле-

генда о происхождении скифов, не только прародитель последних, но и его старшие братья – герои-эпонимы гелонов и агафирсов одеты как типичные варвары-скифы (рис17)[45]. Подведем основные итоги нашего анализа.

1.Сопоставление геродотова «образа Гелона» и современных археологических данных о Бельском городище скорее заставляет усомниться в их тождестве, чем признать последнее;

2. Описание «отцом истории» культовых сооружений и религиозных обрядов гелонов свидетельствует о том, что с его точки зрения последние были потомками настоящих эллинов;

3. Сообщение Геродота о двуязычии гелонов может быть является еще одним свидетельством его «редакторской» работы с различными по происхождению источниками.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. С.5. К сожалению, в этой прекрасной книге по неясной причине опущен геродотов пассаж о городе Гелоне.

[2] *Немировский А.И.* У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С.36.

[3] *Лелеков Л.А., Раевский Д.С.* Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность // НАА.1979. № 6. С. 68 - 69.

[4] *Barth H.* Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot // Klio. 1968. № 3 (50). S. 95–110.

[5] *Медведев А.П.* Античная традиция и археологические реалии на Среднем и Верхнем Дону (проблемы этнокультурной интерпретации) // ВДИ. 2002. № 3. С.155 - 156.

[6] *Скржинская М.В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.С.83. Из последних работ по этой проблеме укажу два обобщающих исследования: *Pritchett W. K.* The liar school of Herodotos. Amsterdam, 1993; *Bichler R., Rollinger R.* Herodot. Hildesheim – Zürich – New-York, 2000.

[7] *Jakoby F.* Herodotos // PW RE. Supp.II. Col. 431 - 434; *Лурье С.Я.* Геродот. Л., 1947. С.118 - 120; *Жебелев С.А.* Скифский рассказ Геродота // Северное Причерноморье. М.- Л., 1953. С.311-314, 327; *Борухович В.Г.* Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот, История в девяти книгах. Л., 1972. С.483; *Доватур А.И. и др.* Указ. соч. С.9.

[8] *Доватур А.И. и др.* Указ. соч. С.222.

[9] *Harmatta J.* Quellenstudien zu der Skythika des Herodot. Budapest, 1941. S.39; *Жебелев С.А.* Указ. соч. С.345.

[10] *Медведев А.П.* Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографической информации Геродота. Археологія. 1997. № 4 . С.24 - 29.

[11] *Ščerbakivskiy V.* La situation géographique de la ville de Gèlone d'Hérodote// Biblioteka Prehistoryczna. T.1. Poznan. 1930. P.265 - 286; *Артамонов М.И.* Этногеография Скифии // Учен. зап. ЛГУ. 1949. № 85. Сер. истор. наук. Вып.13. С.162; *Фабриціус І.В.* До питання про топографізацію племен Скіфії // Археологія. 1951. Віп. 5. С.50 - 80.

[12] *Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971. С. 163; *Шрамко Б.А.* Крепость скифской эпохи у с.Бельск - город Гелон // Скифский мир. Киев, 1975. С. 94 - 132; *Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С.10; *Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. М., 1979. С. 153-154; *Мурзин В., Ролле Р., Супруненко О.* Більске городище. Київ - Полтава, 1999. С.70 - 77.

[13] *Шрамко Б.А.* Бельское городище. С. 32.

[14] *Либеров П.Д.* Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА.1969. № 151. С. 22-26; *Ильинская В.А.* Могло ли Бельское городище быть геродотовым

Гелоном // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С.73 - 95; *Нейхард А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С.126 - 131.

[15] *Медведев А.П.* О степени достоверности геродотовых описаний древних городов // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1994. С.4 - 5.

[16] *Rollinger R.* Herodots Babylonischer Logos. Innsbruck, 1993.

[17] *Ravn O.E.* Herodots beskrivelse af Babylon. København, 1939. S. 97.

[18] *Белявский В.А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971. С.156 – 157.

[19] *Koldewey R.* Das wiedererstehende Babylon. Leipzig, 1925; Wetzel F. Die Stadtmauern von Babylon // WVDOG. 48. Leipzig, 1930.

[20] *Ravn O.E.* Op. cit. P.97.

[21] *Ллойд С.* Археология Месопотамии. М., 1984. С.84 - 87; *Кленгель-Брандт Э.* Вавилонская башня. М., 1991. С.234 - 239.

[22] *Burkert W.* Das hunderttorige Theben und die Datierung des Ilias// Wiener Studien. 1976. № 89. S. 1 - 21.

[23] *Schepens G. L.* L''autopsie' dans la métode des historiens grecs du V-e siècle avant J.- C. Brusseles, 1980. P.56 - 62; *Лурье С.Я.* Геродот. М. - Л., 1947. С.15. Иное мнение недавно высказал Р. Роллингер, который считает, что сам Геродот Вавилона не видел, а передал лишь ходячие представления эллинов о необычно больших размерах и правильной геометрической планировке великих городов Востока. См: *Rollinger R.* Op. cit. S.183 f.

[24] *Barth H.* Op. cit. S. 95 –110; *Strassburger H.* Herodots Zeitrechnung // *Herodot.* Eine Auswahl aus der neueren Forschungen. Darmstadt, 1982. S.688 – 736; *Fehling D.* Die Qullenangaben bei Herodot. Studien zur Erzählkunst Herodots. Berlin – New-York, 1971. S. 154 – 167; *Hartog F.* Le miroir d'Hérodote. Paris, 1980; *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. С. 83 - 86.

[25] *Скржинская М.В.* О степени достоверности числовых данных в скифском рассказе Геродота // ВДИ. 1989. № 4.С.79 - 91; *Раевский Д.С.* К толкованию числовых данных в древних исторических свидетельствах // ЖС. 1997. № 3. С. 18 - 20.

[26] *Дандамаева М.А.* Имперская идеология и частная жизнь в Ахеменидской державе // ВДИ. 1998. № 4. С.51.

[27] Некоторые современные исследователи весьма настороженно относятся к частому употреблению «отцом истории» круглых чисел, в частности числа 30, и включают его в категорию Märchenzahl. См: *Fehling D.* Op. cit. S.158.

[28] *Медведев А.П.* Указ. соч. С. 24 - 29.

[29] *Ильинская В.А.* Указ. соч. С. 77.

[30] *Шрамко Б.А.* Культовые скульптуры Гелона // Археологические памятник Юго-Востока Европы. Курск, 1985.С. 10 - 13; *Шрамко Б.А.* Комплекс глиняных скульптур Бельского городища // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С. 67 - 87.

[31] *Hartog F.* Op. cit. P.97, 189. Именно на эти отличия эллинов обратили внимание афиняне в ответе посланнику Ксеркса, македонскому царю Александру – помимо кровного и языкового родства эллинам свойственны общие *святилища богов и жертвоприношения на празднествах* (Herod.: VII. 144). Ср.: *Burkert* W. Herodot als Historiker fremder Religionen // Hérodote et les peuples non grecs. Genève, 1990. S. 20 - 21.

[32] *Reichardt C.* Landeskunde von Skythien nach Herodot. Diss. Halle, 1889; *Блаватская Т.В.* Известия Геродота о будинском граде Гелоне и его обитателях // СА. 1986. № 4. С.24; *Русяева А.С.* Понтийская легенда о Геракле: вымысел и реальность // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев, 1991. С.112.

[33] *Powell J.E.* A Lexikon to Herodotus. Hildesheim, 1966. P.312; *Hansen M.N.* ΠΟΜΑΧΩΣ ΠΟΛΙΣ ΛΕΓΕΤΑΙ (Arist. Pol.1276a23) // Introduction to an Inventory of Poleis. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Copenhagen, 1996. Vol.3. P.7 - 72.

[34] *Марченко К.К.* Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ.1990. № 1.

[35] *Шафарик П. И.* Славянские древности. М., 1848. Т. I, 1. С. 318; *Мароньский С.* Гелоны Геродота – не прусско-литовский народ // *Семенкович В.Н.* Гелоны и мордва. М., 1913. С.158; *Minns E.N.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P.105.

[36] *Жебелев С.А.* Указ. соч. С 342; *Стрижак О.С.* Етнонімія Геродотової Скіфії. Київ,1989. С.45.

[37] *Абаев В.И.* Геродотовские *SKYTHAI GEORGOI* // ВЯ. 1981. № 2.С.75 - 76. Подробнее об этом способе получения этнографической информации у Геродота см.: *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. М., 1999. С.140 - 141.

[38] *PW RE.* Bd.7. Stuttgardt, 1912. Coll.1006 - 1017; *Legrand Ph.E.* Herodote. Index analithique. Paris, 1954. P. 22.

[39] *Шрамко Б.А.* Указ. соч. С.122 - 126,161 - 162. Рис.60; 74.

[40] *Шрамко Б.А.* Указ. соч. С.126. Рис.61.

[41] Скорее всего, Геродот не записывал рассказов своих информаторов подобно современым этнографам, а усваивал их, слушая различные рассказы греков, искал сведущих людей, когда ему было что-то неясно и создавал, как всякий рассказчик, свой собственный вариант новеллы. См.: *Скржинская М.В.* Древнегреческий фольклор… С. 72.

[42] *Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921. S. 93 - 94; *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С.32 - 36.

[43] *Скржинская М.В.* Указ. соч. С.20; *Русяева А.С.* Понтийская легенда о Геракле: вымысел и реальность// Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев, 1991. С.98 - 110.

[44] *Блаватская Т. В.* Указ. соч. С.23.

[45] *Раевский Д.С.* Указ. соч. С.30 - 33.

ОБ АТРИБУЦИИ "ЖРЕЧЕСКИХ" ПОГРЕБЕНИЙ У ИРАНОЯЗЫЧНЫХ НОМАДОВ II - I ТЫС. ДО Н. Э.*

Начиная с 30-х гг. XX в. палеосоциальная проблематика заняла видное место в отечественных историко-археологических исследованиях по эпохе бронзы и раннему железному веку степной и лесостепной Евразии. Уже тогда в основных чертах сформировалась теория родового строя древних скотоводов Восточной Европы, нашедшая наиболее полное выражение в работе А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого[1]. Этим исследователям удалось в целом удачно наложить известную схему родового строя Моргана - Энгельса на весьма немногочисленные в то время данные о степных, преимущественно курганных древностях. Их труд оставался настольной книгой нескольких поколений археологов, занимающихся проблематикой эпохи бронзы.

Однако с 70-х гг. в отечественной археологии наступает время смены основной исследовательской парадигмы в изучении социального строя скотоводов эпохи бронзы. Этому были как минимум две причины. Во-первых, старая родовая теория все чаще вступала в противоречие с новыми археологическими материалами, прежде всего, с результатами раскопок больших степных курганов. Их изучение все нагляднее свидетельствовало об ином, более высоком уровне социального развития оставивших их обществ, чем это позволяла старая научная доктрина. С другой стороны, в 60 - 70-е гг. отечественные археологи познакомились с теорией выдающегося французского ученого Ж. Дюмезиля[2]. Тогда представлялось, что он весьма убедительно доказал изначальное деление индоевропейских и, в особенности, индоиранских обществ на три обособленных социальных слоя: жрецов, воинов-колесничих и свободных производителей - скотоводов и земледельцев[3] Переход к новой исследовательской парадигме окончательно обозначился к середине 70-х гг. после раскопок В. Ф. Генингом могильника Синташта[4] и публикации Е. Е. Кузьминой первых работ по социальной и этнической проблематике древнейших скотоводов Юга Восточной Европы[5].

Обращение археологов к богатому теоретическому наследию Ж. Дюмезиля, безусловно, стимулировало исследования по этно-социальной тематике эпохи бронзы, нацеливало их на более конкретную социальную интерпретацию погребений. В могильниках абашевской, раннесрубной и синташтинской культур выделяется серия захоронений с довольно ярким инвентарем воинов-колесничих. Не вызывает сомнений их соответствие второму сословию в теории Ж. Дюмезиля. Не возникало трудностей и с соотнесением основной массы курганных погребений с третьим сословием - рядовыми скотоводами и земледельцами. Однако совсем иначе дело обстояло с выделением и предлагаемой атрибуцией представителей первого сословия - жрецов. По моим наблюдениям, в настоящее время уже накопилось более десятка вариантов предлагаемых археологами атрибутов представителей этого сословия.

1. Ритуальная деревянная посуда для приготовления и употребления священного напитка ариев — сомы (хаомы)[6].

2. Каменный или деревянный столб в погребении или рядом с ним[7].

3. Наличие особой ритуальной площадки, ограды, ровика, вымостки, валообразного сооружения, интерпретируемого как святилище[8].

4. Особый обряд погребения: кенотаф, сидячая поза, кремация покойника[9].

5. Курганные насыпи необычной овальной или удлиненной формы, иногда с перемычкой ("гантелеобразные")[10].

---

* Впервые издана в сборнике: Исторические записки. Вып.2. Воронеж, 1997. С.165 - 171. Публикуется в переработанном виде с существенными дополнениями 2004 г.

6. Богато орнаментированная керамика, украшенная крестами, свастиками и т.п.[11]

7. Костяные лопаточки с втулкой в абашевских и синташтинско-потаповских погребениях, связываемые с культом Агни, Индры, Сомы[12].

Ряд "жреческих" признаков предложен для погребений катакомбных культур, которые отдельными исследователями также признаются индоарийскими[13].

8. Погребения с глиняными масками[14].

9. "Флейты Пана"[15].

10. Курильницы и жаровни[16].

11. Молоточковидные булавки[17].

12. Связка "шило-нож"[18].

13. Бусы-четки[19].

Используя признаки 1 - 6, В.В. Отрощенко даже попытался подсчитать количество жреческих погребений и определить их процент (у срубников в целом 3,3 %, у срубников Украины несколько выше - 4 %)[20]. Еще дальше пошел А.Т. Синюк. На основании применения многих из перечисленных критериев он пришел к заключению, что едва ли не большинство подкурганных погребений эпохи бронзы принадлежало сословию служителей культа. Более того, в последнее время он выдвигает тезис о наличии в общественном устройстве «ярких признаков теократизма» еще на исторической прародине ариев в южнорусских степях[21].

Как мы видим, количество предлагаемых жреческих атрибутов очень велико. Уже само по себе это обстоятельство настораживает и заставляет вспомнить старый принцип лингвистов - *надежность этимологии обратно пропорциональна их количеству.* Многие из предложенных в последние годы атрибутов явно не достаточно обоснованы свидетельствами индоиранской традиции[22]. Другие не обнаруживают в ней сколь-нибудь надежных корней. Не имея здесь возможности проанализировать все «жреческие» признаки, остановимся на двух, наиболее популярных в последнее время.

Деревянные сосуды как атрибуты «жреческой» принадлежности отдельных срубных погребений. В «Ригведе» действительно упоминаются чаши и ковши из дерева для употребления сомы[23]. Поэтому В.В. Отрощенко вслед за И.Ф. Ковалевой вполне правомерно попытался интерпретировать находки деревянных сосудов в срубных погребениях в качестве их жреческих атрибутов[24]. Может быть, действительно какая-то часть деревянных сосудов из степных погребений употреблялась жрецами в ритуалах, связанных с сомой[**]. Но отделить их надежно от деревянной посуды, используемой для профанических целей, пока не представляется возможным. Хорошо известно, как широко деревянная посуда употреблялась в быту номадов самых различных эпох и регионов Евразии (Herod. IV. 2). Так, в пазырыкской культуре деревянные блюда и кружки ставили в могилы умерших всех социальных рангов[25]. Мало подкрепляют «жреческую» атрибуцию погребений ссылки на встречаемость деревянных сосудов с металлическими накладками в скифских погребениях. Их нет в раннескифских захоронениях VII - VI вв. до н. э. Они характерны для погребений V в. до н. э., а в следующем IV в. до н. э. уже выходят из употребления[26]. К тому же у скифов эти сосуды встречались, как правило, в погребениях вместе с набором вооружения, характерным для воинов.

[**] На мой взгляд, некорректным является привлечение В.В. Отрощенко в подтверждение указанной атрибуции известного гимна Соме (RW.: IX, 1). Не говоря уже о проблематичности отнесения этого гимна к эпохе бронзы (в нем упоминается *"ложе, кованное железом"*), замечу, что здесь на *"свое место из дерева"* садится вовсе не Сома, а сам *"убийца демонов"* (*Vrtrahán*) Индра. Принадлежность этого грозного эпитета именно Индре, а не Соме не вызывает никаких сомнений.

Другой атрибут жреческих погребений средней бронзы - *«флейты Пана»*. Термин предложен Н. Макаренко, использовался И.В. Синицыным, а в последнее время подхвачен Ю.А. Шиловым и другими исследователями[27]. Сейчас находкам костяных трубочек в погребениях ранней и средней бронзы придается глубокий сакральный смысл. Однако подобная интерпретация «флейт» явно противоречит хорошо изученной индоевропейской музыкальной традиции. Мне не удалось найти свидетельств их использования для сопровождения религиозных гимнов. Дело заключается в том, что у различных индоевропейских народов флейта, дудка и подобные им духовые инструменты являлись элементами «низовой» народной культуры. Для сакральных целей они не подходили по одной причине - при игре на флейте жрецу нельзя сопровождать гимны, так как его уста заняты. Это хорошо осознавали древние. Поэтому не случайно у греков «мусические» искусства четко делились на возвышенную *мелику*, сопровождаемую игрой на кифаре (лире), и более низкую *авлетику* (от греч. "*авлос*" - флейта)[28]. Именно флейты сопровождали праздничные дионисийские шествия, которые Гесихий квалифицировал как «похотливые и распутные песни»[29]. Для сопровождения гимнов арии, греки, фракийцы, кельты, галлы, славяне в древности использовали струнные инструменты, позволявшие жрецам «петь» гимны. Инструменты типа «флейты Пана» в «Ригведе» и «Авесте» не известны. В поздневедийской литературе упоминается лишь одноствольная дудка - *«вина»*[30]. Кажется логичнее рассматривать подобные находки в древнеямных и катакомбных захоронениях по их прямому назначению - в качестве пастушеских музыкальных инструментов. Именно в это время, как никогда позже, получает развитие традиция включать в состав погребального инвентаря инструменты, подчеркивающие профессиональную принадлежность их владельцев.

Между тем, как мне представляется, исследователи социальных структур степных скотоводов эпохи бронзы неоправданно опускают сведения о жрецах и прорицателях у скифов и других евразийских номадов I тыс. до н.э. Игнорирование этого весьма перспективного направления научного поиска еще более непонятно, так как речь идет о жречестве в обществах древних скотоводов, ираноязычие и иранская принадлежность которых не вызывает никаких сомнений.

Геродот сообщает следующее:

«Прорицателей у скифов много. Они прорицают с помощью большого числа ивовых прутиков следующим образом: принеся большие пучки прутиков, они, положив их на землю, разъединяют и, раскладывая прутья по одному, вещают и, произнеся прорицания, одновременно снова собирают прутья и опять по одному складывают [их]. У них это искусство прорицания, идущее от отцов, а энареи — женоподобные мужчины, говорят, что им искусство прорицания дала Афродита. Так вот они прорицают по коре липы. [Прорицатель], разрезав кусок коры на три части, переплетая и расплетая их вокруг своих пальцев, пророчествует» (Herod.: IV. 67).

Таким образом по рассказу «отца истории» у скифов существовало два рода жрецов-предсказателей:

1) прорицатели с помощью ивовых прутьев;

2) прорицатели-энареи, гадавшие с помощью липовой мочалы.

Здесь нас будут интересовать только первые - хранители искусства прорицания, *«идущего от отцов»* - в отличие от энареев, появившихся у скифов во время их переднеазиатских походов VII в. до н. э.[31]. Наличие подобного способа гадания с помощью прутьев у алан засвидетельствовал Аммиан Марцеллин:

«Их способ предугадывать будущее странен: связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклинаниями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается» (Amm. Marc.: XXXI. 2, 24). Есть и прямые этнографические свидетельства сохранения этого способа

гадания у потомков скифов и алан - современных осетин. У них оно называлось *«фӕрсӕн фат»*. Это способ гадания наблюдал и описал В.Ф. Миллер в 1880 г. По сообщению осетинского этнографа конца XIX в. С. В. Кокиева, *«У каждого из знахарей есть четыре небольшие палочки, с одного конца расщепленные, посредством их-то они открывают смысл происходящего»*. Спустя много лет осетинское гадание на палочках застал Е. Баранов [32].

Погребения прорицателей первого рода известны как у скифов, так и савроматов. Так, в скифском захоронении у с. Первомаевка (к.1, п.1.) вместе с погребенным мужчиной 40 - 45 лет найден *набор из девяти палочек для гадания*[33]. Они находились в специальном цилиндрическом футляре из толстой бересты и имели длину 25 - 30 см при толщине 0,5 см. На трех палочках сохранилась накрученная кожаная тесьма шириной 1 см. Любопытно, что по остальному инвентарю (пластинчатый панцирь, пара железных наконечников копий, колчаный набор из 82-х бронзовых наконечников стрел, нагайка) это погребение чисто воинское, дружинное. Помимо оружия в состав его сопровождающего инвентаря входило большое деревянное блюдо с остатками заупокойной пищи – частью туши коровы вместе с железным ножом.

Не менее яркое жреческое «савроматское» погребение было открыто К.Ф. Смирновым в курганной группе Мечет-Сай[34]. Здесь покойника положили на толстый слой травы и хвороста, затем его засыпали горящим деревом или развели мощный костер в самой могиле (рис.24, *а*). Труп погребенного сплошь обуглился. Вдоль его левой руки лежал *пучок очень ровных тополевых прутьев*, все длиной 60 см. Благодаря обугливанию они очень хорошо сохранили свою форму. На кисти левой руки и на пучке прутьев лежала сильно обгоревшая деревянная миска. Уже К.Ф. Смирнов задавал себе вопрос: не был ли здесь погребен гадатель на прутьях или жрец (жрица?) со священным пучком, подобным тем, которыми обладали мидийские маги и жрецы зороастрийского культа?

Наличие именно такого атрибута у иранских жрецов подтверждает и иконография, в частности изображение жреца на знаменитой золотой пластине из Аму-Дарьинского клада[35]. В правой руке он сжимал связку длинных прутьев - священный *"барсом"* или *"барсман"* (рис.24, *б*). При раскопках Персеполя Э. Шмидт обнаружил оттиск печати с изображением жреческого ритуала. На этой печати два мага стоят перед алтарем. Один из них, одетый в опоясанный кафтан с длинными рукавами, держит в правой руке прутики - авестийский *"барсман"*, а второй с башлыком из войлока, характерным для магов, протягивает палочки к священному огню[36]. Этот древний ритуал точно описал Страбон, наблюдавший его воочию в одном из персидских святилищ в Каппадокии (XV. 3, 15).

Я не случайно напомнил здесь данные о жрецах с *"барсомом"*, встречающиеся у самых различных ираноязычных народов с I тысячелетия до н. э.: у скифов, савроматов, согдийцев, мидийцев, алан и осетин - последних потомков «европейских иранцев». Широкое распространение этого сакрального атрибута как у восточно- , так и у западноиранских народов делает весьма вероятным его существование по крайней мере с эпохи общеиранской общности, т.е. со II тыс. до н.э. Разумеется, только прутьями, палочками или *"барсомом"* атрибуты древнеиранских жрецов не ограничивались. Их поиск активно ведется в последнее время[37]. Предложенный ретроспективный подход расширяет эвристические возможности археологических источников, в том числе и для эпохи бронзы и, возможно, позволит выделить реальные погребения жрецов у скотоводов II тысячелетия до н. э.

Post scriptum № 1 2004 г. Уже после выхода в свет первой публикации этой статьи мне стало известно п. 23 к.4 могильника Эвдык в Северном Прикаспии[38]. Погребение относится к новосвободненскому этапу эпохи ранней бронзы. Оно было совершено в

прямоугольной яме с нишей, отделенной 7 столбовыми ямками. Дно посыпано мелкими древесными углями и мелом. На дне лежали остатки двух скелетов – взрослого и ребенка. У тазовых костей взрослого человека стоял бронзовый котел с закопченными бочками, у которых зафиксированы *отпечатки тонких прутиков диаметром 0,5 см уложенных сверху вниз, параллельно друг другу*. Авторам публикации их назначение осталось неясно. Мне представляется, что это одна их самых древнейших находок атрибутики жреца-предсказателя, тем более, что и остальной материал не противоречит этому выводу. В частности, при скелете ребенка был положен каменный полированный пест, кусок железняка и кусок кремня.

Еще одно жреческое погребение скифской эпохи найдено далеко на востоке в тагарском могильнике Медведка II (к.1, мог.1). В нем обнаружен *пучек прутьев, обернутых берестой*[39]. Так что процесс пополнения фонда погребений с надежной жреческой атрибутикой от эпохи ранней бронзы до раннего железного века включительно продолжается. Но мне кажется, ждать подобных многочисленных открытий было бы наивно, несмотря на указание «отца истории», что предсказателей у скифов много (IV. 67). Еще четверть века назад Д.С. Раевский обратил внимание на трудности выделения среди скифских памятников погребений жрецов, ссылаясь на аналогичную проблему в кельтской археологии[40]. По характеру самой своей профессии мало кто из них умирал естественной смертью. Геродот красочно описал трагическую судьбу предсказателей-неудачников у скифов, которых сжигали в повозках с хворостом, запряженных быками (IV. 68 - 69). Из его рассказа видно, что нередко случались их массовые казни, причем вместе с лжегадателями умерщвлялось и все их потомство мужского пола. Правда, все сказанное выше относится лишь к одной группе священнослужителей, подобных скифским предсказателям. О судьбе других, например энареев, мы ничего не знаем.

Post scriptum № 2. В 1999 г. вышла в свет очень интересная статья А.Н. Усачука, посвященная вопросу о функциональном назначении костяных трубочек из погребений эпохи бронзы[41]. На основании тщательно проведенного комплексного исследования большой серии трубочек из костей животных и птиц, включая их трассологический анализ, автор пришел к весьма правдоподобному заключению, что значительная часть подобных находок представляла детали духовых инструментов типа флейт. Он привел ряд интересных свидетельств в пользу их использования в качестве пастушеского инвентаря[42]. Действительно, в архаических обществах искусство пастьбы скота неотделимо от искусства игры на флейте, рожке, жалейке и т.п. Именно такие духовые инструменты являлись непременными атрибутами пастухов, начиная с энеолита и вплоть до этнографической современности. Поэтому мысль А.Н. Усачука о принадлежности погребений с остатками духовых инструментов профессиональным пастухам эпохи бронзы мне представляется исключительно плодотворной. Как уже отмечалось выше, захоронения с духовыми музыкальными инструментами, в том числе, с «флейтами Пана», несмотря на их немногочисленность, очень хорошо вписываются в погребальные традиции эпохи ранней и средней бронзы с инвентарем, подчеркивающим профессиональную принадлежность их владельцев (мастера-литейщики, кузнецы, плотники, ювелиры и т.п.)[43]. Безусловно, игра на флейте или рожке могла иметь и магическое значение. Но более вероятно, что в данном случае ее совершал все-таки пастух, а не священослужитель-жрец.

Post scriptum № 3. В том же 1999 г. были опубликованы тезисы доклада В.В. Отрощенко под само за себя говорящим названием «В защиту сакральной функции»[44]. Они целиком направлены против основной идеи моей настоящей статьи, призывавшей исследователей более строго относится к выделению жреческих погребений в обществах скотоводов эпохи бронзы – раннего железного века. К сожалению, заявленный доклад на конференции не был произнесен, но его смыл и так предельно ясен, а тон - от-

кровенен. Так же отвечу и я. Моя небольшая статья направлена вовсе не против сакральности как таковой – в ее наличии у пастушеских и кочевых племен евразийских степей III - I тыс. до н. э. никто не сомневается, ***а против той легкости (а то и откровенного произвола), с которым археологи, особенно специалисты по эпохе бронзы выделяют десятки и сотни жреческих погребений***. По существу к настоящему времени все аномальные погребения срубной культурно-исторической общности, например, сожжения объявляются жреческими[45]. Но этнографы назовут нам массу иных причин, по которым то или иное погребение могло быть совершено с явным отклонением от обычных норм, в том числе, по причинам, совсем далеким от сакральности. Настораживает и все более возрастающее число «жреческих» атрибутов и признаков, которые используют археологи для выделения захоронений носителей сакральной функции. Бросается в глаза и удивительная невосприимчивость отдельных археологов к открытиям своих же коллег, исследования которых явно не подтверждают предложенную им ранее жреческую атрибутику. Приведу лишь еще один пример социальной интерпретации срубных погребений с деревянной посудой. Если В.В. Отрощенко при трактовке подобных сосудов как вместилищ священной сомы опирался лишь на ссылки из весьма далекой от украинских степей «Ригведы», то В.В. Цимиданов в 1996 г. поступил проще – проанализировал уцелевшее содержимое тех самых сосудов[46]. В результате он пришел к заключению, что в некоторых из них находились *остатки мясной пищи*. А таковую вряд ли кто из археологов решится интерпретировать исключительно как пищу сословия жрецов. Широкое использование в погребальной обрядности деревянных мисок, подносов, столиков для помещения на них напутственной мясной пищи – факт слишком хорошо известный, чтобы на нем еще раз акцентировать внимание[47].

Приведенные примеры показывают шаткость социологических построений современных археологов (деревянный сосуд = вместилище священной «сомы-хаомы», а вместо нее в некоторых сосудах - мясная напутственная пища), направленных на выявление жреческого статуса древних погребений. Мне кажется, сейчас нужно не выступать с лозунгом в защиту сакральности, а скрупулезно изучать ее проявления, в первую очередь по более достовереным атрибутам, которые иранская традиция донесла до исторических времен. И чаще включать «внутреннего цензора» - тогда в науке не будет фантазий на тему о существовании мощной и влиятельной варны жрецов еще в евразийских степях задолго до ее появления в Индии. В этом смысле заслуживает уважения научная позиция Е.Е. Кузьминой, недавно публично признавшей отсутствие надежных археологических данных для выделения в культурах степной бронзы захоронений представителей именно этого сословия.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Круглов А.П., Подгаецкий Г.В.* Родовое общество степей Восточной Европы// Изв. ГАИМК. Вып. 119.

[2] *Хазанов А.М.* Скифское общество в трудах Ж. Дюмезиля // ВДИ. 1974. № 3. С.183 -192. О влиянии идей Ж. Дюмезиля на исследования российских археологов 70 - 90-х гг. XX в. см.: *А.П. Медведев.* В поисках древнейших социальных структур индоевропейцев (к 100-летию Ж. Дюмезиля)// Вестник Ворон. ун - та. Серия 1. Гуманит. науки. 1977. № 2. С.99 - 113.

[3] *Dumèzil G.* L'ideologie tripartite des Indo-Europpéens. Bruxelles, 1958. P.7 - 20.

[4] *Генинг В.Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранцев // СА. 1977. № 4. С.53 - 72.

[5] *Кузьмина Е.Е.* Колесный транспорт и проблемы этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4. С. 68- 87; *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

[6] *Отрощенко В.В.* Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья III - I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1984. С.84 - 96; *Он же.* К проблеме выделения «жреческих» комплексов среди погребений срубной культурно-исторической общности// Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1990; *Он же.* «Жреческие» комплексы в системе погребений срубной общности // Археологічні та історичні дослідження Херсонщини. Херсон, 1993. С.17 - 31.

[7] *Отрощенко В.В.* К проблеме выделения... С. 72 – 73; *Он же.* О каменных изваяниях у племен срубной культуры // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982. С.15-17. Мне представляется, что примитивные каменные изваяния срубной общности правомернее интерпретировать не как культовые в узком смысле этого слова (идолы богов при алтарях-жертвенниках, фетиши и т.п.), а по аналогии с лучше известными скифскими «бабами» как изображения умерших вождей, героизированных предков вроде скифского «первочеловека» Таргитая. См.: *Раевский Д.С.* Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М., 1983. *Он же.* Модель мира скифской культуры. М., 1985. С.139-146 (примечание 2004 г.).

[8] *Отрощенко В.В.* К проблеме выделения... С.72 - 73.

[9] *Там же.*

[10] *Там же.*

[11] *Там же.*

[12] *Синюк А.Т., Козмирчук И.А.* Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Среднего Дона // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995. С. 69; *Костюков В.П. и др.* Могильник Каменный Амбар средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995. С. 176. Критику такой интерпретации лопаточек см.: *Отрощенко В.В.* О функциях костяных лопатковидных наверший // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии. Тамбов, 1996. С. 7 - 8.

[13] *Клейн Л.С.* Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии // НАА. 1987. № 5. С. 63-96.

[14] *Шилов Ю.А.* Прародина ариев. Киев, 1995. С. 116.

[15] *Шилов Ю.А.* Указ. соч. С. 248; *Синюк А.Т.* Об исторической роли жречества // Цивилизационный подход к истории (проблемы и перспективы развития). Воронеж, 1994. С. 57.

[16] *Синюк А.Т.* Указ. соч. С. 57.

[17] *Там же*; *Кияшко В.Я.* Семантика молоточковидных «булавок» // Крупновские чтения. Вып.13. Майкоп, 1984. Иную, более взвешенную интерпретацию костяных булавок см.: *Буров Г.М.* К вопросу о назначении молточковидных булавок // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Ч.1. Донецк, 1996. С.41- 44.

[18] *Синюк А.Т.* Указ. соч. С.57. Также иногда трактуют связку «шило - игла». Более осторожно подобные погребения оценивает И.Ф. Ковалева. Она допускает сакральное значение пары *«бронзовое шило - игла»*, но все-таки не считает возможным отнести погребенных с такой атрибутикой к «жрецам». См.: *Ковалева И.Ф.* Кому принадлежали срубные погребения с бронзовыми иглами и шильями // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Ч.1. Донецк, 1996. С.91 - 93.

[19] *Синюк А.Т.* Указ. соч. С.57.

[20] *Отрощенко В. В.* К проблеме выделения... С. 72.

[21] *Синюк А.Т.* Указ. соч. С. 57.

[22] Следует отметить, что археологи далеко не в полной мере учитывают то, что «Ригведа» и «Авеста» чрезвычайно сильно идеологизированы. При работе с ними исследователи имеют дело с источниками, которые далеко не зеркально отражают общественную жизнь ариев, а по существу с религиозными доктринами, тенденциозно переработанными жрецами в своих интересах уже в I тыс. до н.э.. См.: *Лелеков Л.А.* Рец.: La mort, les mortes dans societés anciennes. Paris, 1982 // ВДИ. 1984. № 4. С. 181.

[23] *Елизаренкова Т.Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. М., 1989. С. 449 - 450.

[24] *Отрощенко В.В.* Деревянные сосуды... С. 92.

[25] *Полосьмак Н.В.* Пазырыкская культура: Автореф. дис... докт. ист. наук. Новосибирск, 1997. С. 37; *Она же.* Всадники Укока. Новосибирск, 2001. С. 186.

[26] *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии. М., 1991. С. 72.

[27] *Макаренко М.* Маріюпільський могильнік. Київ, 1933. Рис.9, 11. Табл.IX; *Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951 - 1953 гг.)// МИА. № 60.1959. С.184; *Шилов Ю.А.* Указ. соч. С.248; *Синюк А.Т.* Указ. соч. С.57.

[28] *Зелинский Ф.Ф.* История античной культуры. СПб., 1995. С.101; *Герцман Е.А.* Музыка древней Греции и Рима. М., 1995. С. 129 - 130.

[29] *Герцман Е.А.* Ук. соч. С. 129 - 130.

[30] *Елизаренкова Т.Я.* Указ. соч. С. 457.

[31] *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975. С. 176 - 177.

[32] *Миллер В.Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // ЖМНП. 1882. Июль. С. 201; *Кокиев С.В.* Записки о быте осетин // СМЭИДЭМ. М., 1885. Ч.1. 108 - 109; *Калоев Б.А.* Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С.51. Недавно Ф.В. Балонов высказался против сближения скифского и осетинского способа гаданий на том основании, что в первом случае использовали пучек прутьев, а во втором, всего четыре палочки. См.: *Балонов Ф.В.* Скифские гадания: попытка реконструкции семиотики и алгоритма // Реконструкции древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1990. С. 136 - 139. Мне кажется, что различие в числе палочек не столь уж существенно, чтобы так сильно разграничивать скифский и осетинский способы предсказаний будущего.

[33] *Евдокимов Г.Л., Фридман М.И.* Скифские курганы у с.Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 88, 113.

[34] *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964. С. 255. Рис. 75, *19.*

[35] *Dalton M.O.* The Treasure of the Oxus. London, 1965.

[36] *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 318 - 319.

[37] *Жречество и шаманизм в скифскую эпоху.* СПб., 1996.

[38] *Шилов В.П., Багаутдинов Р.С.* Погребения энеолита - ранней бронзы могильника Эвдык // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1999. С.166 - 169.

[39] *Боковенко Н.А.* Проблема реконструкции религиозных систем номадов Центральной Азии в скифскую эпоху // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 39 - 42.

[40] *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С.150 - 151.

[41] *Усачук А.Н.* К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментов в эпоху бронзы // Древности Северо-Восточного Приазовья. Луганск, 1999. С.70 - 87.

[42] *Указ. соч.* С. 81-82.

[43] *Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996. С.305 - 314.

[44] *Отрощенко В.В.* В защиту сакральной функции // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тез. докл. науч. конф. Липецк, 1999. С.21-23.

[45] *Цимиданов В.В.* Кремация в срубной культуре как статусный знак // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С.40 - 41.

[46] *Цимиданов В.В.* Мясная пища в погребениях срубной общности как проявление дифференциации культуры (по материалам Украины) // Древнейшие культуры Восточной Украины. Луганск, 1996.

[47] В отношении степных культур эпохи бронзы эту мысль недавно поддержал Н.М. Малов. Его взвешенная оценка выгодно выделяется на фоне удивительного единодушия и массовой убежденности археологов-бронзовиков в высокой степени надежности рассматриваемого «жреческого» атрибута. Приведу ее фрагмент: *«Однако не следует чрезмерно увлекаться и относить абсолютно все погребения с деревянными сосудами и с бронзовыми накладками к категории «жреческих». Дело в том, что деревянная посуда появилась еще в эпоху присваивающего хозяйства и стала использоваться раньше керамической. Поэтому деревянные чаши и другая деревянная посуда использовалась не только «жрецами», а также широко применялась остальной частью населения в качестве различной домашней утвари».* См.: *Малов Н.М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 г. Саратов, 2003. С.166 -167.

«СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» ИЛИ «СТЕПНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА» ЦИВИЛИЗАЦИИ?*

«ведь они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота; жилища у них на повозках. Как же им не быть непобедимыми... ?» **Геродот**

«Пахарь дает славу культуре, город - славу цивилизации». **Борхес**

Конец XX в. ознаменовался пробуждением новой волны интереса к фундаментальным проблемам исторического развития народов Степной и Лесостепной Евразии. Утрата жесткой марксистской методологии и глубокое разочарование в весьма однолинейной марксистской концепции истории заставила думающих ученых заняться поисками новых исследовательских парадигм в изучении древних обществ, которые раньше однозначно рассматривались как позднепервобытные. Много новых идей появилось в отечественной археологии и кочевниковедении, где все более заметную роль начинает играть цивилизационный подход к истории. В научной литературе последнего десятилетия можно найти предельно широкий спектр оценок уровня социо-культурного развития скотоводов эпохи бронзы и раннего железного века Степной Евразии вплоть до создания ими особой «скотоводческой цивилизации».

Пионером цивилизационного подхода к степным сообществам явился А.И. Мартынов. Еще в конце 80-х годов прошлого века он предложил интерпретировать «скифо-сибирское единство» евразийских культур VII - III вв. до н. э. как особую степную цивилизацию кочевников[1]. Попутно им же была высказана идея о существовании государственности не только у европейских скифов и среднеазиатских саков, но и у скотоводов Алтая и даже тагарцев. Обе идеи А.И.Мартынова сразу не получили поддержки в скифо-сарматской археологии, хотя их обсуждению был посвящен день на II Семинаре «Античная цивилизация и варварский мир» (Новочеркасск, 1988) и специальное совещание в Отделе Скифо-Сарматской археологии Института археологии РАН [2].

Однако такой подход к скотоводческим обществам как к особой степной цивилизации вскоре пришелся по душе некоторым археологам, занимающимся проблематикой эпохи бронзы, особенно после открытия Аркаима. С рубежа 80 - 90-х годов XX в. одни стали утверждать о «протоцивилизации бронзового века» (как варианты «протогородская цивилизация» и «несостоявшаяся цивилизация») на Южном Урале[3], другие писали о «индоевропейской неурбанистической цивилизации эпохи палеометаллов», охватив-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования Российской Федерации по проектам Г00 -1.2.- 127 и Г02 - 1.2 - 510. В основу настоящей публикации положена одноименная статья, изданная в сборнике: Исторические записки. Вып 9. Воронеж, 2003. С.101 - 114.

шей фактически всю степную зону[4], третьи более скромно о «цивилизационных процессах» в скотоводческих обществах Евразии и даже о «цивилизационном скачке» на стыке средней и поздней бронзы[5]. Причем, судя по привлекаемым аргументам, часто речь идет не только о цивилизации в широком культурологическом смысле, но и о цивилизации как о вполне определенной стадии исторического развития в духе Моргана - Энгельса. И как результат, сейчас можно встретить высказывания о появлении не только отдельных признаков, но и самой ранней государственности у пастушеских племен степной и лесостепной Евразии уже в эпоху средней бронзы (1-ая пол. II тыс. до н.э.) или даже еще в энеолите (III тыс. до н.э.)[6].

При всей методологической слабости и разнобое приведенных выше оценок в них проглядывает не просто очередной научный курьез, какими богата отечественная наука нашего времени, а стремление выработать оригинальную исследовательскую парадигму в условиях активно утверждающегося в отечественной науке «нового» цивилизационного подхода. Но очень важно, чтобы она была адекватна изучаемому явлению. К сожалению, ни один из названных выше исследователей не дал сколь-нибудь внятной дефиниции понятия «цивилизация», которым он пользуется и которое, как известно, отличается аморфностью и многозначностью содержания. Предложенные же для описания «скотоводческой цивилизации» критерии, такие, как высокий уровень развития пастушеского хозяйства, выделение ремесел и т.п. или не вполне соответствуют феномену цивилизации в том его понимании, какое утвердилось в науке, или же описывают совсем иное историческое состояние общества, мало похожее на классическую цивилизацию. Мне представляется, что гносеологический потенциал вещественных источников и современные методы социоархеологии позволяют, если не решить проблему, то все же более надежно определить уровни исторического развития, достигнутые скотоводческими обществами эпохи бронзы и раннего железного века. Для ее разработки помимо общепринятой триады «наглядных» критериев цивилизации как определенной ступени развития общества и его культуры (появление городов, монументальной архитектуры, письменности)[7] наиболее перспективными представляются следующие виды археологических объектов:

1) остатки поселенческих структур;
2) типы и размеры поселений;
3) площадь жилищ;
4) различия в размерах погребальных сооружений и в составе сопровождающего инвентаря;
5) место престижных и рядовых погребений в структуре курганов и могильников.

Важно, что все они довольно полно представлены в культурах эпохи бронзы и раннего железного века степной и, особенно, лесостепной Евразии, что позволило провести сравнительный диахронный анализ оставивших их сообществ по одним и тем же параметрам. Ниже кратко излагаются его результаты.

Хорошо известно, что для переходной эпохи от первобытности к цивилизации и государственности характерно зарождение и развитие многоуровневой организации общества, что рано или поздно находило отражение в остаточных схемах расселения в виде появления иерархии поселений[8]. Изучение степных и лесостепных систем расселения эпохи средней и поздней бронзы (абашевская и срубная культуры) показывает, что подавляющее большинство из них были приблизительно одинаковы по своей внут-

ренней структуре и в сущности составляли один «административный» уровень. Сколь-нибудь заметных признаков развития иерархических поселенческих структур у обитателей южнорусских степей и лесостепей во II тыс. до н. э. пока не отмечено[9]. Видимо, здесь еще не получили развития процессы институализации власти, оторванной от народа, имевшей свои постоянные резиденции. Появление разноуровневых поселенческих структур на Юге Восточной Европы археологически надежно фиксируется с наступлением железного века, когда в лесостепи, а затем и в степи возникает множество городищ. Наиболее крупные из них вместе с расположенными поблизости неукрепленными поселениями и курганными некрополями кочевнического облика образовывали локальные микрорайоны памятников, которые в социальном плане, скорее всего, соответствовали отдельным вождествам разного уровня[10].

С только что рассмотренным критерием тесно связан другой – размеры и типы поселений, которые содержат информацию о некоторых качественных характеристиках оставивших их сообществ. Еще со времен Г. Чайлда едва ли не самым популярным археологическим отличием городов от других типов поселений считаются такие их размеры, где могло проживать не менее 5 тыс. человек[11], хотя сам этот количественный критерий далеко не бесспорен. Если все же им воспользоваться, то мы не найдем, так сказать, «ранних городов» в эпоху бронзы. Даже поселения типа Аркаима не дотягивают до этого показателя[12]. Площадь же остальных поселений II тыс. до н.э. редко превышала 1 - 2 га, а число обитателей 100 - 150 человек. Их социальная топография была проста. По многочисленным эмпирическим наблюдениям этнологов, управление общинами с таким количеством членов не требовало какого-то особого надлокального уровня власти[13]. Подавляющее большинство бытовых памятников степной и лесостепной бронзы демонстрируют слабо дифференциированные социальные, почти эгалитарные структуры, распространенные на очень большие территории. По основным социальным признакам они еще соответствуют так называемому *сегментарному типу общества*[14].

Во многом иная картина наблюдается в раннем железном веке, когда в восточноевропейской лесостепи сооружаются сотни хорошо укрепленных городищ, размеры некоторых из них многократно превышали минимальный количественный показатель Г.Чайлда. Уже сам факт повсеместного их распространения свидетельствует о весьма радикальных переменах в жизни общества. В Поднепровье и Побужье появляются городища-гиганты площадью в сотни гектар (Матронинское, Трахтемировское, Немировское и др.), не говоря уж о знаменитом Бельском городище на Ворскле, где могло одновременно проживать до 40 - 50 тыс. человек[15]. С V в. до н. э. большие городища сооружаются и в степи. Их отличает сложная социальная топография (Каменское городище на Нижнем Днепре, Елизаветовское городище на Нижнем Дону). Концентрация населения на таких поселениях квазигородского типа требовала принципиально новых властных структур, способных подвигнуть его к выполнению гигантских по объему работ. По-видимому, их отражением явились расположенные поблизости от крупных городищ аристократические могильники, содержащие курганы «царского» ранга типа «Старшой Могилы» в Посулье по соседству с огромным Басовским городищем, «Чертомлыка» на Нижнем Днепре недалеко от Каменского городища или «Пяти Братьев» на Нижнем Дону, входившего в структуру некрополя Елизаветовского городища. Гигантские размеры их насыпей, сложные погребальные сооружения и роскошный сопровождающий инвентарь, по ценности на несколько порядков превосходящий заупокойные приношения

рядовым членам общества, служат наглядным показателем степени концентрации власти и богатств в руках скифских «царей» и их «номархов». Однако следует признать, что основная масса рядовых номадов, будь то скифы или сарматы, имела низовую социальную организацию, которую А.М. Хазанов весьма точно назвал *стратифицированной сегментарной системой*[16].

Степные и лесостепные общества II и I тыс. до н.э. существенно различаются по размерам жилых сооружений. По единодушному мнению исследователей, для культур эпохи бронзы более характерны жилища площадью от 50 - 70 до 200 - 300 кв.м. Они служили местами обитания большой патриархальной семьи. Иной тип жилищ мы находим на городищах и поселениях раннего железного века Юга Восточной Европы. Их обычные размеры чуть ли не на порядок меньше (от 10 до 30 кв.м.) указывают на тип малой патриархальной семьи, что находит подтверждение и в античной традиции. Если проанализировать этот критерий в обществах переходного типа от варварства к цивилизации, то почти повсеместно для этой эпохи мы увидим тенденцию к сокращению жилой площади рядовых жилищ до размеров, необходимых для проживания малой (нуклеарной) семьи. В этом смысле домостроительные традиции населения раннего железного века стоят ближе к ступени цивилизации, нежели таковые эпохи бронзы.

Проведенное автором сравнительное исследование показало существенные различия не только в размерах погребальных сооружений, но и в организации курганных некрополей в эпоху бронзы и раннем железном веке, когда впервые появляются большие могильники элиты, иногда насчитывающие десятки, а то и сотни насыпей. Несоизмеримыми оказались трудозатраты при возведении погребальных сооружений для захоронений «знати» II тыс. до н. э. и могил военной аристократии и «царей» I тыс. до н. э. В них отлагалась значительная часть прибавочного продукта, преобразованного в престижные вещи неутилитарного назначения и многочисленный античный импорт. Некрополи раннего железного века в степи и лесостепи убедительно свидетельствуют о появлении института наследования социального статуса, что надежно не просматривается на археологических материалах могильников эпохи бронзы, не исключая даже самые известные (Синташта, Потаповка, Филатовка).

Комплексный анализ массовых археологических индикаторов уровня социокультурного развития позволил выявить еще одно кардинальное различие в социальной организации пастушеских скотоводов эпохи бронзы и номадов раннего железного века, проявляющееся в характере разделения труда между подвижными скотоводами и оседлым земледельческо-пастушеским населением. В эпоху бронзы между ними еще не ощущалось сколь-нибудь существенной обособленности этнокультурного и социального плана. Видимо, тогда разделение труда осуществлялось *внутри общины*, проживавшей на одном поселении: одна ее часть жила оседло, другая, сопровождая стада, вела подвижный образ жизни[17]. Иная ситуация сложилась на Юге Восточной Европы в раннем железном веке с появлением номадов. Специализированное кочевое хозяйство не могло обеспечить скотоводов всем необходимым и, прежде всего, продуктами земледелия и ремесла. Поэтому кочевники стремились подчинить себе оседлое, как правило, иноэтничное население, а затем насильственно включали его в свою социально-экономическую систему. На этой основе возник феномен ранней скифской государственности, где доминировали даннические и так называемые дистанционные(война, грабеж, вымогательство «подарков») формы эксплуатации воинственными кочевниками оседлоземледельческого населения не только в степи, но и в лесостепи. Привыкший

выпасать свой скот кочевник легко становился, по выражению А.Тойнби, «пастырем» местного «человеческого стада»[18]. Возможно, наглядным археологическим свидетельством существования в раннем железном веке именно такого *экзополитарного* (то есть направленного «вовне») или *ксенократического* способа производства[19] служат уже упоминавшиеся большие курганные могильники номадов (или бывших номадов) в лесостепи типа посульских или среднедонских, возникавшие по соседству с городищами, где проживало автохтонное оседлое земледельческо-скотоводческое население.

Отказ от изолированного, «статичного» рассмотрения обществ эпохи бронзы и раннего железного века на Юге Восточной Европы в узких хронологических рамках только «своей» эпохи позволил не только уточнить достигнутый ими уровень исторического развития, но и выявить весьма существенные *структурные различия* между ними. В социальном плане скотоводческие общества II тыс. до н. э. выглядят весьма гомогенными, особенно, в сравнении с более стратифицированными кочевническими образованиями раннего железного века. Может быть, эти различия отражают *два разных пути развития* скотоводческих обществ Евразии (соответственно *"пасторализм"* и *"номадизм"*) или *две стадии эволюции* скотоводческого хозяйства с явными признаками формирования иерархических социальных, а затем раннегосударственных структур у номадов, начиная с I тыс. до н. э. В ряде случаев последние достигали размеров «крупномасштабных обществ», свойственных цивилизации, и имели весьма сложную социально-политическую организацию («кочевые империи»). Античные источники свидетельствуют о наличии у скифов, сарматов, алан, гуннов не только наследственной аристократии, но и государственности (др. греч. *βασιλεία*, лат. *regnum*, кит. *"го"* и даже *"син го"* – букв. *«кочевое государство»*) с правящими царскими династиями. Видимо, действительно, начиная со скифо-сарматской эпохи, мы имеем дело с моделями политогенеза, ведущими к становлению так называемых *«военизированных обществ»* и *«ранних государств»*, что косвенно проявилось в формировании ярко выраженных субкультур властвующей элиты («скифская триада») или так называемых «государственных культур» (например, в эпоху раннего Средневековья - культуры Хазарского каганата, известной как салтово-маяцкая). Но, кажется, даже в раннем железном веке, да и позже до становления в степи устойчивой цивилизации дело так и не дошло. На это были свои очень серьезные причины.

Цивилизацию нельзя представить без городов, которые являлись своего рода кристаллами ее роста. По большому счету именно города породили тот тип культуры, который принято называть цивилизацией. Как уже отмечалось выше, начиная с I тыс. до н.э. в степи и лесостепи Восточной Европы время от времени появлялись крупные хорошо укрепленные городища, которые по занимаемой площади и рассчетной численности населения многократно превосходили минимальный критерий Г. Чайлда для первых городов. Эти «квазигорода» играли важную роль не только в жизни местного оседлого населения, но и номадов. Они были им необходимы для обмена продуктов скотоводства на ремесленные изделия и другие товары, но, и это надо подчеркнуть, *не для функционирования самого кочевого хозяйства*. «Степные города», будь то Каменское или Елизаветовское городища скифского времени, хазарский Саркел или золотоордынский Сарай Берке действительно представляли очаги цивилизации среди бескрайних степных просторов. Но цивилизации по существу уже *оседлой, а не кочевой*. Нигде эти города естественно не вырастали из кочевого уклада, повсюду они являлись во многом

искусственными, а главное эфемерным образованиями, возникшими вокруг ставок правителей путем насильственного втягивания людских и материальных ресурсов из зоны зрелых цивилизаций. Срок их жизни был очень короток – как только тот или иной степной народ переходил *«от кочевий к городам»*[20], спустя несколько поколений наступал конец его владычества в силу известного закона «пульсации степей»[21]. Даже великие золотоордынские города, пышно расцветшие в XIV в., по словам Г.А. Федорова-Давыдова, оказались историческим «пустоцветом» и в следующем XV в. не оставили после себя ничего кроме величественных руин и воспоминаний[22].

Исторические источники и этнография указывают, что степняки всегда ощущали враждебность города их традиционному укладу жизни. Назидательные истории на эту тему сохранила как античная - трагическая судьба скифского царя-эллинофила Скила (Herod.: IV. 76), так и средневековая традиции. В знаменитых тюркских надписях Кюль Тегина и особенно Тоньюкюка выражена целая доктрина кочевого антиурбанизма. Тонюкюк сделал выбор и бросил город ради степи[23]. По этой и многим другим причинам степные города не были и не могли стать *аккумуляторами достижений и трансляторами традиций собственно степной культуры,* без чего невозможно представить становление любой самобытной цивилизации, в том числе, и гипотетической степной. Но дело здесь не только в принципиальной несовместимости цивилизации в изначальном смысле этого слова – а оно все-такие вызывает определенные ассоциации с гражданским обществом и городской жизнью (лат.*civis*, *civitas*) – и номадизма, где последние отсутствуют или не являются базисными. Гораздо существеннее другое.

Величайшее различие между классическими цивилизациями древности и степными культурами лежит в сфере хранения и передачи социально значимой информации. В степных культурах Восточной Европы как древности, так и средневековья не получил развития важнейший атрибут цивилизации – письменность, точнее, *письменная культура*. Ряд современных ученых рассматривает именно письменность в качестве обязательного признака цивилизации, отличающего ее от первобытных «доисторических» обществ[24]. Иногда цивилизацию и вовсе определяют как культуру классового общества, овладевшего письменностью[25]. Случаи использования различного рода знаков и письмен хорошо известны как у ранних, так и у поздних кочевников, особенно при переходе на третью стадию кочевания. Но в степных скотоводческих обществах *письменные тексты никогда не относились к числу важнейших «архетипов» их культуры*[**]. Степной скотоводческий уклад по самой своей внутренней социально-экономической природе не требовал развития таких сложных систем учета и контроля, которые мы знаем в древнейших цивилизациях и которые, в конце концов, породили потребность в записи этой социально значимой информации. И данные нарративных источников, и данные археологии свидетельствуют, что у подавляющего большинства пастушеских народов не было своих развитых систем письма и тем более корпуса авторитетных текстов, по крайней мере, до перехода к оседлости и возникновения «кочевых империй». В повседневной жизни скотоводы прекрасно обходились традиционными способами пе-

[**] Отношение кочевников к письменным текстам хорошо иллюстрирует судьба книг, а также списков переписи населения и указов, записанных по повелению Чингисхана. После его смерти они были брошены монголами в его старой юрте и забыты (выражаю искреннюю признательность С.В. Дмитриеву за это интересное свидетельство).

редачи значимой для них информации (генеалогии, эпос, зарубки и метки на дереве, разного рода бирки и т.п.). Поэтому у них не получила сколь-нибудь глубокого развития *письменная культура* – основной передатчик и аккумулятор информации в эпоху цивилизаций, хотя различные знаковые системы, в частности, знаки и тамги хорошо известны. Видимо, это еще в большей мере относится к культурам ранних пастушеских скотоводов эпохи бронзы, хотя в последние годы ряд российских и украинских археологов пишут о появлении у них письменности еще во II тыс. до н. э[26], а некоторые ее уже уверенно читают[27]. Так в их трудах появляется еще один «искомый» признак «степной цивилизации» эпохи бронзы.

Нет сомнений в том, что ранние и тем более поздние кочевники широко использовали многие достижения цивилизации и в свою очередь внесли свой немалый вклад в сокровищницу мировой культуры. Однако высказанные выше соображения не позволяют мне принять столь модную сейчас гипотезу о «степных цивилизациях». Попрежнему представляется целесообразным применять к степным сообществам традиционные для нашей науки понятия *«пастушество»* или *«пасторализм»* (для обществ III - II тыс. до н. э.) и *«кочевничество»* или *«номадизм»* (с I тыс. до н. э.). Они более адэкватно выражают их уклад, культурное своеобразие и специфику исторического процесса в степи, нежели весьма неопределенное и аморфное понятие «степная цивилизация». Введение его в научный оборот отнюдь не способствует утверждению цивилизационного подхода к истории, а, как кажется, прикрывает лишь подспудное стремление ряда отечественных археологов (по принципу «чем наши народы или культуры хуже»!) «подтянуть» степных пастухов эпохи бронзы и кочевников железного века до уровня цивилизации. Мне кажется, что все это задает ложное направление исследования, которое может привести лишь к искажению масштабов реальной истории Евразии.

Многолетнее изучение затронутой здесь проблемы убедило меня в том, что древние цивилизации и степные культуры имели различные экономические базисы, практиковали различные способы эксплуатации, использовали разные механизмы сохранения и средства передачи жизненно важной для них информации и культурных традиций, развивались в разных ритмах в соответствии со своими закономерностями, наконец, имели разные исторические судьбы. В силу этих и других причин возможности их исторического развития и пределы роста были разные. Скотоводческие народы с самого начала шли больше *по адаптационному пути развития*[28]. У кочевников адаптация к природно-климатическим условиям степи достигла таких масштабов, что они становились почти органической частью степных экосистем. В масштабах Всемирной истории степной путь развития, в конце концов, оказался исторически неперспективным. В зонах же цивилизации народы, начиная с эпохи неолита, методом проб и ошибок вышли *на трансформационный путь развития,* который привел человечество к современному миру. Ранние цивилизации и степные культуры различались даже по своей продолжительности – первые существовали, как правило, несколько тысячелетий, возраст вторых редко превышал два - три века, что уже само по себе для цивилизации маловато. Более того, как показала многовековая история Евразии, даже приближение наиболее «продвинутых» скотоводческих обществ к порогу цивилизации грозило им смертельной опасностью, причем, не только для традиционной степной культуры, но и для самого дальнейшего существования созданных ими этно-политических образований в силу того же универсального закона «пульсации степей». По этой причине практически все

известные историками и этнологам степные сообщества имели *обратимый характер*. При распаде «кочевых империй» уцелевшие номады возвращались к традиционному родо-племенному образу жизни. И в степи почти с «нуля» начинался новый цикл исторического развития. Отсутствие у степняков развитой письменной культуры лишало их глубинной исторической памяти, в частности, о своих предшественниках. В результате тюрки, потомки гуннов, ничего не знали о своих предках также, как монголы Чингисхана ничего не знали о тюрках[29]. Наличие очень глубоких разрывов в истории и культуре Степной Евразии, особенно в годы смены степных владык, по-видимому, составляет одну из особенностей ее развития, начиная, по крайней мере, с эпохи бронзы.

В свете высказанных выше соображений мне представляется более правомерным традиционный подход к пастушеским и кочевым обществам древности не как к каким-то особым «степным цивилизациям», а скорее, наоборот, как *к альтернативе цивилизации как таковой*. Изучение кочевой альтернативы социальной эволюции представляется весьма перспективным новым направлением в исследовании истории степных и лесостепных обществ Евразии[30]. Однако следует напомнить, что в отличие от некоторых современных ученых альтернативность двух основных миров ойкумены хорошо понимали древние, начиная с «отца истории» Геродота. Он первым обратил внимание на полную противоположность образа жизни и традиций скифов и эллинов, Эта антитеза положена в основу его «Скифского логоса». Особенно ярко она проявилась в знаменитом описании образа жизни скифов, вынесенном в эпиграф к настоящей публикации (IV. 46). В последующей античной литературной традиции эта дихотомия «своего» («цивилизованного») мира и скифского, сарматского и пр. образа жизни еще более усилилась. Аналогичная картина наблюдалась в восприятии китайцами своих степных соседей – юэджей, хунну, позже тюрок и монголов. С точки зрения эллинов, римлян и китайцев мир древних степных номадов Востока и Запада казался предельно «иным», противоположным их «нормальному», «цивилизованному». В этом сказался не только обычный этноцентризм, но и осознание действительных глубинных различий между *«людьми, натягивающими луки»* и *«людьми плуга, пера и книги»*.

Альтернативность степного мира кочевников древним цивилизациям во многом еще предстоит изучать. Но уже сейчас начинают просматриваться некоторые интересные закономерности их взаимодействия, в частности, механизмы образования кочевнических потестарных объединений в связи с внутренними переменами в зоне цивилизаций. Недавно кочевниковеды обратили внимание на то, что величина кочевых обществ и их могущество прямо пропорциональны размерам и силе соседних оседло-земледельческих цивилизаций, входивших с номадами в единую «мир-систему»[31]. И хотя эта идея недавно подверглась конструктивной критике со стороны такого известно научного авторитета, как А.М. Хазанов[32] она представляется весьма плодотворной. Глубинную взаимозависимость степного кочевого и античного миров в Северном Причерноморье отмечают антиковеды и скифологи[33], а для Дальнего Востока - китаеведы[34].

Исследование путей социальной эволюции, альтернативных цивилизации, представляется особенно перспективным для разработки новой концепции биполярного исторического процесса в древности, не сводимого только к истории классических цивилизаций Древнего Востока и Античного мира, но включающего народы и культуры степного пояса Евразии.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Мартынов А.И.* Степи Евразии в истории человечества // Проблемы археологии Степной Евразии. Ч.1. Кемерово, 1987. С. 3 - 8; *Он же.* О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 284 - 291; *Он же.* Два этапа развития степной скотоводческой цивилизации // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций центральной Азии. Т.1. Улан-Удэ, 2000. С.80 - 84 и др.

[2] *Совещание по проблеме «скифо-сибирского мира»* // КСИА АН СССР. 1993. № 207. С.3. С критикой концепции А.И. Мартынова на скифских материалах выступали и другие ученые. См.: *Зуев В.Ю.* К вопросу о скифской цивилизации // Древние культуры и их археологическое изучение.: Материалы к пленуму ИИМК 26 - 28.11.1991. СПб.,1991. С.58 - 63; *Медведев А.П.* К исторической оценке скотоводческих обществ на юге Восточной Европы II - I тыс. до н. э.(поиск новых подходов) // Вестник Ворон. ун-та. Серия гуманит. науки. 2001. № 2. С.159 - 180.

[3] *Зданович Г.Б.* Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата,1989. С.179 - 189; *Он же.* Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: исследования поиски находки. Челябинск, 1995. С.21 - 42; *Зданович Г.Б., Зданович Д.Г.* Протогородская цивилизация «Страны городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Культуры древних народов Степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Зауралья. Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск,1995. С. 48 - 62.

[4] *Малов Н.М.* Индоевропейская неурбанистическая цивилизация эпохи палеометаллов Евразийской скотоводческой историко-культурной провинции – звено мозаичной мироцелостности // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. С.7 - 10.

[5] *Пряхин А.Д.* Древние скотоводы эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи и цивилизационный процесс // Исторические записки. Вып.7. Воронеж, 2001. С.134 - 143.

[6] *Чмыхов Н.А.* Первые государства в Степи-Лесостепи: предпосылки возникновения// Теория и методика исследований археологических памятников. Тез. докл. науч. конф. Липецк, 1992. С.116 - 117; *Пустовалов С.Ж.* О возможности реконструкции сословно-кастовой системы по археологическим данным // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1995. Вып.5. С.21 - 32; *Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996. С.317 - 320; *Писаревский Н.П.* О государственности у ранних скотоводческих племен степи и лесостепи Евразии // Вестник Ворон. ун-та. Серия гуманит. науки. 2000. N 1. С.98 - 114.

[7] *Kluckhohn C.* The moral order in the expanding society// City Invincible. Chicago, 1960; *Renfrew C.* The Emergence of Civilization. L. , 1972; *Массон В.М.* Первые цивилизации. Л., 1989.С. 9. Основные подходы к пониманию цивилизации в современной отечественной археологической литературе рассмотрены автором в статье: К исторической оценке скотоводческих обществ на Юге Восточной Европы II - I тыс. до н. э. (поиск новых подходов)// Вестник Ворон. ун - та. Серия гуманит. науки. 2001. № 2. С.162 - 163.

[8] *Джонсон Г.А.* Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем // Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986. С.98 - 100; *Антонова Е.В.* Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998. С.122 - 126.

[9] *Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы.* Воронеж, 1990.

[10] *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.). М., 1999. С.49 - 66.

[11] *Cilde V.G.* The Urban Revolution // Tawn Planning Review. 1950. Vol. 21. P. 9.

[12] *Зданович Г.Б.* Указ. соч. С.35. Еще более скромную оценку численности жителей Аркаима дает Ю.Е.Березкин. См.: *Березкин Ю.Е.* Аркаим как церемониальный центр: взгляд американи-

ста // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. С.38. Уникальность небольших укрепленных поселений «Страны городов», особенно бросающаяся в глаза на фоне основной массы синхронных памятников Степной и Лесостепной Евразии к западу и востоку от Урала, видимо, во многом находит объяснение в особых условиях их возникновения и функционирования, среди которых едва ли не главенствующую роль мог играть фактор добычи руды и цветной металлургии.

[13] *Kosse K.* Group size and societal complexity: Thresholds in the long-term memory // Journal of anthropological archaeology. 1990. Vol. 9. № 3.

[14] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С.139.

[15] *Шрамко Б.А.* Фридрих Энгельс и проблема возникновения городов Скифии // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С.225.

[16] *Khhazanov A.* Nomads and the Outside World // Cambr., 1984. P. 145.

[17] *Бунятян Е.П.* Об уровне развития степных обществ Украины поздней бронзы // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000; *Хазанов А.М.* Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 39.

[18] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М., 1991. С.187.

[19] *Крадин Н.Н.* Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып.3. М., 1995. С.174 - 178; *Он же.* Кочевники, мир - империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С.329 - 330.

[20] *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья (поиск исторических закономерностей). М., 1982. С.10, 127 - 143.

[21] *Huntington E.* The Pulse of Asia. London, 1907; *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1994; *Мачинский Д.А.* Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья // Кочевники евразийских степей и Античный мир. Новочеркасск, 1989. С.21.

[22] *Степи Евразии в эпоху Средневековья.* М., 1991. С.232. Иную оценку роли степных городов см.: *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до манчжуров. М., 1997. С.274.

[23] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967. С. 329 - 338.

[24] *Гельб И.Е.* Опыт изучения письма. М., 1982. С.211; *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т.2. Тбилиси, 1984. С.885 - 890.

[25] *Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. Горький,1989. С.72.

[26] *Пряхин А.Д.* Новый этап в исследовании проблематики эпохи бронзы Евразии степи и лесостепи // Комплексные общества Центральной Евразии III - I тыс. до н. э. Челябинск - Аркаим, 1999. С.103; *Пустовалов С.Ж.* О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998. С.47 - 48.

[27] *Кульбака В.* Наидавнішна індоарійська писемність з території Україні // Доба бронзи Доно-Донецького регіону. Капітанове, 1999. С.54 -58.

[28] *Бондаренко Д.М.* Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству // Восток. 1998. №1. С. 199.

[29] *Гумилев Л.Н.* Указ. соч. С. 340.

[30] *Кочевая альтернатива социальной эволюции.* М., 2002.

[31] *Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Крадин Н.Н.* Социальная эволюция: альтернативы и номадизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С.25 - 26.

[32] *Хазанов А.М.* Указ. соч. С. 49 - 50.

[33] *Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху // РА.1991. № 1.

[34] *Barfield T.* Inner Asia and Cycles of Power in China's Imperial History // Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery. Los Angeles, 1991.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря исследованиям археологов в древней истории Восточной Европы не так давно появилась новая страница – Лесостепная Скифия VII - начала III вв. до н. э. Как становится все более очевидным, она представляла сложное, динамично развивавшееся этно-политическое образование, возникшее в результате длительного взаимодействия пришлых ираноязычных номадов и автохтонного населения. В ее почти четырехвековой истории выделяются два этапа:

1. VII - VI вв. до н. э. – возникновение и расцвет первых лесостепных скотоводческо-земледельческих объединений в Правобережном и Левобережном Поднепровье и Побужье под эгидой военно-кочевой знати (С.А. Скорый). Их археологическим отражением являются многочисленные лесостепные поселения, в том числе, городища гигантских размеров, и большие курганые могильники с захоронениями аристократии и дружинников. Многие из них были совершены в погребальных сооружениях и сопровождались ярким инвентарем, тождественым «раннескифскому культурному комплексу». Парадоксальный факт наличия многочисленных курганных некрополей раннескифского облика в украинской лесостепи при их практически полном отсутствии в это время в причерноморской степи, на территории будущей Геродотовой Скифии получает весьма убедительное объяснение при признании существования Архаической Скифии именно на лесостепной территории. Скорее всего, городища и курганные некрополи являлись материальным выражением двух основных лесостепных укладов – оседло-земледельческого и полукочевого скотоводческого, которые с момента подчинения номадами отдельных лесостепных районов составляли тесно взаимосвязанные, во многом вынужденные для коренного населения социально-экономические системы. Со временем из них могли развиться политии во главе с «царями» меланхленов, гелонов, будинов и прочих народов, о которых писал Геродот.

2. V - IV вв. до н. э. – время сосуществования «двух Скифий»: Степной и Лесостепной. Последняя значительно расширяет свою территорию на восток и включает в себя Среднее и часть Верхнего Подонья. Для времени расцвета Геродотовой Скифии мы имеем археологические данные о присутствии скифов лишь в южных пограничных со степью районах и Приднепровской террасовой лесостепи. Судя по сохранению многих, в том числе погребальных традиций остальная лесостепь продолжала оставаться в руках потомков «ранних скифов», давно смешавшихся с местным автохтонным населением. В результате распада некогда единой культуры ираноязычных номадов - носителей «раннескифского комплекса» и их адаптации к местным региональным условиям к середине I тыс. до н. э. сложилась та свита локальных скифообразных групп памятников, за которыми, скорее всего, скрываются имена народов, упомянутых «отцом истории» при описании северной стороны «Скифского квадрата».

Введенное в науку почти полвека назад понятие «Лесостепная Скифия» весьма точно отражает и географическую, и культурную специфику последней, а также прямую причастность ее населения к исторической Скифии и скифам, причем, с самого начала скифской эпохи на Юге Восточной Европы. Однако, как представляется, сводить всю историю народов восточноевропейской лесостепи к скифам, особенно в V-IV вв. до н.э. было бы неправомерно. К эпохе Геродота здесь уже сформировались местные этно-социальные организмы, в том числе, и такие которые «отец истории» уверенно определял как нескифские. Для выяснения их этнокультурной природы необходим конкретно-исторический подход по эпохам и регионам.

SUMMARY

FOREST STEPPE SCYTHIA: FORMING AND EVOLUTION OF CONCEPTION

In this work the key problems of archaeology and history of the Forest Steppe Scythia are examined. This historical and geographical concept does not trace back to ancient sources being a scholarly construction of the 20th century. The author explores the origin of scientific term "Forest Steppe Scythia" and evolution of its substance. In archaeology of Early Iron Age of the East-European Forest Steppe by the beginning of the 21st century not only innumerable facts have been collected, but two main conceptions have been formulated. These conceptions explain "the scythoid" appearance of Forest Steppe cultures in different ways: 1. "indigenous" – emphasizes the determinative role of local ethnocultural element, that was only slightly affected by the Scythian culture; 2. "Scythian" – explains proximity of large kurgan necropolises subculture and proper Scythian culture by direct presence of the Scythians in the Forest Steppe and its inclusion into the political system of Scythia. But both conceptions cannot satisfactorily explain the whole complex of empiric material collected and, particularly, it does not open the mechanism of forming scythoid cultures in remote Forest Steppe areas. Today the third, "compromise" conception of Forest Steppe Scythia history and culture, directed to overcoming extremes of the first and second ones, is being actively worked out. Now we can state, that the concept "Forest Steppe Scythia" precisely reflects geographical and cultural specificity of the East-European Forest Steppe, appearance of two large kurgan burial grounds of scythoid type in its remote areas, coexistence of two economic modes here and direct connection between local population and historical Scythia and the Scythians. But for finding out the real role of the latter in history of the Forest Steppe tribes we need a concrete historical approach by epochs and regions.

ON STUDY OF SETTLING AND SOCIAL ORGANIZATION SYSTEM OF SCYTHOID POPULATION IN THE MIDDLE AND UPPER DON REGIONS

This article is an account of the results of using space archaeology methods for studying Scythian time burial grounds and settlements in the Forest Steppe Don region. The archaeological zoning of the region studied was held. As a result of mapping previously known objects and author's field explorations on the right bank of the Middle Don 10 archaeological districts of the 5th-4th centuries BC were discovered. Their quite stable internal structure included fortified settlements in upper and lower reaches of small rivers, joined by a chain of permanent and seasonal settlements. The author ascertained that kurgan necropolises had been always topographically detached from nearer settlements by natural bounds such as rivers or deep ravines. Perhaps, fortified settlements on one hand and chains of transitory sites and kurgan burial grounds on the other reflected two main life modes in the Don Forest Steppe:

1.Economical and cultural type of forest steppe farmers and cattle-breeders with pastoral type of animal husbandry;

2.Economical and cultural type of mobile cattle-breeders, essentially half-nomads. Most likely, the majority of seasonal sites and all Middle Don kurgan burial grounds were left namely by them.

The author considers that both economical modes of the Forest Steppe Don population corresponded to two main ecological niches of the East-European Forest Steppe and evenly made for forced symbiosis of its settled farming and mobile cattle-breeding population.

ON INTERPRETATION OF PHENOMENON OF THE VORONEZH KURGANS OF THE SCYTHIAN TIME

The author examined Middle Don kurgans of the 6th-4th centuries BC of the Chastye and Mastyuginskie type. He created the typology of their burial constructions and established prevalence of burials in complex frame-pillar crypts, sometimes with dromos. Complex analysis of the Middle Don kurgans by frequency of prestigious burial construction types, arms, socially significant implement categories, parade things and Greek imports shows that more than 75 per cent of them contained burials that – according to scythologist criteria - should be recognized as not common but belonging to

military aristocratic elite. Some essential differences between its subculture and material culture of population of nearer settlements were also discovered. The research made allows supposing that since the end of the 6th till the beginning of the 3rd centuries BC the Middle Don population consisted not only of numerically prevalent common farming and cattle-breeding people of fortified settlements but also of some descendant clans of Iranian speaking nomads (Herodotus' *Gelonians*), reached the Forest Steppe even in the early Scythian time. Most probably, their upper ten made up some kind of ruling elite, evidently prosperous, judging by abundance of Greek imports and other expensive goods, at the expense of exploitation of the broad masses of dependant farming and cattle-breeding settlement population.

KURGANS OF THE FOREST STEPPE STYHIA: ON THE HISTORY OF RESEARCH AND INTERPRETATION

For quite a long time scythologists have drawn their attention to the paradox phenomenon - numerous archaic Scythian kurgan necropolises appeared in the heart of Forest Steppe since the 7th century BC, while there was a complete absence of them in the Steppe Black Sea region until the 5th century BC. This paradox was explained in different ways. Some scholars regarded Forest Steppe kurgans as burial mounds of indigenous population that lived in nearer settlements, others – as necropolises of local tribal elite, seasonal burials of nomadic Scythians, retinue cemeteries or even the archaic necropolis of the Scythian kings (Gerros). Complex comparative analysis of data from kurgans and nearer settlements shows different level of participation of local settled component in subculture of the population, that left Forest Steppe kurgans in some regions. Some interesting material for thoughts about nature of Forest Steppe kurgans is given by space analysis of burial and domestic sites among some regions. Their topographic isolation by means of natural bounds (rivers, creases, gullies) can witness belonging of kurgan builders and settlement dwellers to population groups, different by their origin, culture, lifestyle and social status. The author supposes regarding local archaeological complexes of scythoid sites – fortified settlements and burial grounds – as a material reflection of xenocratic mode of production, characteristic for nomads since the beginning of the Early Iron Age and based on internal exploitation of reduced settled population.

KURGAN BURIAL GROUNDS OF SCYTHIAN TIME ON THE RIGHT BANK OF MIDDLE AND LOWER DON
(an attempt of comparative analysis)

In this work the author gives an account of comparative analysis of kurgan burial grounds like Chastye or Mastyuginskie in the Middle Don region and kurgans in area between the Don and Seversky Donets rivers (Sladkovsky or Sholokhovsky burial grounds). This analysis was carried out by common archaeological parameters in opinion of most archaeologists being the most significant for exposure of ethnocultural specificity of burial sites. In spite of wide-spread idea of common culture of both burial ground groups the author revealed the essential differences in their ceramic complex, bronze copper decorations, weapons and other important archaeological indices. On that ground it can be concluded that the archaeological sites compared must have been left by social groups with *different original ethnocultural cores*. They obviously have different sources: the Middle Don region ones – in western Forest Steppe areas of the Middle Dnieper region, the Lower Donets ones – in eastern Steppe areas of Volga or even Ural regions.

ANTIQUE TRADITION AND ARCHAEOLOGICAL REALITY OF THE SCYTHIAN TIME ON THE MIDDLE AND UPPER DON
(Problems of Etnocultural Interpretation)

The author assumes that the main drawback of contemporary summarizing studies dealing with the problems of the history of South-East Europe in Scythian times is the following: the archaeologists, as a rule, do not analyze the data of the antique tradition deeply enough, and, primarily, the information contained in the "Scythian Logos" by Herodotus. Because of this, he finds it necessary to

observe the procedure of comparison of archaeology and written data more strictly. The most important condition in this case is systematic comparison of archaeological data and written sources.

Applying this principle to the territories along the Don river, the author points out the existence of three different cultures in this region which existed in the period of the 6^{th}-4^{th} centuries BC: on the upper reaches of the Don and Voronezh rivers – the Gorodetskaya Culture, on the Middle Don – the Middle Don (Srednedonskaya) Culture with its two different economic and cultural types (settled forest-steppe farmers and cattle-breeders who had left sites and settlements, and semi-nomads who had left kurgan graves), and the Sauromatian culture in the South.

The author compares these three cultures with the part of Herodotus' data which is related to this territory. He finds there three peoples: Sauromatians, Boudinians, Gelonians. Proceeding from this comparison, the author completely rejects the hypothesis of V.I.Gulyayev about Scythian attribution if the Middle Don kurgan-graves.

OLBIAN TRADE WAYS AND RELIABILITY LEVEL OF HERODOTUS ETHNOGRAPHIC DATA

Data presented by Herodotus concerning northern neighbours of the Scythians are analyzed in the paper. Certain dependence is found between the reliability level of data presented by the "father of history" and routes of Olbian trade ways. Herodotus had at his disposal more reliable information about those tribes, sometimes very distant from Olbia, through lands of which trade ways were paved. Not only a flow of goods was coming on those ways in the opposite direction to the Greek import, but also that ethnographic information which interested the Greeks. The approach suggested explains why not all ethnographic evidences given by Herodotus in book 4 of his "History" are valid enough and makes understandable certain gaps and perversions in the picture of dispersion of northern forest-steppe and forest tribes described by him.

HERODOTUS' GELONUS: ON THE PROBLEM OF CORRELATION OF ANTIQUE NARRATIVES AND ARCHAEOLOGICAL REALITIES

While describing "the land of Boudinians" Herodotus mentions the only city in Scythia called Gelonus (IV.108). Scholars have long ago drawn their attention to extremely large dimensions of this city, the fortification perimeter of which was determined as 120 stadiums (22-26 km). Up to now this mention was the key one in scholarly search for archaeological equivalent of Herodotus' Gelonus. These were namely these unusually large dimensions that played deciding role in its identification with giant Bel'skoe settlement on the Vorskla river. However, no one of scholars has aimed at analyzing the level of reliability of Herodotus' evidence itself, first of all – in context of his descriptions of other ancient cities known for the Halicarnassian better, than distant Gelonus. The analysis of all direct and indirect Herodotus' evidences concerning dimensions of Greek and Eastern cities, contained in his "History", convinces of the fact that nowhere we can find even the least correlation between their quality characteristics and independent data of other sources, primarily – archaeological ones. In this concern the detailed description of the most famous and mighty Asian city - Babylon (I.178) – is very instructive. As the "father of history" writes, this city was notable for even larger dimensions than Gelonus. But, as shown by the comparison of Herodotus' report about length of Babylonian walls with independent archaeological data and authentic cuneiform texts, the "father of history" overstated real dimensions of Babylon at least 8-10 times. Moreover, the latter unlike Gelonus were seen by him directly. All this suggests that Herodotus' data on the length of Gelonus walls could hardly be used as reliable diagnostic feature while identifying it with any archaeological site. If accepting the identification of Bel'skoe settlement with Gelonus as the proven one, this would be the only case of exact accordance of Herodotus' data and archaeological data concerning ancient cities, which seems as very unlikely.

ON ATTRIBUTION OF "PRIESTLY" BURIALS AMONG IRANIAN SPEAKING NOMADS OF THE 2ND -1ST MILLENIA BC

The work is dedicated to the problem of reliability of finding priestly burials among burial sites of Bronze Age Steppe Eurasia. Up to now archaeologists have collected over 10 variants of priestly attributes in cattle-breeding Bronze Age societies. The author analyses the most popular of them – wooden vessels and bone "Pan flutes"- and pays attention to insufficient argumentation of scholars, that consider such finds as the only evidences of sacrality. At the same time he suggests regarding as more reliable features of priests-soothsayers the wisps of twigs and sticks, described by Herodotus (IV.67). He also adduces not numerous archaeological data on Bronze and Early Iron Age burials containing these very reliable priestly attributes.

"STEPPE CIVILIZATION" OR "STEPPE ALTERNATIVE" TO CIVILIZATION?

The author examines possibilities and frames of the civilization approach to cattle-breeding societies of Steppe Eurasia of the 2nd –1st millennia BC, including a hypothesis on existence of some special "cattle-breeding civilization". As a result of comparative analysis of Bronze and Early Iron Age societies, carried out using common archaeological criteria, the author ascertained significant differences in social organization of Bronze Age pastoral cattle-breeders and Early Iron Age nomads. He also puts a question about two main evolution lines of Eurasian cattle-breeding societies (the "pastoralism" of the 2nd millennium BC and the "nomadism" of the 1st millennium BC). But both of them didn't lead to stable civilization. This was mainly because the absence of cities – some kind of increase points of any civilization – and written language – the main information accumulator and transmitter in the epoch of civilizations. Ancient civilizations and steppe cultures had different economic bases, used different ways of exploitation and mechanisms of saving and transmitting essential information, developed in different paces, finally, had different periods of existence and historical fortunes. That is why the author suggests considering cattle-breeding societies of the 1st millennium BC not as special "steppe civilizations", but as an alternative to civilization itself.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО - Археологические открытия
АС - Археологические съезды
ВГУ - Воронежский государственный университет
ВДИ - Вестник древней истории
ВССА - Вопросы скифо-сарматской археологии
ВЯ - Вопросы языкознания
ЖС - Живая старина
ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО - Записки Императорского Русского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК - Известия Императорской Археологической комиссии
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие собщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МАР - Материалы по археологии России
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
НАА - Народы Азии и Африки
ОАК - Отчеты Императорской Археологической комиссии
ПАЗ - Полтавский археологический вестник
РГНФ - Российский Гуманитарный научный фонд
РА - Российская археология
СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников по археологии СССР
СМЭИДЭМ – Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее
СЭ - Советская этнография
ЭО - Этнографическое обозрение
HSPh - Harward Studies in Classical Philology
PW RE - Pauly's- Wissowa Realencyklopädie der classischen Altertumwissenschaft
WVDOG - Wissenschaftlichen Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft

ТАБЛИЦЫ И ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица 1

Основные количественные характеристики микрорайонов памятников скифского времени Лесостепного Подонья

1 Правобережье Среднего Дона						
I Усердец	*220*	*1*	*3*	*4*	*-*	*8*
II Камышенка	*110*	*2*	*5*	*3*	*1*	*11*
III Тростянка	*50*	*1*	*9*	*1*	*1*	*12*
IV Шубное - Ольшан	*60*	*1*	*25*	*1*	*-*	*27*
V Жалин Яр	*40*	*1*	*10*	*6*	*1*	*18*
VI Острогожс-кий Яр	*55*	*1*	*7*	*-*	*-*	*8*
VII Коротояк	*30*	*1*	*6*	*-*	*-*	*8*
VIII Левобережье Тихой Сосны	*60*	*2*	*11*	*-*	*-*	*13*
IX Потудань	*300*	*2*	*23*	*4*	*1*	*30*
X Девица	*100*	*1*	*23*	*2*	*1*	*27*
XI Дон	*280*	*-*	*2*	*4*	*-*	*6*
2 Верхний Дон	*500*	*6*	*30*	*7*	*1*	*44*
3 Воронеж	*300*	*7*	*40*	*20*	*1*	*68*
4 Южнее Тихой Сосны	*5000*	*-*	*31*	*4*	*-*	*35*
5 Левобережье Дона	*35000*	*-*	*30*	*4*	*-*	*34*
Всего:	*42105*	*26*	*255*	*60*	*7*	*348*

Таблица 2

Взаимовстречаемость социально значимых категорий инвентаря, типов и размеров погребальных сооружений среднедонских курганов

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
1	23	1	2	1	2	6	2	5	8	14	4	10	10	7	10	1	7	14	4	1	23	2
2	1	12	2	2	0	2	2	1	2	7	4	7	5	6	10	1	3	6	2	2	7	3
3	2	2	9	2	0	2	3	2	2	4	2	4	3	6	8	0	2	5	2	1	5	3
4	1	2	2	13	3	5	3	6	7	13	5	7	10	12	13	0	2	9	2	0	8	5
5	2	0	0	3	5	3	1	2	4	4	3	5	5	4	4	0	0	4	1	0	2	3
6	6	2	2	5	3	22	3	8	10	16	7	8	14	14	18	0	7	14	2	0	17	5
7	2	2	3	3	1	3	12	5	6	9	3	9	7	3	8	0	1	9	2	0	9	2
8	5	1	2	6	2	8	5	23	14	19	8	12	17	8	16	0	7	12	3	5	14	3
9	8	2	2	7	4	10	6	14	34	27	12	23	20	10	21	0	4	21	5	4	21	8
10	14	7	4	13	4	16	9	19	27	65	17	28	38	24	45	1	14	40	10	11	41	12
11	4	4	2	5	3	7	3	8	12	17	24	15	17	8	19	0	6	15	2	2	14	6
12	10	7	4	7	5	8	9	12	23	28	15	51	27	14	32	2	13	32	4	7	35	9
13	10	5	3	10	5	14	7	17	20	38	17	27	49	24	39	2	10	29	8	8	26	13
14	7	6	6	12	4	14	3	8	10	24	8	14	24	37	37	1	9	21	9	0	26	11
15	10	10	8	13	4	18	8	16	21	45	19	32	39	37	71	7	16	40	12	11	45	12
16	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	2	2	1	7	11	0	0	0	4	0	0
17	7	3	2	2	0	7	1	7	4	14	6	13	10	9	16	0	31	0	0	13	20	0
18	14	6	5	9	4	14	9	12	21	40	15	32	29	21	40	0	0	61	0	9	39	12
19	4	2	2	2	1	2	2	3	5	10	2	4	8	9	12	0	0	0	16	2	9	3
20	1	2	1	0	0	0	0	5	4	11	2	7	8	0	11	4	13	9	2	28	0	0
21	23	7	5	8	2	17	9	14	21	41	14	35	26	26	45	0	20	39	9	0	68	0
22	2	3	3	5	3	5	2	3	8	12	6	9	13	11	12	0	0	12	3	0	0	15

По главной диагонали указано общее число погребений с данным признаком. Признаки: 1 – амфоры; 2 – лепные кувшины; 3- «ритуальные» сосудики; 4 – деревянные сосуды; 5 – серебряные сосуды; 6 – бронзовые сосуды; 7 – мечи; 8 – копья; 9 – дротики; 10 – стрелы; 11 – доспех; 12 – снаряжение коня; 13 – звериный стиль; 14 – золотые бляшки; 15 – изделия из золота и серебра; 16 – погребальные сооружения I типа; 17 - погребальные сооружения II типа; 18 – погребальные сооружения III типа; 19 – погребальные сооружения IV типа; 20 – могилы 1-й размерной группы; 21 – могилы 2-й размерной группы; 22 – могилы 3-й размерной группы

Таблица 3

Коэффициенты взаимосвязи социально значимых категорий инвентаря, типов и размеров погребальных сооружений среднедонских курганов

Признак	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
1	0	2	0	3	7	1	5	8	13	3	9	9	6	6	0	7	14	4	0	34	1
2		4	3	0	2	3	0	1	6	6	8	4	8	12	1	2	5	2	1	6	5
3			3	0	2	8	2	1	3	2	3	2	11	10	0	1	5	3	0	4	7
4				14	9	6	12	11	20	8	7	16	30	18	0	1	10	2	0	7	13
5					8	2	3	9	5	8	10	10	9	5	0	0	5	1	0	1	12
6						3	13	13	18	9	6	18	24	21	0	7	15	1	0	19	8
7							9	9	10	3	13	8	2	8	0	0	11	2	0	10	2
8								25	24	12	12	26	8	16	0	7	10	2	4	13	3
9									33	18	31	24	8	18	0	2	21	5	2	19	13
10										19	24	45	24	44	0	10	40	10	7	38	15
11											18	25	7	21	0	5	15	1	1	12	10
12												29	10	28	1	11	33	2	3	35	11
13													32	44	1	7	28	8	5	20	23
14														52	0	7	20	14	0	27	22
15															6	12	37	13	6	42	14
16																0	0	0	5	0	0
17																	0	0	19	19	0
18																		0	5	37	16
19																			1	7	4
20																				0	0
21																					0

Признаки те же, что и на таблице 2.
Для расчетов коэффициентов взаимосвязи использована формула:

$$C = \frac{a^2}{LnLm}$$

Где a – количество объектов с признаками n и m, Ln – общее число объектов с признаком n, Lm – общее число объектов с признаком m.

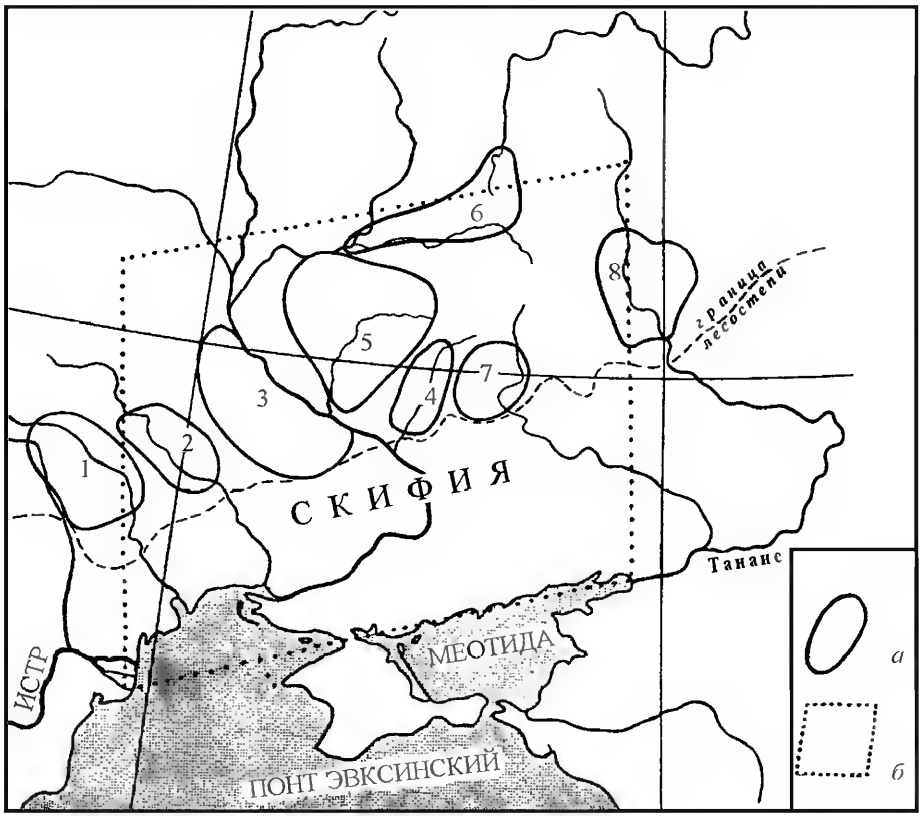


Рис.1. Карта-схема Скифии

а - локальные варианты скифоидной культуры восточноевропейской лесостепи:
1 - западноподольский; *2* - восточноподольский; *3* – правобережный среднеднепровский;
4 - ворсклинский; *5* - посульский; *6* - сейминский; *7* - северскодонецкий; *8* – среднедонской;
б – один из вариантов построения «Скифского тетрагона»

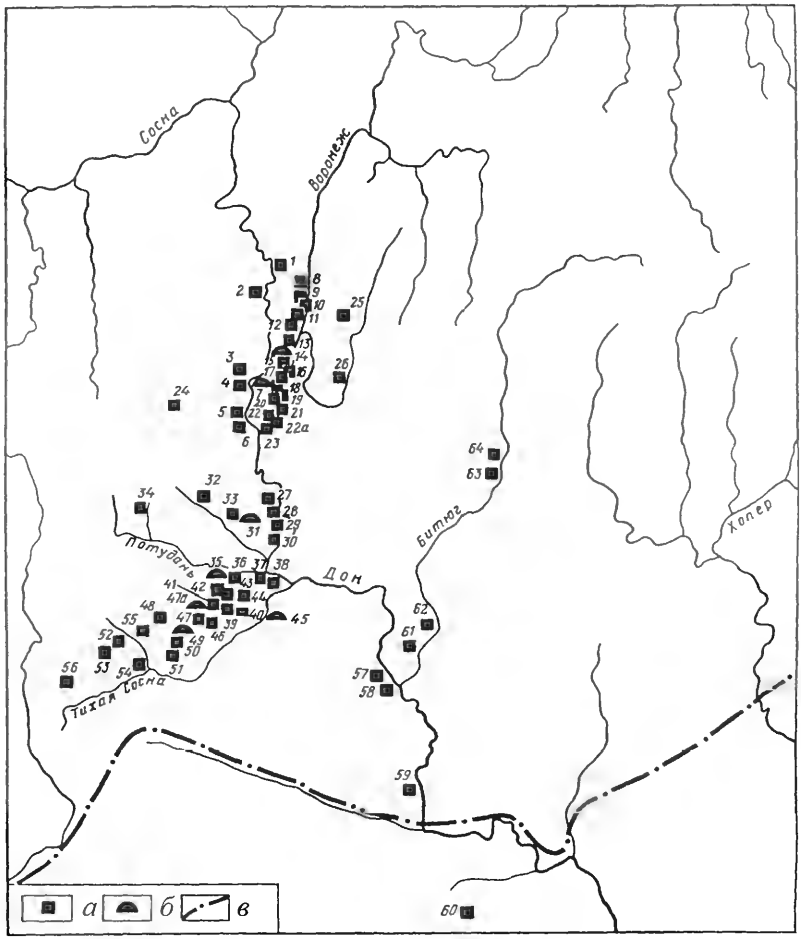


Рис.2. Карта основных городищ и курганных могильников скифского времени лесостепного Подонья: *а* – городище, *б* - курганный могильник, *в* – границы лесостепи

1 – Конь-Колодезь, *2* – Отскочное, *3* – Губарево, *4* – Семилуки, *5* – Устье I, *6* – Устье II, *7* – Частые курганы, *8* – Сенное, *9* – Ситное, *10* – Пекшево, *11* – Ивницы, *12* – Рамонь I, *13* – Животинное, *14* – Староживотинное (кург.), *15* – Чертовицкое III, *16* – Чертовицкое II, *17* - Чертовицкое I, *18* – Белогорское II, *19* – Егеревский кордон, *20* – Михайловский кордон, *21* – Кузнецовское, *22* – Чижовское, *22а* – Шиловское, *23* – Сады, *24* – Верхнее Турово, *25* – Беляево, *26* – Орлово, *27* – Архангельское, *28* – Малое Сторожевое, *29* – Большое Сторожевое, *30* - Титчиха, *31* – Мастюгино (кург.), *32* – Ново-Солдатка («Крутцы»), *33* - Гора Белая I, *34* – Скупая Потудань, *35* – Терновое I (кург.), *36* – Солдатское, *37* - Мостище, *38* – Аверино, 39 - *44* – Волошино, гор. I – VI, *45* – Ближнее Стояново (кург.), *46* – Шубное, *47* – Русская Тростянка (гор.), *47а* – Русская Тростянка (кург.), *48* – Круглое, *49* – Дуровка (кург.), *50* – Кировское, *51* – Городище, *52* – *53* – Верхняя Покровка, гор. I и II, *54* - Стрелецкое, *55* – Прудки, *56* – Филипповское, *57* – Малое Костомарово, *58* – Большое Костомарово, *59* – Духовое, *60* – Титаревское, *61* - Шелаево, *62* – Липовка, *63* – Кудеярово, *64* – Тромбаки

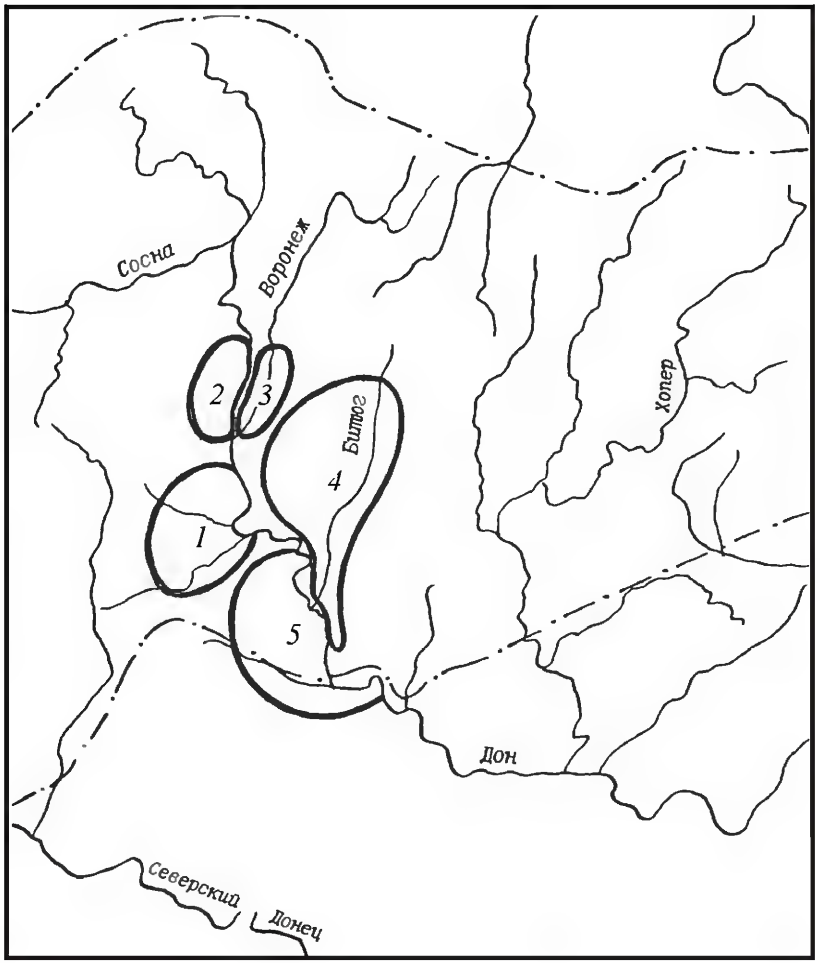


Рис.3. Схема районирования памятников среднедонской культуры скифского времени. Районы: *1* – Среднедонской Правобережный; *2* – Верхнедонской; *3* - Воронежский; *4* – Среднедонской Левобережный; *5* – Среднедонской (южнее Тихой Сосны)

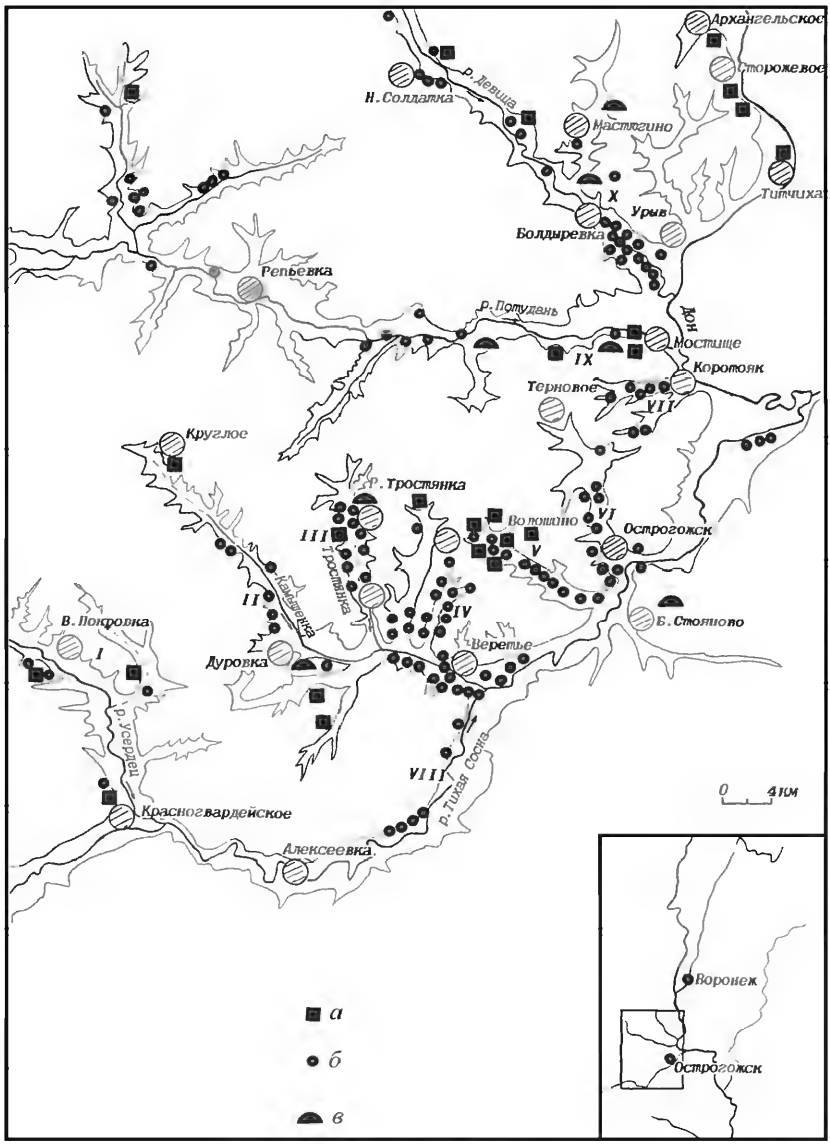


Рис.4. Карта микрорайонов памятников скифского времени Среднедонского Правобережья: *а* – городища, *б* - открытые поселения, *в* – курганные могильники. Микрорайоны: *I* – Усердец, *II* – Камышенка, *III* – Тростянка, *IV* – Шубное, *V* –Волошино, *VI* – Острогожск, *VII* – Коротояк, *VIII* - Левобережье Тихой Сосны, *IX* – Потудань, *X* – Девица, *XI* – Дон.

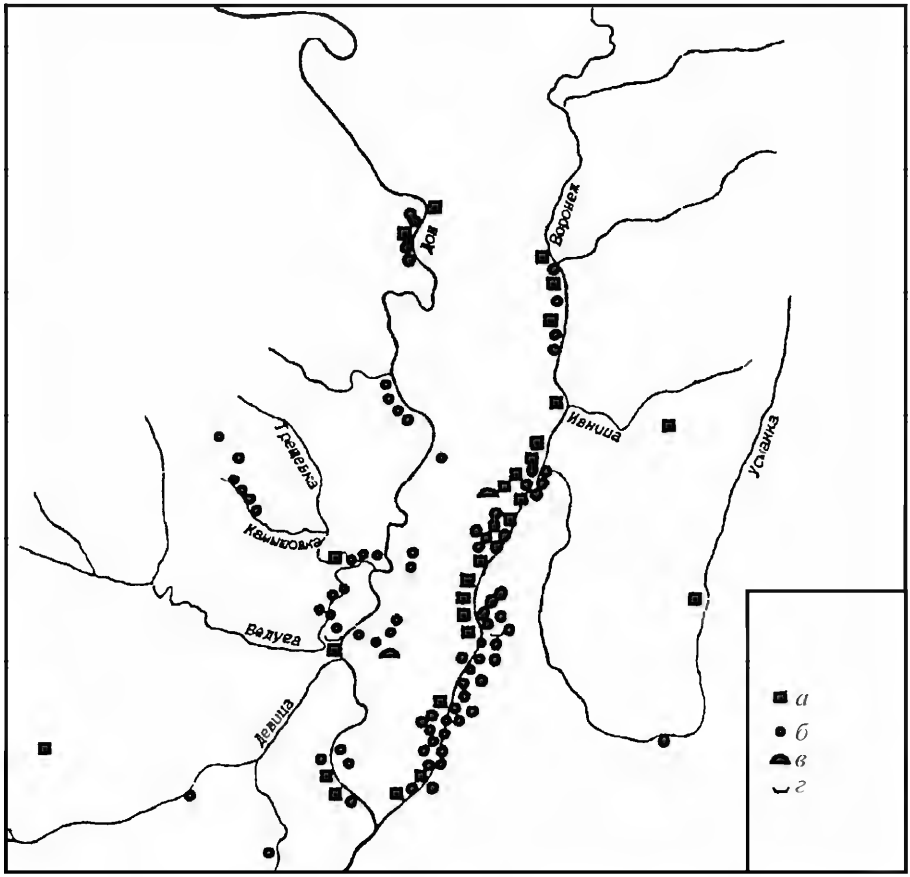


Рис.5. Карта скифоидных памятников Верхнего Подонья и Подворонежья:
а – городище, *б* – поселение, *в* – курганный могильник, *г* – грунтовый могильник.

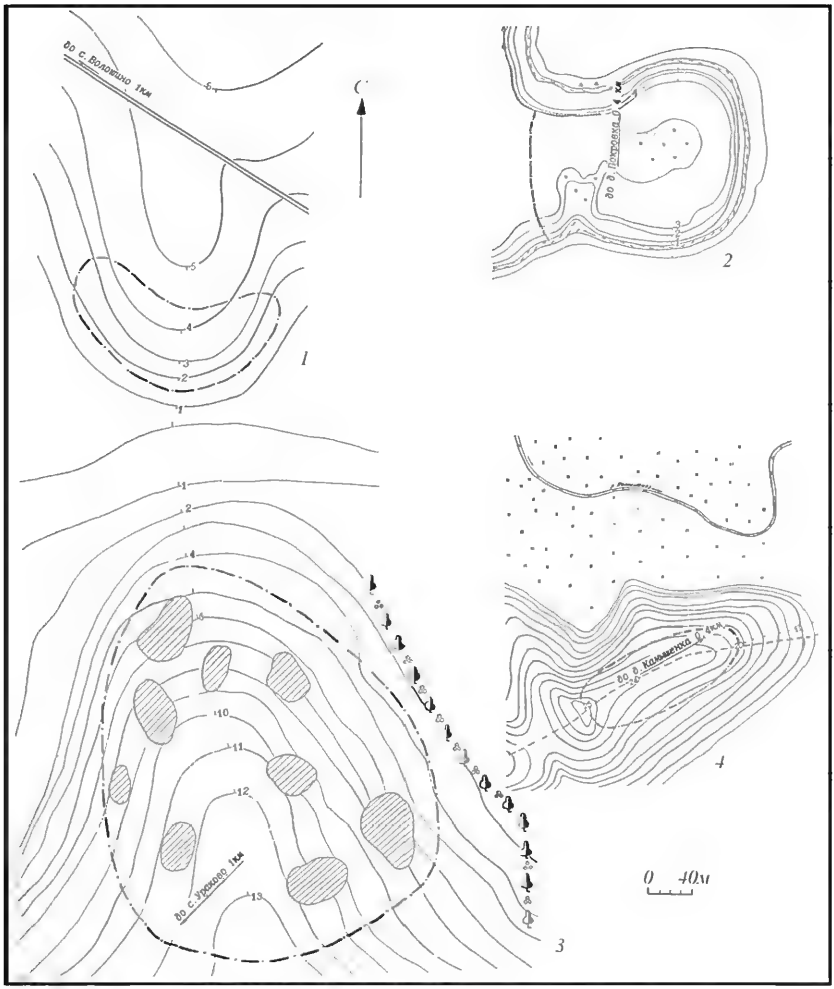


Рис.6. Типы неукрепленных поселений Среднедонского Правобережья
1 – Волошино 7, *2* – Покровка, *3* – Ураково, *4* – Камышенка.

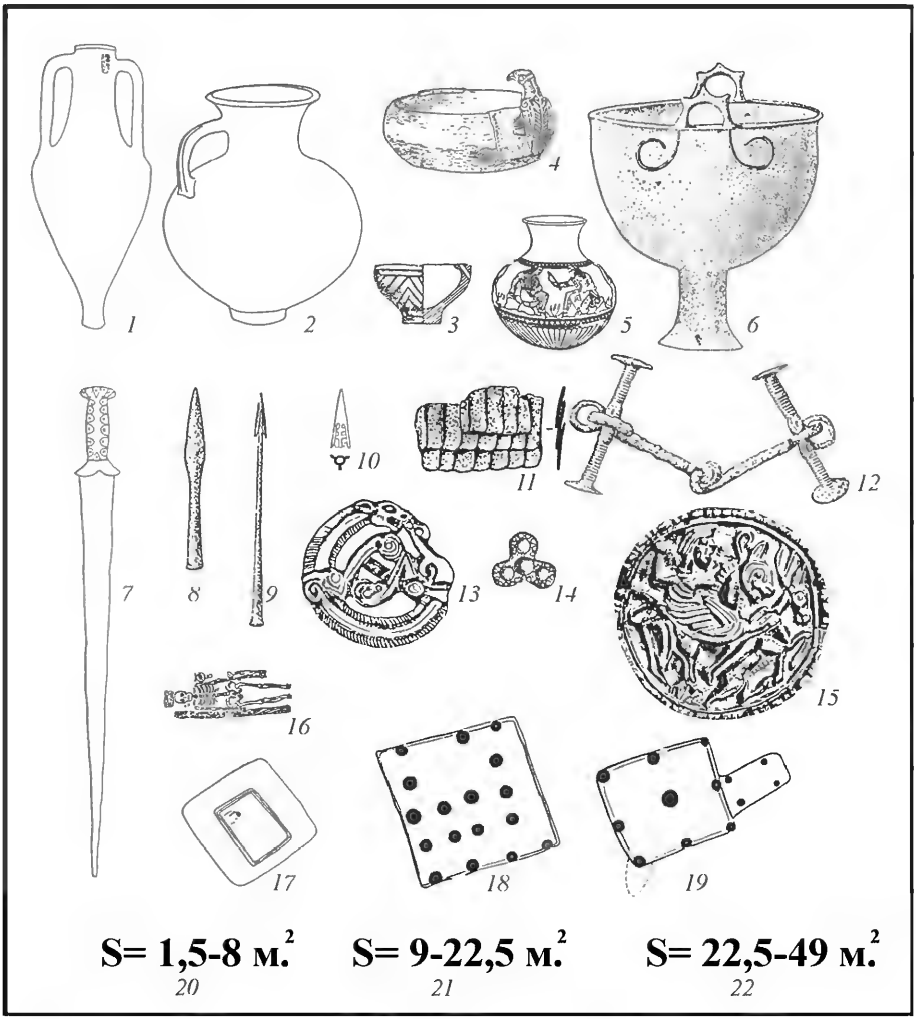


Рис.8. Социально значимые признаки среднедонских курганов скифского времени
1 - 15 – инвентарь; *16 - 19* – типы погребальных сооружений; *20 – 22* - размеры погребальных сооружений.

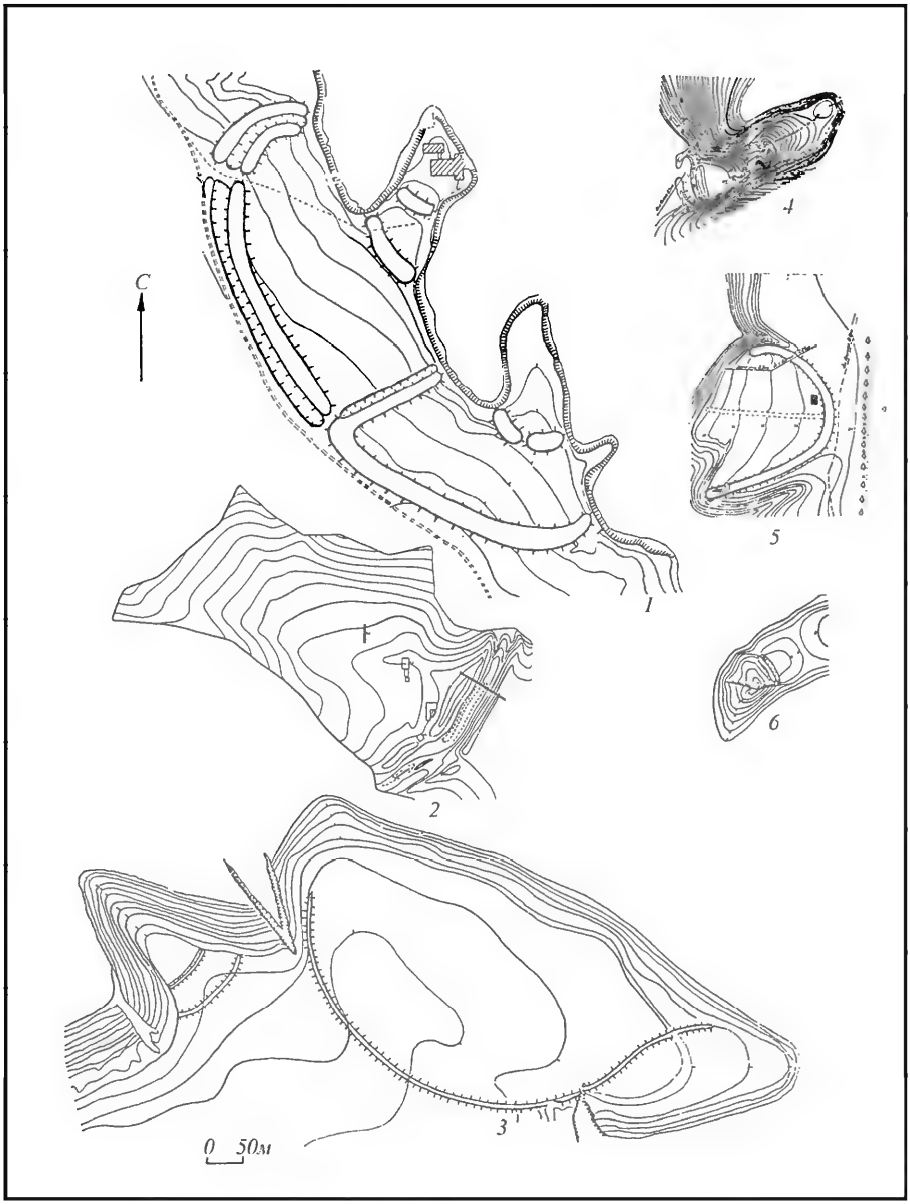
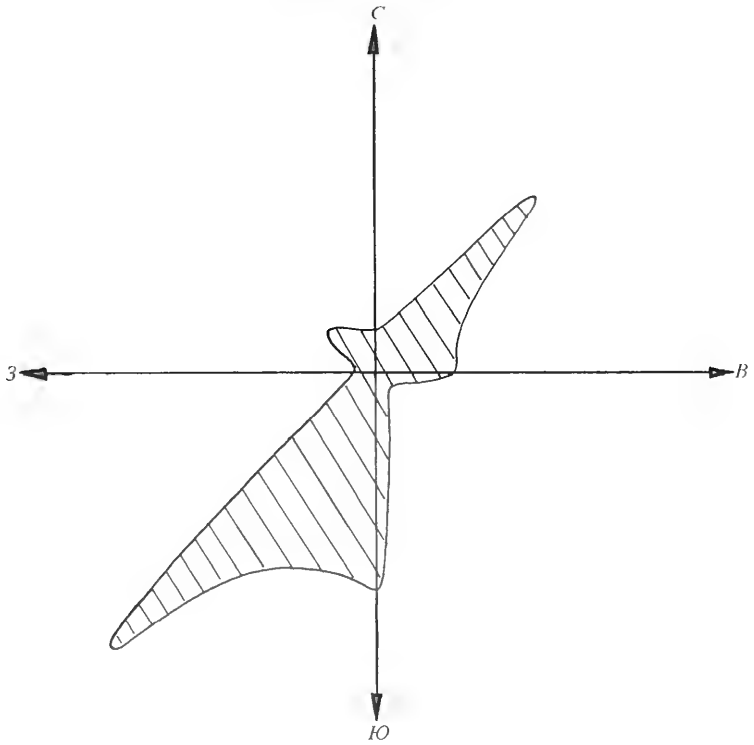


Рис.7. Типы городищ Среднедонского Правобережья
1 – Архангельское, *2* – Большое Сторожевое, *3* – Мостище и Аверино, *4* – Устье, *5* – Круглое, *6* – Гора Белая I.



а

	по заходу солнца						по восходу солнца			
	лето	осень	зима	весна	всего ориентировок		лето	осень	знма	весна
север	СВ	С 2	СВ	С	2		СЗ	С	СВ	С
восток	ЮВ 1	В 4	СВ 12	В	17		СВ	В	ЮВ	В
юг	ЮЗ	Ю	ЮВ	Ю 11	11	31	ЮВ 1	Ю	Ю319	Ю11
запад	СЗ 3	З 1	Ю319	З	23		ЮЗ	З	СЗ	З
всего	4	5	30	12	53					

б

Рис.9. Ориентировка погребенных среднедонских курганов
а – график распределения ориентировок по странам света; *б* – матрица

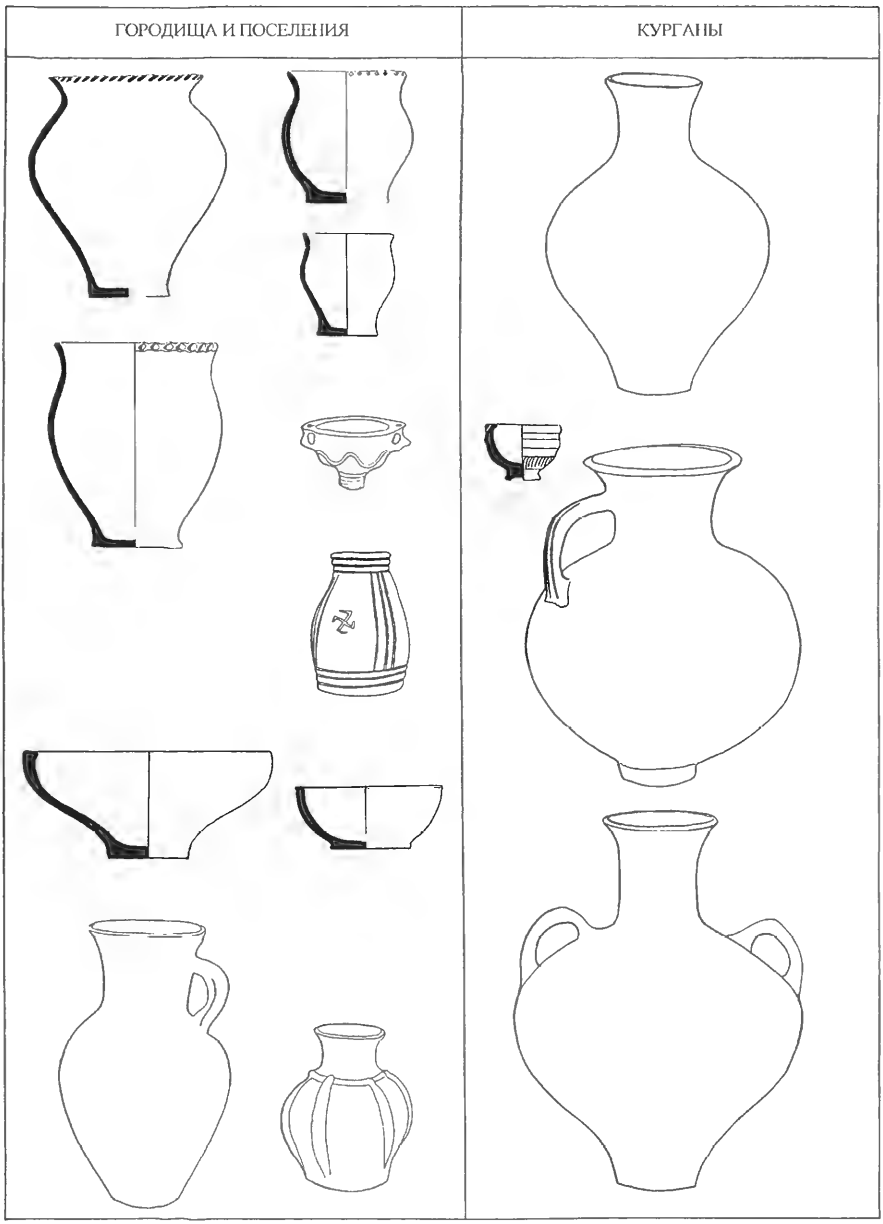


Рис.10. Ведущие типы лепной керамики городищ и курганных погребений среднедонской культуры.

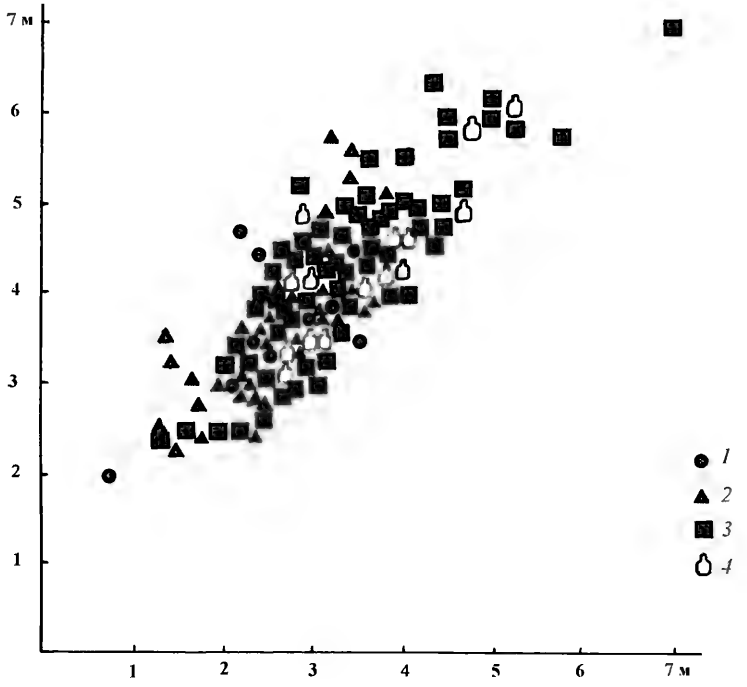


Рис.11. График зависимости размеров и типов погребальных сооружений
1- I тип; *2* - II тип; *3* – III - тип; *4* – IV тип.

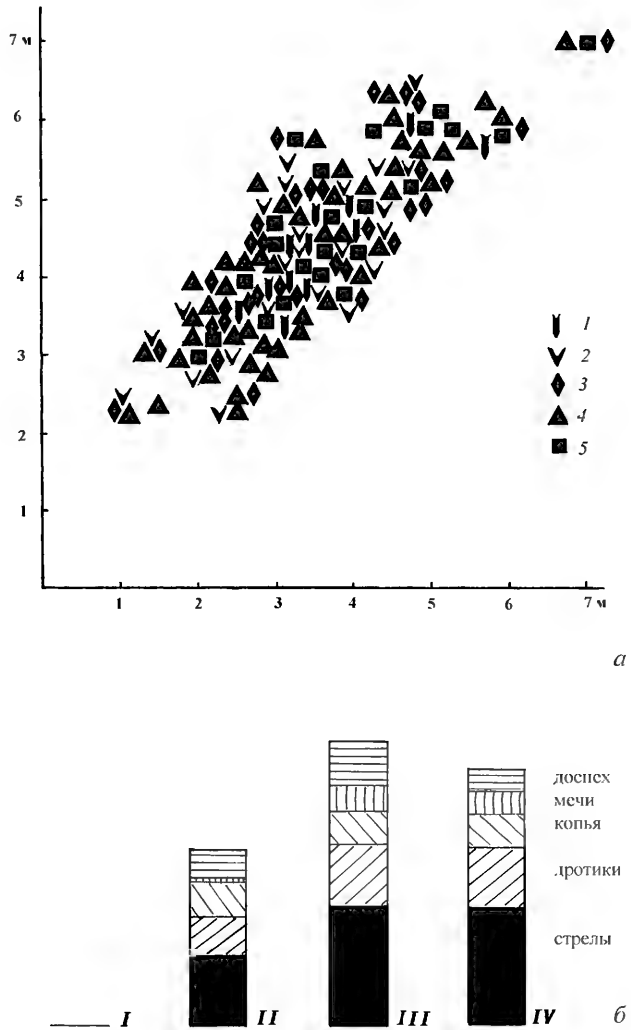


Рис.12. Зависимость между размерами погребальных сооружений и встречаемостью в погребениях предметов вооружения.
а – график зависимости: *1* – мечи, *2* - копья, *3* - дротики, *4* – стрелы, *5* – доспех; *б* – диаграммы распределения вооружения по типам погребальных сооружений: *I* - *IV* – типы погребальных сооружений.

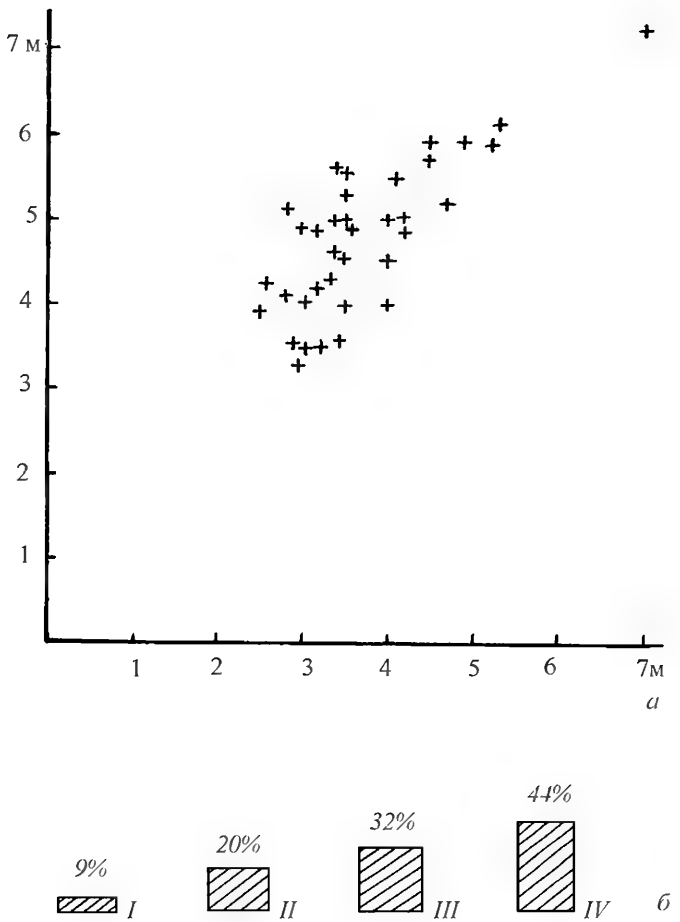


Рис.13. Зависимость между размерами погребальных сооружений и встречаемостью в погребениях изделий в зверином стиле. *а* - график зависимости; *б* - диаграммы распределения вооружения по типам погребальных сооружений: *I* - *IV* – типы погребальных сооружений.

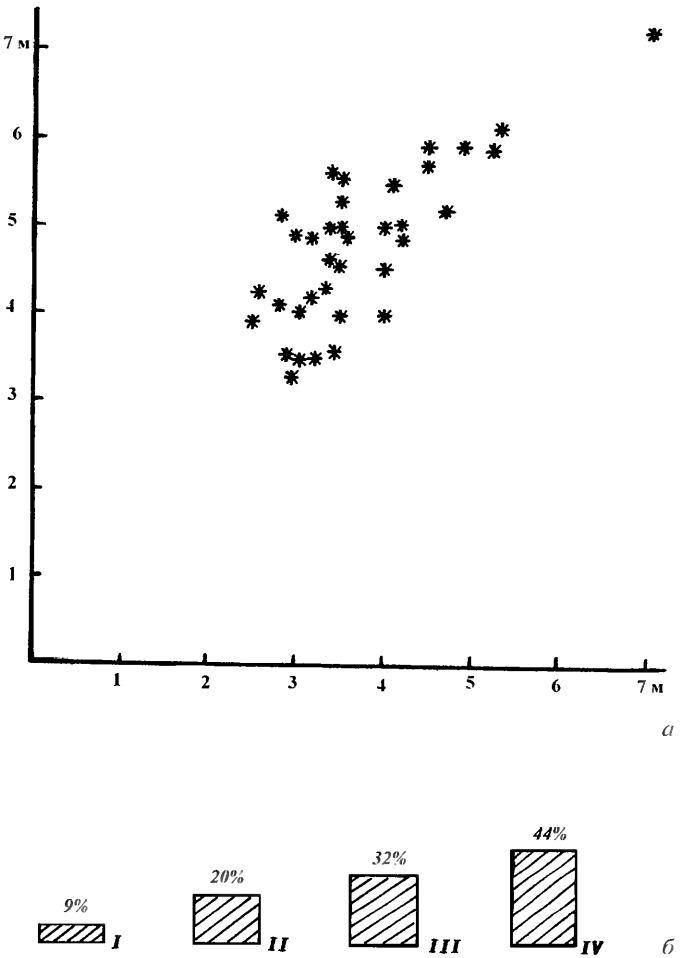


Рис.14. Зависимость между размерами погребальных сооружений и встречаемостью в погребениях золотых нашивных бляшек.
а - график зависимости; *б* - диаграммы распределения золотых нашивных бляшек по типам погребальных сооружений: *I* - *IV* – типы погребальных сооружений.

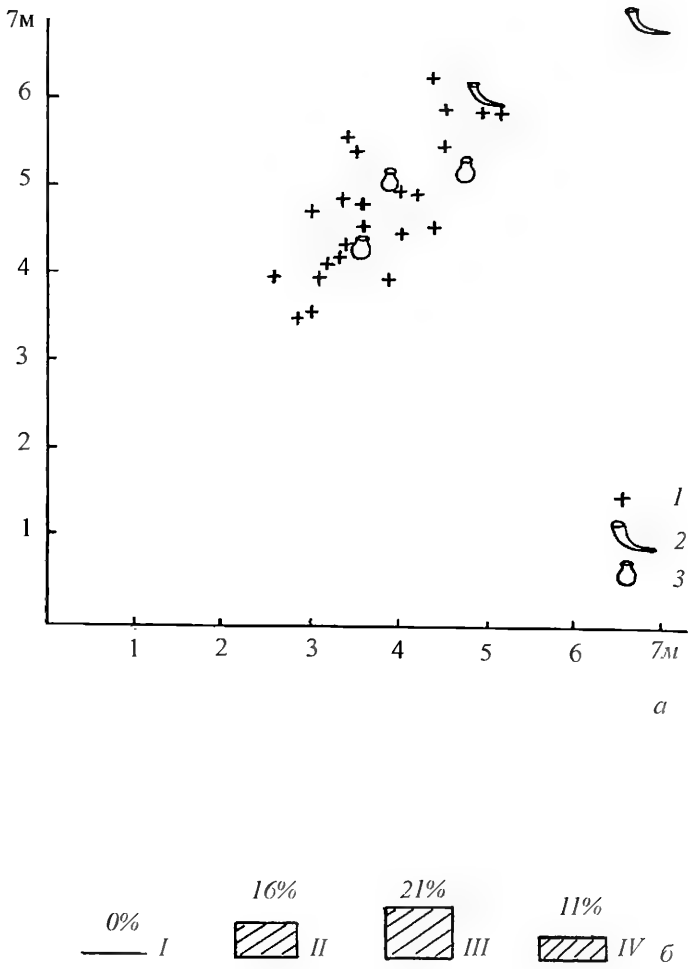


Рис.15. Зависимость между размерами погребальных сооружений и встречаемостью в погребениях престижных металлических сосудов. *а* - график зависимости: *1*- бронзовые котлы; *2*- ритоны; *3* - серебряные сосуды; *б* - диаграммы распределения престижных сосудов по типам погребальных сооружений: *I - IV* – типы погребальных сооружений.

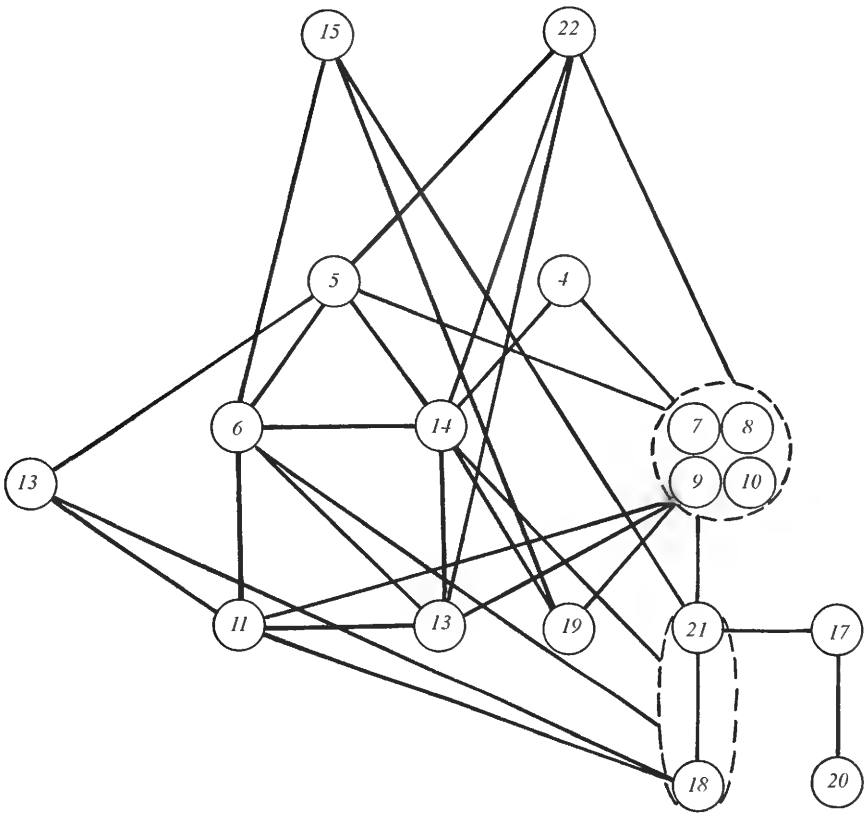


Рис.16. Граф взаимовстречаемости социально значимых категорий инвентаря, типов и размеров погребальных сооружений в среднедонских курганах скифского времени (указаны только сильные связи).

Признаки: *1* – амфоры, *2* – лепные кувшины, *3* – «ритуальные сосудики», *4* - деревянные сосуды, *5* – серебряные сосуды, *6* - бронзовые котлы, *7* – мечи, *8* – копья, *9* – дротики, *10* - стрелы, *11* – доспех, *12* – снаряжение коня, *13* - изделия в зверином стиле, *14* – золотые бляшки, *15* – прочие изделия из драгоценных металлов, *16* – погребальные сооружения I типа, *17* - погребальные сооружения II типа, *18* - погребальные сооружения III типа, *19* – погребальные сооружения IV типа, *20* – могилы 1-й размерной группы, *21* - могилы 2-й размерной группы, *22* - могилы 3-й размерной группы.

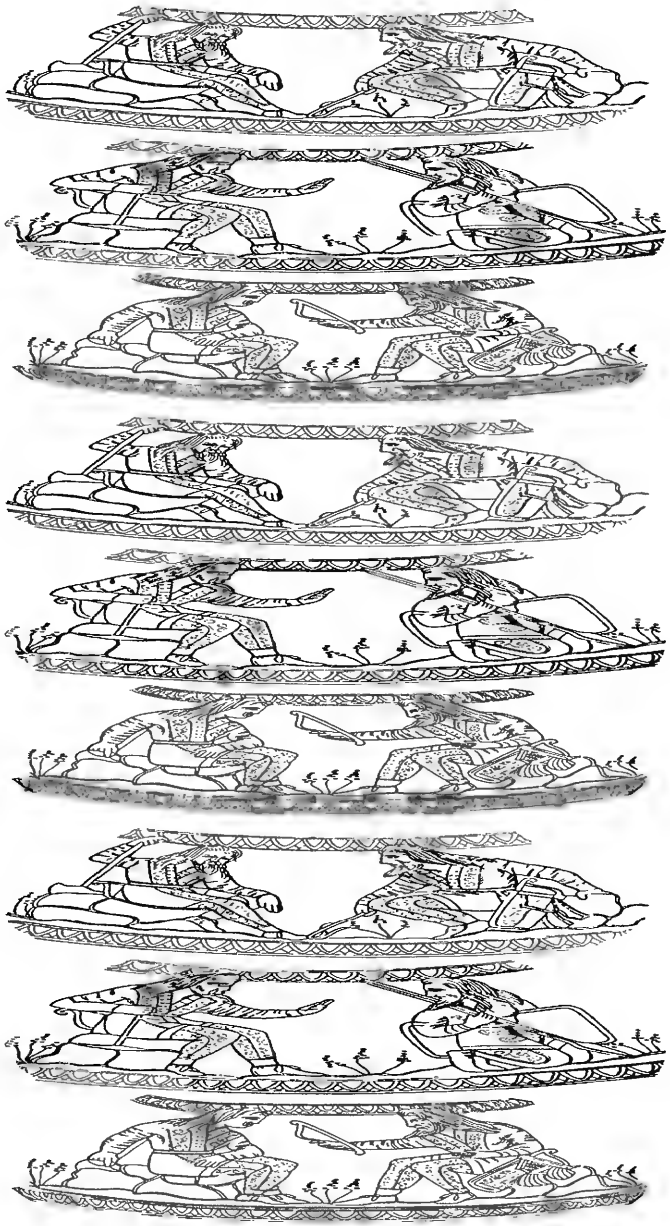


Рис.17. Сцены на Воронежском серебряном сосуде.

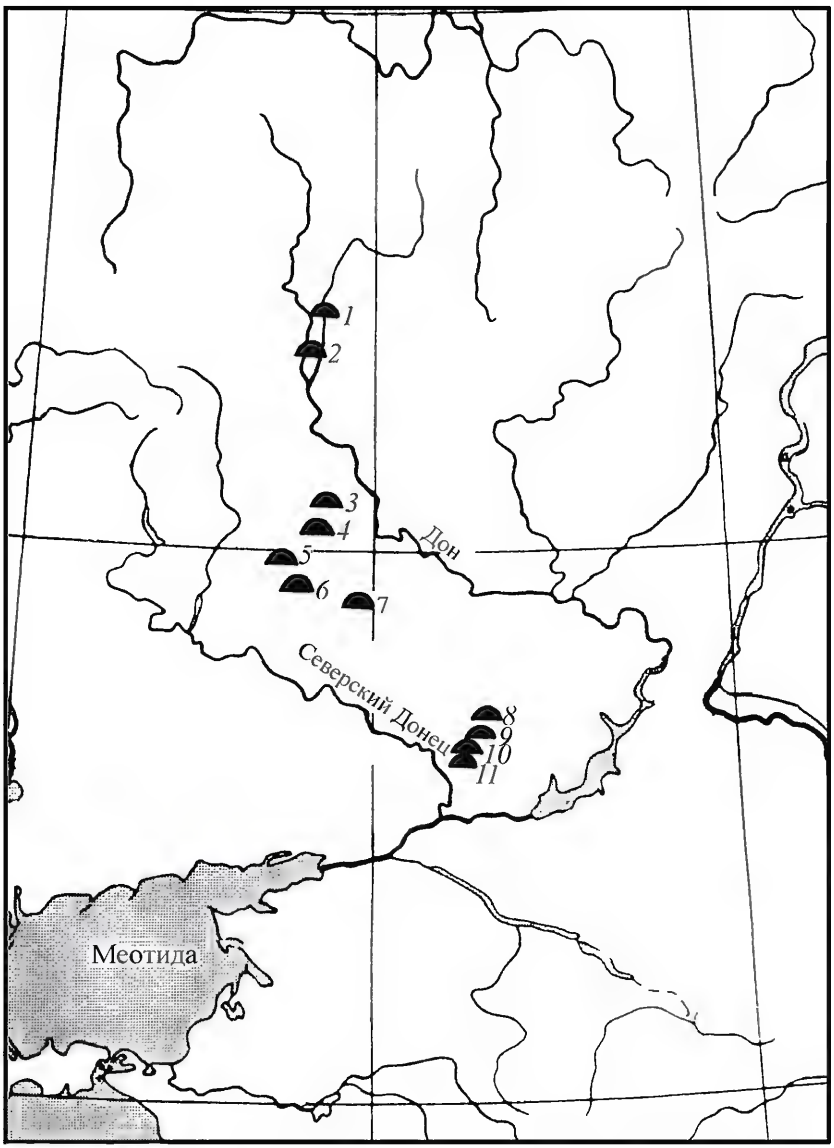


Рис.18. Карта сопоставляемых курганных могильников в Правобережье Среднего и Нижнего Дона:

1 - Староживотинное; *2* - Частые курганы; *3* - Мастюгино; *4* - Терновое - Колбино; *5* – Русская Тростянка; *6* - Дуровка; *7* - Ближнее Стояново; *8* - Кащеевка; *9* - Сладковка; *10* - Шолоховский; *11* - Частые курганы II

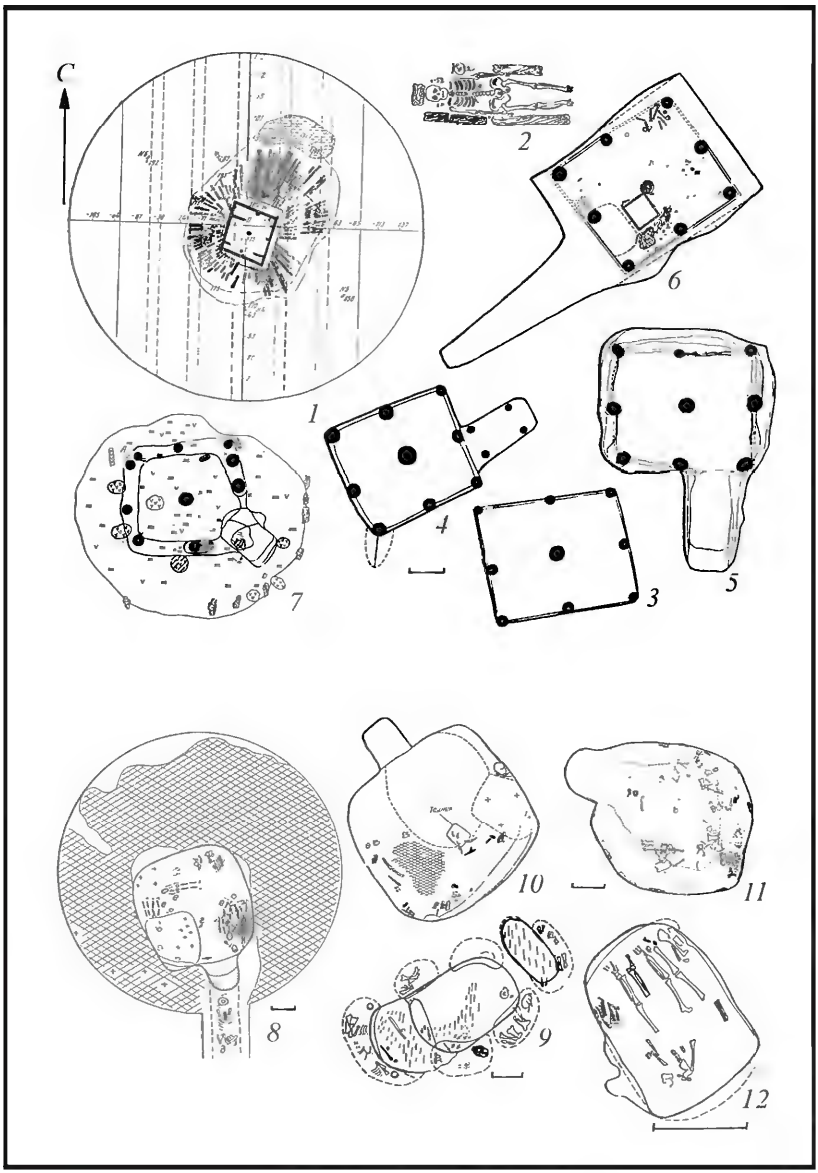


Рис.19. Типы погребальных сооружений на Среднем Дону и в междуречье Нижнего Дона и Северского Донца:

1 – Дуровка, к.9; *2* – Ближнее Стояново, к.9, п.1; *3* - Русская Тростянка, к.17; *4* – Мастюгино, к.18/37; *5* – Колбино, к.23; *6* – Дуровка, к.1; *7* – Мастюгино, к. 2/23; *8* – Сладковка, к. 4; *9* – Сладковка, к. 25; *10* - Шолоховский курган; *11* – Кащеевка, к.1; *12* – Карнауховский, к.43, п.1.

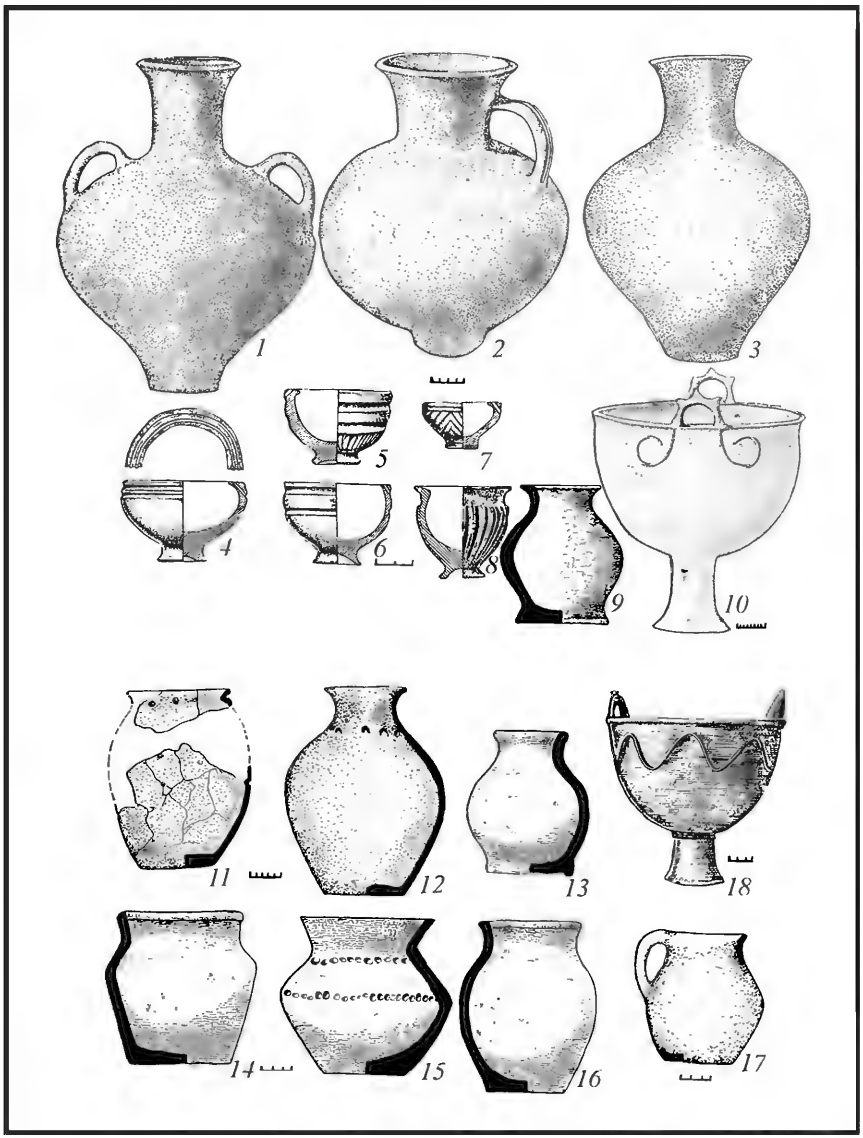


Рис.20 Посуда местного производства из курганных могильников Правобережья Среднего Дона и междуречья Нижнего Дона и Северского Донца:
1, 10 – Частые курганы, к.3 (1927 г.); *2* - Русская Тростянка, к.1; *3* – Дуровка, к.9; *4, 6* - Частые курганы, к.11/2; *5* - Частые курганы, к.13; *7* – Мастюгино, к. 18/38; *8* - Русская Тростянка, к.12; *9* – Колбино, к.1.(1970 г.); *11* - Сладковка, к. 4; *12* - Сладковка, к. 25; *13* - *16*, *18* – Шолоховский курган; *17* - Частые курганы II, к.1

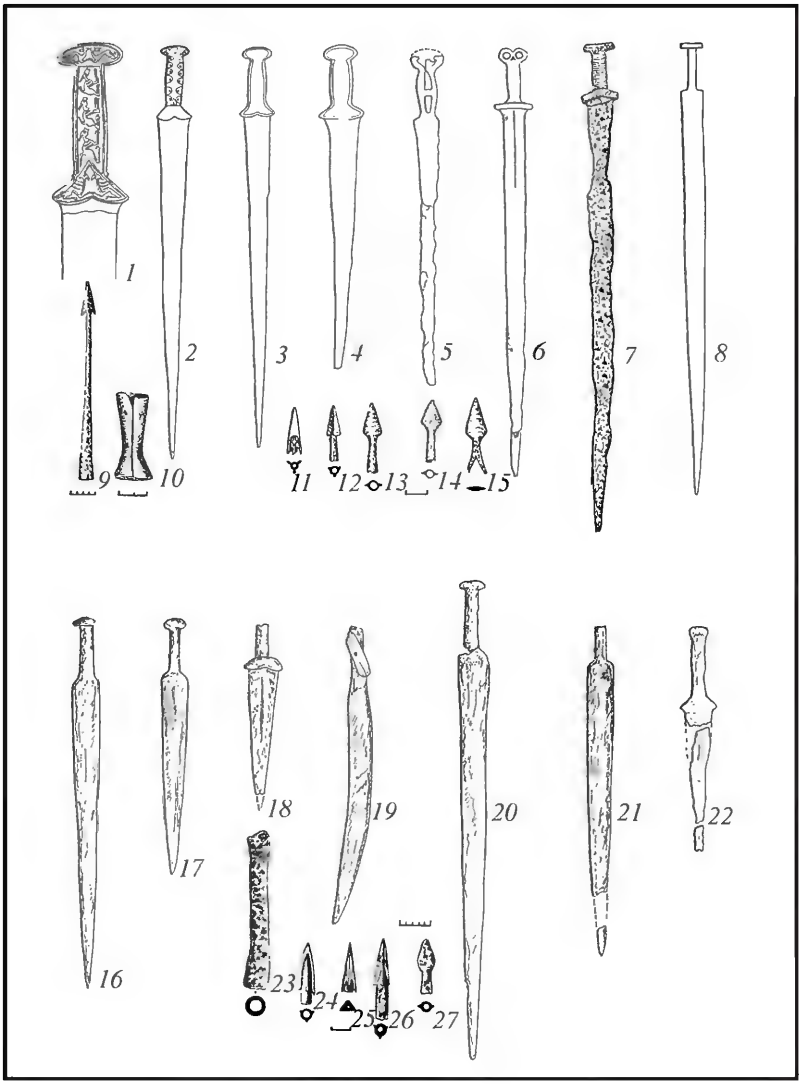


Рис.21. Оружие из курганных могильников Правобережья Среднего Дона и междуречья Нижнего Дона и Северского Донца:
1 - Частые курганы, к.3; *2 – 3* – Дуровка, к.9; *4* – Дуровка, к. 10; *5* – Ближнее Стояново, к.8, п.1; *6* – Староживотинное, к.38; *7* - Русская Тростянка, к.7; *8* - Дуровка, к.15; *9, 12* - Русская Тростянка, к.17; *10* - Колбино I, к.5; *11* - Мастюгино, к.16/30; *13,15* – Мастюгино, к.2 1908 г.; *14* - Мастюгино, к.4/20; *16* - Сладковка, к. 4; *17 - 19* - Сладковка, к. 25; *20* - Сладковка, к.15; *21, 23 - 27* – Шолоховский курган; *22* - Частые курганы II, к.1

Рис.22. Скифы и их соседи

а - глубина проникновения «взгляда» Геродота внутрь Скифии в зависимости от наличия или отсутствия торговых путей (жирной линией выделены этносы, через земли которых могли проходить древние торговые пути); *б* - схема «Скифского тетрагона»

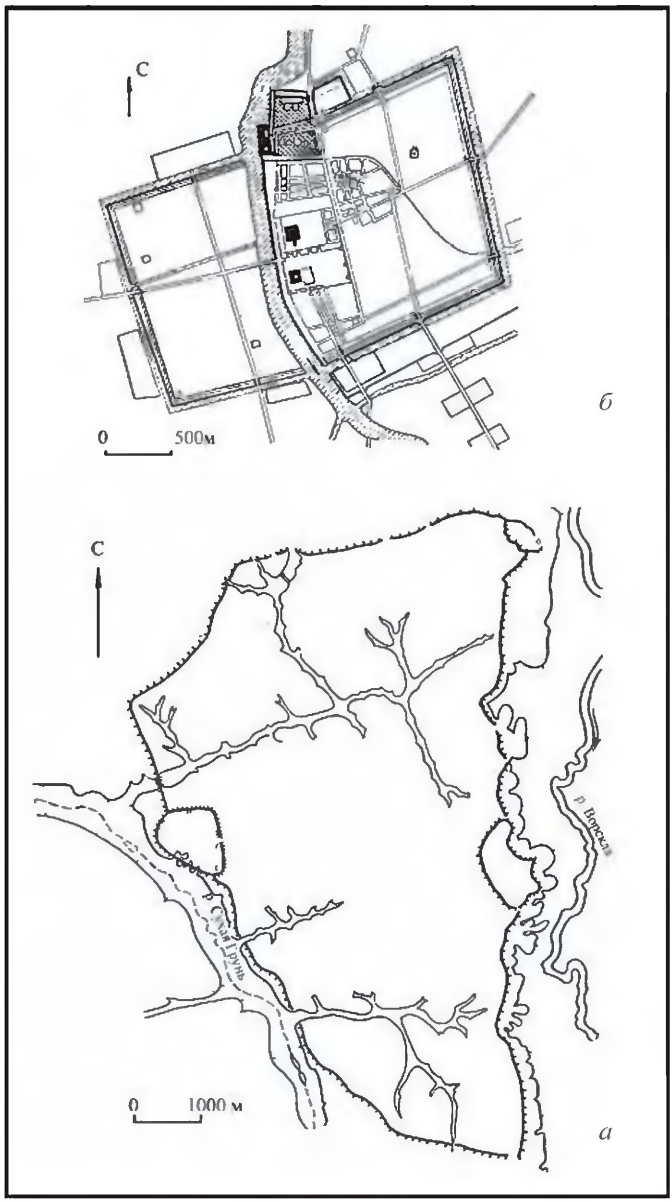


Рис.23. Гелон и Вавилон
а – план Бельского городища (Гелона по: *Шрамко Б.А.*, 1973);
б – план Вавилона времени Геродота (по: *Hawkes J.*, 1974).

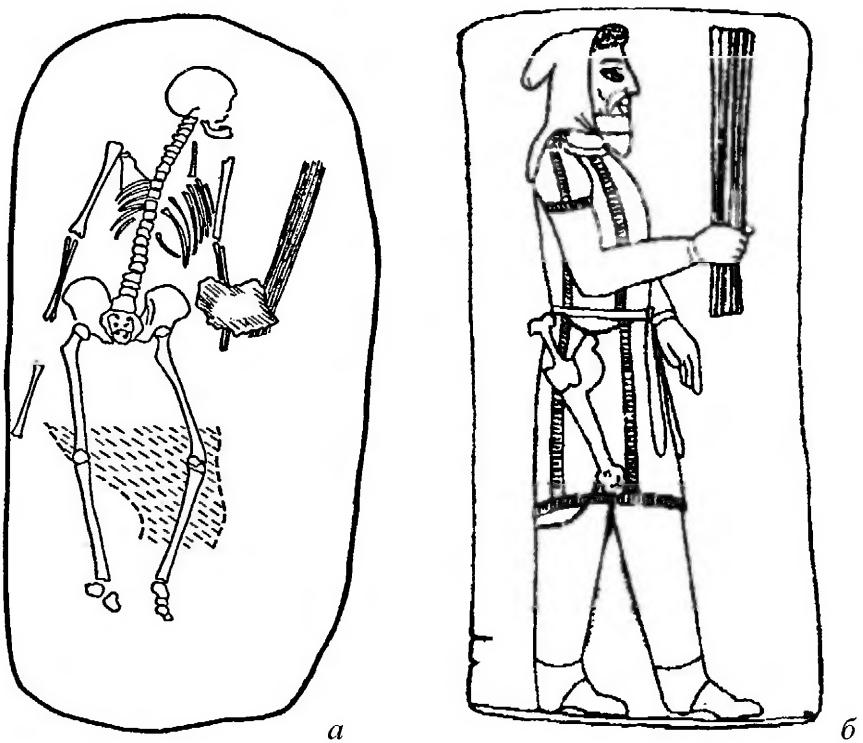


Рис.24. Археологические свидетельства жречества:

а – погребение в могильнике Мечет-Сай (по: *Смирнов К.Ф.*, 1964); *б* - изображение иранского жреца на серебряной пластине из Амударьинского клада(по: *Dalton M.O.,* 1965).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Лесостепная Скифия: формирование концепций и эволюция их содержания 6

К изучению системы расселения и социальной организации скифоидного населения на Среднем и Верхнем Дону 19

К истолкованию феномена воронежских курганов скифского времени 31

Курганы Лесостепной Скифии (к истории исследования феномена и его интерпретации на материалах Днепро-Донского междуречья) 40

Курганные могильники скифского времени в правобережье Среднего и Нижнего Дона (опыт сравнительного исследования) 52

Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону (проблемы этнокультурной интерпретации) 61

Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографических данных Геродота 77

Гелон Геродота: к проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологических реалий 82

Об атрибуции «жреческих» погребений у ираноязычных номадов II-I тыс до н.э. 91

«Степная цивилизация» или «степная альтернатива» цивилизации? 99

Заключение 109

Summary 110

Список сокращений 114

Таблицы и иллюстрации 115

Научное издание

Медведев Александр Павлович

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГЕОГРАФИИ ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ

ЛР ИД №00437 от 10.11.99

Заказ № . Подписано в печать
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная
Объем 18 п.л. Тираж 300 экз.

Типография ВГУ
394000, г.Воронеж, ул.Пушкинская, 3